

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

ТОМ III N 3

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

SÉRIE HISTORIQUE ET PHILOSOPHIQUE

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1946 MOSCOU

Редакционная коллегия:

академик В. П. ВОЛГИН (отв. редактор), академик
Б. Д. ГРЕКОВ, академик А. М. ДЕБОРИН,
Г. С. ВАСЕЦКИЙ, А. Ф. МИЛЛЕР, С. П. ТОЛСТОВ,
В. В. АЛЬТМАН (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

- Б. М. Кедров — О взглядах Энгельса
на классификацию наук 201
- С. Б. Кан — Проблемы истории Па-
рижской Коммуны в новейшей
литературе 221
- Академик В. В. Струве — Поход Да-
рия I на саков-массагетов 231
- В. М. Лавровский — К истории поэ-
мальных отношений в линконшир-
ском маноре Барроу XVI—XVIII
веков 251

Сообщения

- А. Ф. Миллер — Пятилетний план
научно-исследовательских работ
Отделения истории и философии
Академии Наук СССР 269
- П. Н. Третьяков — Балканская архео-
лого-этнографическая экспедиция 279

Авторефераты

- П. П. Фридолин — Восстание Чюмпи 285

Рецензии

- А. С. Ерусалимский — «История дип-
ломатии», Том второй 287
- Л. И. Зубок — «История дипломатии»,
Том третий 291
- П. И. Кушнер — Меморандум прави-
тельства Федеративной народной
республики Югославии об этни-
ческом составе Юлийской Край-
ны 294

Хроника

- В Отделении истории и философии
Академии Наук СССР 296

SOMMAIRE

- B. M. Kedrov — A propos des idées
d'Engels sur la classification des
sciences 201
- S. B. Kan — Les problèmes de l'histoire
de la Commune de Paris dans
l'historiographie contemporaine 221
- V. V. Struve, de l'Académie — La cam-
pagne de Darius I contre les sac-
ques-massagètes 231
- V. M. Lavrovsky — Contribution à l'his-
toire des relations agraires au
manoir Barrow (Lincolnshire) aux
XVI-XVIII siècles 251

Communications

- A. Ph. Miller — Le plan quinquennal des
travaux scientifiques à la classe
d'histoire et de philosophie de
l'Académie des Sciences de
l'U.R.S.S. 269
- P. N. Trétiakov — L'expédition archéo-
logique-ethnographique dans les
Balkans 279

Les oeuvres référées par leurs auteurs

- P. P. Fridolin — La révolte des Ciompi 285

Critique

- A. S. Erussalimsky — «Histoire de la
diplomatie» t. II 287
- L. I. Zoubok — «Histoire de la diploma-
tie» t. III 291
- P. I. Couchner — Memorandum du
Gouvernement de la République
Fédérative Populaire de Yougosla-
vie sur structure ethnique de la
Marche Julianne 294

Chronique

- A la classe d'histoire et de philosophie
de l'Académie des Sciences de
l'U.R.S.S. 296

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, Отделение истории и философии АН СССР.
Тел. К-1-97-11.

A-382-и

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Серия истории и философии № 3 (1946) (201—220) Série historique et philosophique

Ж-6680 п 3252

Библиотека Института
Философии АН СССР

Б. М. КЕДРОВ

О ВЗГЛЯДАХ ЭНГЕЛЬСА НА КЛАССИФИКАЦИЮ НАУК

Естествознание XVII—XVIII вв. не рассматривало природу как не-
что целое, а расчленяло ее аналитически на отдельные области, изоли-
руя их одну от другой. При таком подходе между основными отрасля-
ми естествознания неизбежно возникал разрыв. В XIX в., особенно к
исходу его второй трети, определилась потребность синтетически вос-
создать картину природы в целом путем раскрытия внутренней связи
между всеми ее областями. Отсюда возникала практическая задача
классификации наук, т. е. приведения их в связь между собой. Однако
привычка естествоиспытателей мыслить метафизически мешала пра-
вильно осознать, а тем более решить эту задачу. Hard and fast lines
продолжали господствовать в мышлении. Такие резко разграничитель-
ные линии фактически разрушались уже внутри отдельных наук; но они
удерживались еще в качестве границ между науками и тормозили со-
здание классификации, отвечающей новому уровню развития естество-
знания.

Диалектически, с точки зрения всеобщей связи и развития природы,
охватил результаты всего естествознания XIX век, и на этой основе по-
строил классификацию науки впервые Фридрих Энгельс. Интересно
проследить исторически развитие взглядов Энгельса по данному вопро-
су. С этой целью мы разделим его работы на пять этапов. При отнесе-
нии отдельных документов к тому или иному этапу следует помнить,
что даты многих черновых записей Энгельса точно не установлены.

I. Возникновение идеи классификации наук (1873—1874 гг.)

Впервые идея классификации наук возникла у Энгельса весной
1873 г. (см. его письмо к Марксу от 30 мая 1873 г.). В основу намеча-
емой классификации наук Энгельс кладет идею развития форм движе-
ния материи от простейшей до наиболее сложной. Он располагает в
ряд четыре основные науки: механику, физику, химию и биологию.

Стремясь устранить резкие разграничительные линии между наука-
ми, Энгельс сосредоточил свое внимание на том, чтобы вскрыть и обо-
сновать естественность связей и переходов от одной науки к другой.
Поэтому особый интерес для него представляют те области природы,
где совершаются переходы одной формы движения в другую, более
высокую и сложную.

Так, например, говоря о механике контакта, он подчеркивает, что
одними механическими явлениями не исчерпываются все по-
следствия соприкосновения. Трение и удар при известных условиях
порождают качественно новые явления. Точно так же физические фор-
мы движения при определенной степени своего напряжения вызывают
химические действия; последние по мере своего усложнения при-
водят к жизни.

Библиотека Института
Философии АН СССР

Академия Наук СССР

Таким образом, в письме от 30 мая 1873 г. содержится, во-первых, основная идея, заключающаяся в том, что связь и последовательность в расположении наук (их классификация) должны вытекать из рассмотрения связи и последовательного превращения различных форм движения, и что переходы между науками должны отвечать переходам между самими формами движения; во-вторых, в этом же письме изложен конкретный план расположения четырех основных наук, из которых подробнее рассмотрены лишь первые три.

Первая запись Энгельса, положившая начало разработке «Диалектики природы», по своему содержанию является развитием мыслей, высказанных в приведенном письме. Запись озаглавлена: «Диалектика естествознания». Дополнительно в ней содержится: 1) указание на кристаллографию, как часть химии; 2) указание на дисциплины, промежуточные между физикой и астрономией, химией и астрономией (физику небесных тел, химию небесных тел); 3) особый пункт, касающийся специально перехода от химии к жизни; тем самым подчеркнуто, что при рассмотрении общей связи наук наряду с основными науками, соответствующими главным формам движения, необходимо уделить особое внимание тем, еще не изученным, областям природы, в которых должны быть раскрыты переходы от низших форм движения к высшим; 4) намек на анализ развития форм движения в разрезе истории природы; это выражено в указании, что действительный переход от химии к жизни имел место только в истории солнечной системы, Земли; 5) в связи с этим помимо рассмотрения основных форм движения упоминается «реальная предпосылка органической природы».

Смысл последней фразы раскрывается в заметке «Физиография», точная дата которой не установлена, но которая логически примыкает к предыдущей. Заметка гласит: «После того как сделан переход от химии к жизни, надо прежде всего рассмотреть те условия, в которых возникла и существует жизнь, — следовательно, прежде всего геологию, метеорологию и остальное. А затем и сами различные формы жизни, которые ведь без этого непонятны»¹. Отсюда видно, что геологию Энгельс трактует не как науку о какой-либо специфической форме движения, но как науку о реальных предпосылках для возникновения высших форм движения (жизни), науку об условиях, в которых реализуются эти высшие формы движения. Такой же взгляд на геологию выражен Энгельсом в отрывке «Из области истории» (1874 г.). Тем самым указывается место геологии и связанных с ней дисциплин в общей классификации наук.

Переход к рассмотрению форм движения в связи с историческим развитием природы намечается также в трех заметках (1873—1874 гг.), касающихся космогонической гипотезы: «Causa finalis...», «Перво-материя» и «Теория Лапласа...». В них указывается, что развитие газового шара туманности началось с недифференцированной еще материи, когда имелись лишь начатки формы; в этом простейшем случае предполагается только движущаяся материя (вращающиеся массы). Таким образом, оказывается, что история солнечной системы имеет в качестве своего относительно исходного состояния механическое движение масс, подобно тому, как в ходе обычного превращения форм движения на Земле развитие процесса начинается с простейшего механического перемещения.

Наконец, в заметке «Классификация наук...» (1874 г.) Энгельс формулирует общие принципы решения задачи. Эти принципы, во-первых, носят материалистический характер, утверждая, что отдельные

¹ Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1946, стр. 201.

науки представляют собой отражение различных форм движения и что, поэтому, классификация наук является вместе с тем и классификацией (расположением) самих форм движения согласно внутренне присущей им последовательности. Подобно тому как отдельные науки являются отражением отдельных форм движения, так и связь наук является отражением общей связи, закономерно охватывающей все формы движения.

Во-вторых, эти принципы носят диалектический характер, подчеркивая, что различные науки не должны располагаться внешним образом одна подле другой, а должны с необходимостью вытекать одна из другой, подобно тому, как одна форма движения развивается из другой. «Переходы должны совершаться сами собою, должны быть естественными»².

Резюмируем итоги первого этапа. В течение 1873—1874 гг. классификация наук обосновывается Энгельсом с точки зрения развития и усложнения форм движения; это развитие ограничивается пока еще рамками местного движения на Земле, принимающего последовательно три основные формы движения: механическую, физическую и химическую³.

Наряду с этим подготавливается более глубокая трактовка, связывающая классификацию наук с историей солнечной системы.

II. Углубление идеи классификации наук (1875—1876 гг.)

Исторический взгляд на предмет исследования Энгельс расширяет в двух направлениях: он включает в рассмотрение, во-первых, историю природы, во-вторых, историю ее познания (историю естествознания). Энгельс исходит из мысли, что если отдельный процесс последовательного превращения форм движения на Земле происходит в порядке переходов от простого к сложному, от низшего к высшему, то эта же последовательность должна иметь место в ходе исторического развития всей солнечной системы и, в частности, нашей Земли. С другой стороны, познание природы должно было развиваться в том же последовательном порядке, сначала раскрывая закономерности более простых форм движения и постепенно переходя к познанию закономерностей все более сложных его форм. В таком случае классификация наук, как отражение развития природы и ее познания, получает глубокое историческое обоснование.

Подобный подход отражен в статье «Введение» (к «Диалектике природы») (1875—1876 гг.). Принцип историзма выступает здесь двояко: в смысле исторического взгляда на развитие науки (первая часть «Введения») и в смысле исторического взгляда на развитие природы (вторая его часть).

Ход истории природы может быть схотато представлен так: из вихреобразно вращающейся газообразной туманности развивается солнечная система; прогрессирующее охлаждение способствует развитию поверхности отдельного небесного тела: на первый план выступает взаимодействие превращающихся друг в друга физических форм движения; затем начинается дифференциация химических элементов с последующим возникновением химического взаимодействия.

Конденсация газообразной материи в жидкость и последующая ее кристаллизация обуславливают приобретение планетой твердой коры, а также развитие атмосферы с появлением в ней метеорологических процессов в современном их понимании.

² Энгельс. Диалектика природы, стр. 201.

³ См. по этому поводу комментарий J. B. S. Haldane к английскому переводу «Диалектики природы» (Frederick Engels. Dialectics of Nature. N. Y., 1940 p. 158).

С дальнейшим охлаждением создаются условия, при которых возникает жизнь, т. е. образуется жизнеспособный белок и живая протоплазма. Последовательное усложнение форм жизни достигает своего высшего развития в человеке, в лице которого природа приходит к осознанию самой себя. Вместе с человеком процесс развития выходит за пределы природы и вступает в область истории.

Последовательность возникновения и смены различных ступеней развития солнечной системы и Земли соответствует здесь последовательности развития отдельных форм движения; они следуют в том же порядке: механические явления, физические, химические и биологические. С другой стороны, геологические и метеорологические процессы занимают здесь место, промежуточное между химизмом и жизнью, составляя собою те условия, при которых усложнение органического вещества доходит до образования белков.

Идея единства развития форм движения и истории природы особенно четко сформулирована Энгельсом в заметке «Вечные законы природы...» (1876 г.): «Но сама эта теория (теория превращения энергии, Б. К.) превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениям природы, в историческое изображение изменений, происходящих одно за другим в какой-нибудь мировой системе от ее возникновения до гибели, т. е. превращается в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения...»⁴

Второе направление в историческом обосновании данной проблемы высказано Энгельсом в отрывке «Из области истории» (1874 г.), который представляет первоначальный набросок «Введения». Здесь приведена интересная схема, смысл которой становится ясным только при изучении позднейших записей Энгельса. В схеме расположены в последовательном порядке следующие пять групп наук:

Астрономия	Физика	Геология	Физиология растений	Терапевтика
Механика	Химия	Палеонтология	Физиология животных	Диагностика
Математика	Минералогия		Анатомия	

Рассматривая историческую последовательность возникновения отдельных отраслей естествознания, Энгельс располагает их в том же порядке, в каком он расположил различные формы движения согласно внутренне присущей им последовательности и в каком располагаются различные ступени развития природы согласно их исторической последовательности.

В отрывке «Необходимо изучить последовательное развитие отдельных отраслей естествознания» (1875 г.) Энгельс по существу разъясняет и обосновывает составленную им ранее схему. Он указывает, что уже в древности сложились первые науки — астрономия, механика и помогающая им математика. Остальные науки тогда еще не успели выделиться в самостоятельные отрасли естествознания. В первой половине XVII в. оформляется физика, обособившаяся от химии; во второй половине XVII в. начинается создаваться химия как наука, но ее окончательное создание завершается лишь в XVIII в. (см. «Введение»). В другом месте Энгельс отмечает, имея в виду первую половину XVIII в., что «геология еще не вышла из зародышевой стадии минералогии, и поэтому палеонтология совсем не могла еще существовать»⁵.

Только в конце XVIII в. закладываются основы геологии, и лишь

после этого, в начале XIX в., создается палеонтология. Биология остается все еще на уровне науки, собирающей факты, пока не возникает палеонтология. Только к середине XIX в., после открытия клетки, биология начинает становиться подлинной наукой; в ней развивается сравнительный метод (сравнительная морфология, сравнительная физиология). Наконец, в самое последнее время закладываются основы антропологии, опосредствующей переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории, т. е. находящейся на границе между естествознанием и наукой об обществе.

Итак, в приведенной выше схеме отражено последовательное развитие отдельных отраслей естествознания, соответствующее тому, что сначала познаются более простые формы движения, затем исторические условия для возникновения более сложных форм и, наконец, сами более сложные формы движения.

Новым, по сравнению с предыдущим этапом, является включение Энгельсом в число рассматриваемых наук математики. В связи с этим в записях 1875 г. начинают появляться заметки, касающиеся математики. Но математика не является естественной наукой, поскольку она не имеет в качестве своего предмета какой-либо особой формы движения материи; «Математика — это наука о величинах»⁶, — писал Энгельс в 1874 г.; она имеет дело с абстракциями, выражающими стороны реального движения, и прежде всего движения механического. Вот почему исторически в своем развитии математика, как указывает Энгельс, была связана с астрономией и механикой, по отношению к которым она играла служебную, вспомогательную роль, имея задачей изображать состояния и процессы.

В 1875 г. Энгельс начинает рассматривать и термодинамику; он анализирует ее как науку, изучающую переходы между различными формами движения, во-первых, между теплотой и механическим движением, во-вторых, между теплотой, излученной, и теплотой, вновь используемой. В первом случае Энгельс ссылается на паровую машину, которая доказывает наличие обратного перехода тепловой (физической) формы движения в более простое механическое движение. Во втором случае речь идет о восстановлении круговорота материи во вселенной. Следовательно, вопрос о теплоте рассматривается двояко: в плоскости местного превращения форм движения, и в плоскости истории всей природы в целом.

Наконец, в 1876 г. Энгельс подробно разрабатывает вопрос о пограничной области между естествознанием и историей, вопрос о происхождении человека (проблему антропогенеза).

Резюмируем итоги второго этапа. В течение 1875—1876 гг. был сделан существенный шаг вперед, поскольку исторический взгляд на предмет исследования был расширен за пределы рассмотрения отдельных процессов превращения энергии; во-первых, центр внимания переносится Энгельсом на изучение последовательно развивающихся форм движения, как ступеней истории природы; во-вторых, отдельные науки трактуются не только как отражение различных форм движения, но и как ступени истории естествознания, проходящие в своем историческом развитии примерно тот же путь от познания простого к познанию сложного, какой реально проходили в истории природы сами формы движения. Таким образом, история природы как бы отражается в истории познания ее человеком.

Классификация наук выступает теперь у Энгельса как логическое обобщение исторического процесса, данного в трех разрезах: 1) в разрезе местного превращения форм движения, 2) их развития в истории

⁴ Энгельс. Дialectика природы, стр. 192.

⁵ Энгельс. Дialectика природы, стр. 8.

⁶ Энгельс. Дialectика природы, стр. 207.

природы, 3) истории их познания. Таким образом, вся проблема решается Энгельсом в плоскости раскрытия единства исторического и логического.

III. Дальнейшее развитие классификации наук (1877—1879 гг.)

До сих пор, говоря о классификации наук, Энгельс ограничивался рассмотрением форм движения. Но углубляясь в исследование проблемы, он логически должен был прийти к выводу, что последовательность развития форм движения имеет своей основой последовательность развития материального субстрата этих форм, каковым являются различные дискретные виды материи. Этот вывод логически вытекал из общего положения диалектического материализма, сформулированного Энгельсом в 1877—1878 гг.: «Движение есть форма бытия материи»⁷.

В применении к интересующему нас вопросу это общее положение конкретизируется так: каждая отдельная форма движения есть форма бытия качественно особого вида материи. Отправляясь от этого, Энгельс выдвигает в центр внимания, наряду с формами движения, материальные носители этих форм, т. е. качественно определенные виды материи (обычные тела, молекулы, атомы, белковые тела), причем различные формы движения характеризуются теперь Энгельсом как состояния и движения их материальных носителей. Такой подход позволяет еще более глубоко и всесторонне раскрыть взаимную связь и переходы наук, еще более рационально обосновать их классификацию.

Прежде всего Энгельс указывает, что «перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место в общей системе вещей и знаний...»⁸. С этой целью, поскольку речь идет о естествознании, необходимо выяснить материальный объект каждой науки. Энгельс показывает, что в механике рассматривается движение небесных тел и земных масс. «В физике мы имеем дело с движением молекул, в химии — с образованием молекул из атомов...»⁹. Наконец, биология имеет дело с белком, поскольку «жизнь есть форма бытия белковых тел...»¹⁰. Далее Энгельс показывает, что каждая форма движения переходит в другую, высшую форму движения, причем образуется «узловая линия», отражающая последовательный ряд переходов количественных изменений в качественные. Отдельные «узлы» на этой линии представляют собой области скачка, т. е. перехода между двумя смежными формами движения и, соответственно этому, между двумя смежными науками. С переходом от нижней формы движения к высшей меняется материальный объект (носитель движения), причем высшая форма движения продолжает содержать в себе низшую, но не как самостоятельную, а как подчиненную высшей. Поэтому каждую науку можно охарактеризовать двояко: во-первых, по ее материальному объекту, которым она отличается от предшествующей науки; во-вторых, по ближайшей, более низкой форме движения, благодаря которой данная наука связывается с предшествующей ей наукой.

На этом основании можно не только построить классификацию наук, но и дать каждой отдельной науке определение, которое будет указывать ее место в общей системе естествознания. «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом, — пишет Энгельс. — Таков характер перехода от механики небесных тел к механике меньших масс на от-

дельных небесных телах, или же переход от механики масс к механике молекул, которая охватывает движения, составляющие предмет исследования физики в тесном смысле этого слова: теплоту, свет, электричество, магнетизм. Точно так же переход от физики молекул к физике атомов или химии опять-таки совершается посредством решительного скачка; еще больше это имеет место при переходе от обыкновенного химического действия к химизму белков, который мы называем жизнью»¹¹.

Здесь Энгельс дает наиболее общее и развернутое обоснование классификации современного ему естествознания с позиций материалистической диалектики. Следует добавить, что, наряду с перечнем наук, отражающих различные формы движения и их материальные объекты, в заголовке VI пункта I отдела «Анти-Дюринга» Энгельс устанавливает следующий порядок расположения наук о неорганической природе: «космогония, физика, химия». Такое выделение космогонии имеет глубокий смысл: оно вызвано не только тем, что в своей критике Энгельс следует за ходом рассуждений Дюринга, но и тем, что космогония, отражая относительно начальную ступень истории солнечной системы, тем самым вносит элемент историзма и в самую механику. Вместе с тем в истории природы объект космогонии непосредственно предшествует объекту геологии, и можно считать, что науки: космогония, геология, биология, составляют единый ряд, отвечающий последовательным ступеням истории природы. Однако у Энгельса не возникает необходимости в выделении особого ряда естественно-исторических наук, ибо космогония поглощается у него механикой неба, а геология вообще исключается из числа основных наук, подлежащих классификации.

Следующий шаг Энгельс делает в статье «Диалектика» (1879 г.). Здесь он вскрывает последовательность различных ступеней дискретности материи при делении какого-либо неживого тела на все меньшие частицы. Процесс деления проходит следующие ступени: 1) исходная масса, делимая механическим путем; 2) отдельные молекулы, выделенные физическим способом, например путем испарения; 3) свободные атомы, на которые распадается молекула при химическом процессе.

Так как чисто количественная операция деления имеет границу, где переходит в качественное различие, то это обстоятельство дает возможность по-новому осветить общую классификацию наук.

До сих пор смена форм движения рассматривалась Энгельсом в плане их прогрессивного поступательного развития от низшего к высшему, от простого к сложному. Теперь та же самая смена форм движения и связанных с ними материальных объектов анализируется в плане деления материи; это деление отражает количественную сторону развития материи в обратном порядке.

Подготовку такого взгляда можно проследить в более ранних записях Энгельса. Однако ни тогда, ни в 1879 г. Энгельс не исследовал этого вопроса глубже, ограничиваясь ссылкой на него как на иллюстрацию законов диалектики.

Итак, историзм в обосновании своей классификации наук, разработанный ранее в трех аспектах, Энгельс дополняет четвертым — развитием и усложнением материального объекта (дискретных видов материи). Энгельс по-новому излагает развитие форм движения, с прослеживания которого он начал разработку классификации наук. Так, например, в заметке «Во-первых, Кекуле», написанной после 1877 г., на первое место ставится материальный объект (дискретный вид материи) и в соответствии с ним характеризуются самые формы движения.

Проверив и обосновав свою классификацию наук в четырех возмож-

⁷ Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1938, стр. 60.

⁸ Там же, стр. 26.

⁹ Там же, стр. 90.

¹⁰ Там же, стр. 83.

¹¹ Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 67—68.

ных аспектах исторического рассмотрения проблемы, Энгельс кладет ее в основу общего плана «Диалектики природы». За вычетом вводной части (первые три пункта) основным содержанием этого плана является рассмотрение связи наук (4-й пункт) и диалектического содержания отдельных наук, расположенных в последовательном порядке, отвечающем их общей классификации (5-й пункт). В 4-м пункте сказано: «Связь наук. Математика, механика, физика, химия, биология»¹².

Новым здесь является включение математики в общий ряд наук и помещение ее на первое место. Но это не противоречит материалистическим принципам классификации Энгельса. Помещая математику перед механикой, Энгельс фактически исходит из того, что, прежде чем рассматривать механическую форму движения, необходимо разобрать те приемы математической абстракции, с помощью которых исследуется количественная сторона всякого реального движения и в первую очередь механического. Это означает, что математика помещена перед механикой в качестве одной из познавательных предпосылок развития механики. В связи с этим Энгельс тут же поясняет: «Математика: диалектические вспомогательные средства и обороты»¹³.

Включением математики в общий ряд наук Энгельс вносит новый элемент в трактовку классификации наук: наряду с объективной стороной — с процессом развития форм движения материи — теперь также учитывается и субъективная сторона — процесс познания этих форм. В ходе научного исследования, после того, как конкретный объект аналитически разложен и изучен, процесс познания выступает как движение от абстрактного к конкретному. В этом смысле математическая абстракция, рожденная, например, в результате измерения какого-либо физического объекта, предшествует в нашем мышлении полному раскрытию всех сторон изучаемого объекта.

Таким образом, последовательный ряд наук в общем плане «Диалектики природы» по существу распадается на две части, каждая из которых покоится на особом принципе классификации: первая часть ряда — от математики до механики — покоится на том принципе, что познание предмета в своей заключительной стадии движется от абстрактного к конкретному, от отдельных, ранее выделенных сторон предмета к познанию его во всей его целостности и конкретности; вторая часть ряда — от механики до биологии — покоится на принципах, которые были рассмотрены выше.

Сказанное не означает, разумеется, что предмет математики является «продуктом свободного творчества», «воображением нашего разума» и т. д., словом, что он не отражает собою объективной реальности. «Чистая математика, — пишет Энгельс, — имеет своим объектом пространственные формы и количественные отношения реального мира, стало быть — весьма реальный материал. То обстоятельство, что этот материал является в чрезвычайно абстрактной форме, может скрыть его происхождение из внешнего мира лишь для поверхностного взгляда»¹⁴.

Эти формы и отношения математика мысленно совершенно отделяет от их конкретного вещественного содержания с тем, чтобы исследовать их в чистом виде. Дальнейший путь исследования приводит к необходимости наполнить эти формы и отношения конкретным материалом и тем самым совершить переход от математики к механике, физике и другим наукам в порядке движения познания от абстрактного к конкретному.

В дальнейшем Энгельс вновь подчеркивает историзм в области

¹² Энгельс. Диалектика природы, стр. 3.

¹³ Там же.

¹⁴ Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 38—39.

астрономии («Механика неба — теперь вся она рассматривается как некоторый процесс»)¹⁵; но у него попрежнему не возникает мысли о выделении особого ряда наук, отвечающего естественной истории солнечной системы и нашей планеты.

Подведем итоги третьего этапа. В течение 1877—1879 гг. окончательно установилась конкретная форма классификации наук, причем принципы классификации были расширены путем включения в них выводов, касающихся самого познавательного процесса. Благодаря такому расширению математика, не будучи, строго говоря, естественной наукой, нашла место в общей системе знаний. Далее были значительно углублены ранее установленные принципы классификации наук вследствие того, что в рассмотрение были включены не только формы движения, но и их материальные носители; последние стали играть теперь решающую роль, определяя собой последовательность как развития самих форм движения, так и расположения наук, отражающих эти формы. Вместе с тем перенесение центра внимания на материальный объект неизбежно подготовляло почву для того, чтобы пересмотреть последовательность в смене дискретных видов материи и связанных с ними форм движения.

IV. Новое в обосновании классификации наук, подготовка ее пересмотра (1880—1882 гг.)

В 1880 г. Энгельс приходит к мысли начать изложение конкретной части «Диалектики природы» с анализа движения вообще, с анализа его внутренней противоречивости. В таком случае, прежде чем будут прослежены отдельные формы движения и соответствующие им науки, должно быть рассмотрено внутреннее содержание процесса развития форм движения и их переходов от низших к высшим. Такой взгляд подготавливался Энгельсом в ряде заметок и отрывков на протяжении 1873—1876 гг. Особенно полно он разработан во второй части «Введения», где история природы рассматривается как результат раскрытия внутренних противоречий, присущих движению, как результат борьбы противоположных тенденций внутри различных его форм.

В соответствии с этим Энгельс составляет частичный план, в котором предмет исследования трактуется специально с точки зрения присущей ему внутренней противоречивости.

Вслед за тем Энгельс рассматривает свою классификацию, обоснование которой он дал уже в четырех аспектах, в пятом аспекте, с точки зрения борьбы притяжения и отталкивания; поскольку их борьба разрешается так, что одна из противоположностей берет перевес над другой, постольку переходы от одной формы движения к другой, как показывает Энгельс, имеют в своей основе либо переход притяжения в отталкивание, либо переход отталкивания в притяжение. На новой основе борьба продолжается дальше, пока вновь не найдет свое относительное разрешение в том, что одна противоположность подавит другую, и так далее.

Это развитие через противоречие анализируется Энгельсом в статье «Основные формы движения» (1880—1881 гг.) В статье говорится, что основной формой всякого движения является старая полярность притяжения и отталкивания. Развитие этого противоречия, свойственного всякому движению в неорганической природе, Энгельс прослеживает на отдельных формах движения; он переходит последовательно от анализа движения небесных тел к анализу движения тел на земле, затем к анализу физических форм движения и, наконец, к анализу химических процессов движения. Следовательно, и здесь, прослеживая развитие

¹⁵ Энгельс. Диалектика природы, стр. 3.

внутреннего противоречия всякого движения, Энгельс приходит к той же последовательности наук, которую он установил ранее.

Анализ форм движения с точки зрения развития их основного противоречия намечает новый подход к классификации наук. До сих пор науки располагались в линейном порядке. Однако противоречивость развития, выражающаяся в раздвоении единого на противоположные стороны, неизбежно должна порождать при определенных условиях поляризацию форм движения, подобно тому, как в биологии происходит открытая Дарвином дивергенция признаков; последняя приводит к образованию наиболее отдаленных друг от друга, в известном смысле противоположных видов, которые генетически связаны между собой через общих предков.

Такая поляризация находит отражение и в классификации наук. Поясняя смысл гегелевского первоначального деления на механизм, химизм и организм, Энгельс констатирует: «Каждая группа, в свою очередь, двойственна: Механика: 1) небесная, 2) земная.

Молекулярное движение: 1) физика, 2) химия.

Организм: 1) растение, 2) животное»¹⁶.

Такой взгляд, хотя он и не получает у Энгельса дальнейшего развития, содержит в себе начало принципиально нового подхода; он позволяет, в частности, найти правильное решение вопроса о месте геологии в системе естествознания, ибо геология и биология оказываются такими же симметричными ветвями, отражающими расчленение развивающейся материи на неживую и живую природу, какими являются в пределах науки о живой природе ботаника и зоология.

Признание противоречивости движения и противоречивости развития его форм подводит еще более глубокую основу под классификацию наук; благодаря этому внимание фиксируется не только на переходах между формами движения и, соответственно, между науками, но и на источнике самого движения, на источнике развития природы и на отражении этого источника в системе естествознания.

Вторым новшеством было то, что теперь механическое движение начинает рассматриваться Энгельсом как внешняя сторона всякого движения. В силу этого оказывается, что механика имеет дело не с конкретным объектом природы, взятым как нечто целое, но лишь с одной из его сторон, которая выражена в понятии массы и в понятии перемещения тела. Такой подход дает основу для выработки нового взгляда на механику, согласно которому механика должна быть отнесена к числу более абстрактных наук. Отсюда напрашивается вывод, что рассмотренное выше распадение общего ряда наук на две части должно иметь место не непосредственно после математики, а после механики: обе науки — и математика и механика — одна в большей степени, другая в меньшей — абстрагируются от конкретного движения, имея дело лишь с отдельными его сторонами. Следующие же за механикой науки имеют каждая в качестве своего предмета вполне конкретный объект, который они исследуют всесторонне. Дальнейшее развитие такого взгляда на механику должно было привести к частичному пересмотру принятой Энгельсом классификации.

Но особенно глубокий ее пересмотр должно было вызвать ожидавшееся открытие новых, еще неизвестных дискретных частиц материи, которым Энгельс дал гипотетическое название частиц эфира. До 1880 г. мы не встречаем у Энгельса указаний на дискретность эфира. Рассматривая эфир как среду для света, Энгельс в 1873—1875 гг. склонялся к мысли, что эфир и его волны делимы и измеримы до бесконечно малого.

¹⁶ Энгельс. Дialeктика природы, стр. 201.

В 80-х гг. в связи с возникшими представлениями о том, что некоторые физические явления вызваны движением эфирных частиц, Энгельс начинает склоняться к мысли, что эфир имеет дискретный характер. Частицы эфира оказываются в таком случае материальными носителями электрической и лучистой форм движения, подобно тому как атомы являются носителями химической, молекулы — физической, а массы — механической формы движения. В соответствии с этим Энгельс составляет в 1880—1881 гг. новый ряд последовательно усложняющихся дискретных видов материи. Он говорит о перемещении «небесных тел, земных масс, молекул, атомов или частиц эфира»¹⁷. Этот ряд соответствует у Энгельса развитию форм движения от низшей к высшей, ибо «чем выше форма движения, тем незначительнее становится это перемещение». Наиболее значительным оно выступает в движении небесных тел, наименее значительным — в движении эфирных частиц; поэтому получается, что движение последних должно рассматриваться как наиболее высокая форма из всех форм движения в неживой природе. Такого же порядка в расположении дискретных видов материи придерживается Энгельс и дальше, когда он перечисляет «все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего»¹⁸. Включение частиц эфира в последовательный ряд дискретных видов материи, носителей различных форм движения, не нарушало на первых порах установленной классификации наук. Диссонансом звучало только то, что заключительным членом ряда неорганических наук оказывалась теперь уже не химия, а часть физики, предметом которой служило движение гипотетических эфирных частиц.

В связи с этим возникает еще один важный вопрос. Когда Энгельс учитывает все формы движения, включая и органическую природу, то вслед за химией у него следует биология. Если же он ограничивается рассмотрением одной лишь неорганической природы, то вслед за той же химией у него так или иначе следует физика. Отсюда логически напрашивается вывод, что от химии начинается раздвоение форм развивающейся материи: с одной стороны, на те формы, которые образуют основу живой природы, с другой стороны — на те формы, которые образуют основу неживой природы. Соответственно этому внутри химии образуются две ветви: органическая химия, ведущая к белкам, и ветвь химии, ведущая через кристаллографию к минеральным образованиям. Однако поднятый здесь вопрос остался у Энгельса неразработанным; лишь смутный намек на его решение можно найти в том факте, что один ряд материальных объектов получался у Энгельса в случае рассмотрения неживой природы, другой ряд — в случае рассмотрения перехода от неживой природы к живой.

В 1881—1882 гг. Энгельс впервые ставит вопрос о том, являются ли молекулы единственным материальным носителем всех физических форм движения; другими словами, можно ли считать, что предмет физики исчерпывается формами молекулярного движения. «Когда мы называли физику механикой молекулярного движения, — пишет он, — то при этом не упускалось из виду, что это выражение отнюдь не охватывает всей области теперешней физики. Наоборот, эфирные колебания, которые опосредствуют явления света и лучистой теплоты, конечно, не являются молекулярными движениями в теперешнем смысле слова»¹⁹. Энгельс ссылается на то, что почти все современные ему крупнейшие ученые рассматривают электричество как движение эфирных частиц. Об эфире пока известно мало. «Но, когда мы настолько продвинемся

¹⁷ Энгельс. Дialeктика природы, стр. 46.

¹⁸ Там же, стр. 47.

¹⁹ Там же, стр. 81.

вперед, что сможем дать механику эфира, то в нее, разумеется, войдет и многое такое, что теперь по необходимости причисляется к физике»²⁰.

Итак, Энгельс предвидит, что со временем физика выделит из себя в качестве «механики эфира» ту область, которая занимается электрическими и лучистыми явлениями. На этом основании можно считать, что будущий ряд наук должен был бы рисоваться по Энгельсу, так: за механикой масс идет физика (механика молекул), затем химия (физика атомов), наконец, область, выделившаяся из физики (механика эфира). Такая последовательность вполне отвечает тому ряду материальных объектов, который установлен Энгельсом в статье «Основные формы движения».

Намеченный новый ряд форм движения и соответствующих им наук отражал действительный процесс развития в неживой природе, но отражал его идущим не по восходящей линии от низшего к высшему, а по нисходящей линии, начиная от наиболее развитых видов материи и кончая наименее развитыми. Реально одна форма движения возникает из другой в процессе развития материи соответственно тому, как высший, более сложный дискретный вид материи генетически развивается и строится из более простых, низших объектов. С этой точки зрения прогрессивное развитие материи должно было бы выглядеть в 80-х гг. XIX в. так: из каких-то, еще неизвестных частиц материи, возможно из гипотетических эфирных частиц, образуются химические атомы, из атомов — молекулы, из молекул — массы (агрегаты молекул). Напротив, развитие по нисходящей линии изображается как последовательное деление какого-либо неживого тела (агрегата молекул) на все меньшие частицы.

Исходя из принципов классификации Энгельса — следовало бы ожидать, что порядок следования наук друг за другом в будущем изменится на обратный, ибо последовательность наук должна, по мысли Энгельса, отражать не всякое развитие, но развитие поступательное, идущее по восходящей линии.

Есть некоторое основание думать, что сам Энгельс предполагал развить эту мысль в разделе, посвященном химии, связав ее с анализом качественного своеобразия каждой ступени развития материи в неживой природе. Каждая такая ступень представляет собой особый дискретный вид материи; общая же теория, изучающая дискретное строение материи, — это атомистика. Естественно, поэтому, было ждать, что разбор всего этого вопроса Энгельс приурочит к той науке, в которой атомистика занимает первое место, т. е. к химии. К сожалению, Энгельсу пришлось прервать свою работу раньше, чем он успел изложить хотя бы вчерне раздел о химии. Имеется лишь одна заметка, относящаяся к данному вопросу (не имеющая точной даты): В ней подчеркивается, что новая атомистика «не утверждает, будто материя только дискретна, а признает, что дискретные части различных ступеней (атомы эфира, химические атомы, массы, небесные тела) являются различными узловыми точками, которые обуславливают различные качественные формы существования всеобщей материи вплоть до такой формы, где отсутствует тяжесть и где имеется только отталкивание»²¹. Здесь со всей отчетливостью установлена новая последовательность дискретных, качественно различных видов материи (от атомов эфира до небесных тел, а не наоборот); но так как формой существования каждого дискретного вида материи является присущая ему форма движения, то последовательности дискретных видов материи должна отвечать точно такая же последовательность форм движения и отражающих их

наук. Таким образом, в приведенной заметке фактически подготавливается коренной пересмотр всей принятой Энгельсом классификации наук.

Возник вопрос: что же конкретно можно было предполагать под гипотетическими частицами эфира? Во-первых, таковыми по Энгельсу могли оказаться дискретные носители электрического движения, т. е. те материальные частицы, которые впоследствии получили название электронов. Эфирная теория, — замечает Энгельс в 1882 г., — «дает надежду выяснить, что является собственно вещественным субстратом электрического движения, что собственно за вещь вызывает своим движением электрические явления»²².

Во-вторых, в качестве эфирных частиц, по Энгельсу, мог выступить материальный субстрат самой энергии, ее собственные дискретные носители, т. е. те частицы, которые были открыты несколько лет спустя и получили название фотонов, или световых квантов. В самом деле: в ряде заметок Энгельс отмечает, что эфир совершенно лишен тяжести и что, будучи лишен признака притяжения, он обнаруживает признак отталкивания. Но отталкивание у Энгельса является синонимом энергии. Поэтому признание дискретного строения эфира, в котором локализуется отталкивание, тождественное с энергией, логически ведет к выводу, что частицы эфира, наделенные лишь отталкиванием (энергией), являются дискретным субстратом самой энергии, дискретной формой ее излучения. Итак, то, что Энгельс предположительно назвал частицами эфира, в действительности было смутным прообразом будущих электронов и фотонов.

В заключении статьи «Электричество» (1882 г.) Энгельс фиксирует внимание на переходе между электричеством и химизмом и, соответственно, между физикой и химией.

Раскрытие внутренней связи между этими ранее разорванными науками позволяет значительно обогатить их собственное содержание; это показано в заметке «Электрохимия», не имеющей точной даты. В ней Энгельс рассматривает реальный переход от электричества к химизму, который совершается при действии электрической искры на процесс химического разложения и новообразования. Область, переходная между физикой и химией, которую Энгельс именует местом соприкосновения науки о молекулах и науки об атомах, должна будет, по его мнению, сыграть в будущем решающую роль в развитии обеих наук; «именно здесь надо ожидать наибольших результатов»²³, предсказывает он.

Таким образом, подобно тому, как электрическая искра образует мост от физической к химической форме движения, так и электрохимия образует мост от физики к химии.

Резюмируем итоги четвертого этапа. В течение 1880—1882 гг. Энгельс значительно углубил принципы классификации наук, раскрыв за переходами между формами движения и, соответственно, между науками, лежащее в основе всего развития основное противоречие движения, составляющее внутреннее содержание указанных переходов.

Вместе с тем, благодаря включению гипотетических эфирных частиц в общий ряд материальных объектов, являющихся субстратом соответствующих им форм движения, в принятой уже классификации обнаружился зародыш будущего радикального пересмотра; однако самая мысль о таком пересмотре не была сформулирована Энгельсом достаточно ясно.

²⁰ Энгельс. Диалектика природы, стр. 82.

²¹ Там же, стр. 238.

²² Энгельс, стр. 90.

²³ Там же, стр. 237.

* * *

Подытоживая весь многолетний путь разработки Энгельсом проблемы классификации наук, можно сказать, что исследовательская мысль Энгельса в общем двигалась от изучения явлений к раскрытию их сущности: а) от анализа форм движения в их непосредственном виде к установлению их связи с их материальным субстратом; б) от анализа их специфичности к установлению ее обусловленности специфическим характером лежащих в основе движения различных дискретных видов материи; в) от анализа последовательного превращения различных форм энергии как отдельного явления местного характера к раскрытию общей закономерной исторической связи в развитии как самой природы, так и ее познания человеком; г) от анализа переходов между различными формами движения, соответственно между отдельными науками, к раскрытию лежащего в основе этих переходов основного противоречия.

Каждый шаг вперед по этому познавательному пути обуславливал переход к новому этапу в разработке Энгельсом всей данной проблемы; вот почему на каждом следующем этапе проблема неизменно рассматривалась Энгельсом глубже, содержательнее, полнее. В соответствии с тем, как диалектически развивалась творческая мысль Энгельса, углублялось и расширялось даваемое решение стоящей перед ней проблемы. Таким образом, в трудах Энгельса одна идея возникала вслед за другой не случайно, а вполне закономерно, подчиняясь законам диалектического развития научного познания.

Результаты первых четырех этапов разработки и обоснования Энгельсом классификации наук сведены в одну таблицу (см. табл. 1).

У. Дополнения к классификации наук (1885—1886 гг.)

После смерти Маркса (март 1883 г.) Энгельс вынужден был прервать работу по естествознанию; но в 1885 г., в связи с новым изданием «Анти-Дюринга», он вновь затрагивает вопросы, связанные с проблемой классификации наук.

Прежде всего Энгельс развивает мысль об ограниченности механики, которая знает только количества; там же, где на пути у нее появляется качество тел, она не может обойтись без рассмотрения молекулярных явлений. Поэтому «сама она является здесь только вспомогательной наукой, предпосылкой физики»²⁴.

Отсюда логически следует, что механика должна рассматриваться как наука абстрактная, по существу своему вспомогательная, изучающая подобно математике не какой-либо материальный объект в целом, а лишь одну внешнюю сторону его движения.

Далее, чрезвычайно важно отметить, что идею дискретного строения эфира Энгельс связывает с мыслью о том, что «атомы обладают сложным составом...»²⁵. Тем самым подготавливается идея о том, что в строении и образовании атомов принимают какое-то участие частицы эфира.

Рассматривая с количественной стороны последовательность образования более сложных и крупных дискретных видов материи из более простых и мелких, Энгельс приходит к тому же самому ряду материальных объектов, который уже был им установлен ранее; на этот раз членами ряда являются группы масс, имеющих относительно различные размеры: «Видимая нами звездная система, солнечная система, земные массы, молекулы и атомы, наконец, частицы эфира образуют каждая

подобную группу»²⁶. Далее указывается, что между отдельными группами мы находим промежуточные звенья, в частности «между земными массами и молекулами мы встречаем в органическом мире клетку».

Здесь впервые, после того как были включены в общий ряд объектов эфирные частицы, Энгельс указывает в этом же ряду место органической формы материи; правда, эта форма, как и самый ряд, в который она включена, рассматриваются лишь с количественной стороны.

Однако количественная сторона материальных объектов не оторвана от их качественной стороны. Более того: количественные изменения здесь, как и всюду, закономерно ведут к качественным изменениям, а потому рассмотренный выше ряд дискретных видов материи, включая даже органическую клетку, до известной степени отражает реальный процесс развития материи и форм ее движения; необходимо только учесть, что на ступенях, следующих за молекулами, линия развития раздваивается, подобно тому как она раздваивается и вслед за химией. Поэтому клетка, занимая по своему размеру промежуточное место между молекулами и земными массами, лежит на той линии развития, которая ведет от атома и молекулы к организму (см. табл. 1).

Все это означает, что необходимость коренного пересмотра классификации Энгельса все более назревала. Это нашло свое косвенное отражение в предисловии к «Анти-Дюрингу» (сентябрь 1885 г.), где Энгельс признает, что его труд может стать излишним, благодаря той революции, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать накапливающиеся массы чисто эмпирических открытий. Из сказанного можно сделать вывод, что свою классификацию Энгельс не считал абсолютно законченной, а рассматривал ее только как нечто временное, относительное, отвечающее уровню развития естествознания 70—80 гг. XIX в. Вместе с прогрессом естествознания неизбежно должна была устареть и конкретная форма классификации наук, ибо открытие каждой новой ступени в ряду дискретных видов материи, каждой новой формы движения неизбежно должно было вносить существенные изменения в общее расположение наук. В признании того, что всякая классификация наук относительна, изменчива, что она зависит от уровня развития самого естествознания, заключался один из основных принципов диалектико-материалистического решения данной проблемы.

Наконец, в книге Энгельса «Людвиг Фейербах» (1886 г.) ясно показано, что развившееся к этому времени естествознание, занявшись систематизацией собранного материала согласно его внутренней связи, стихийно выполняет ту задачу, которую сознательно ставил перед собой Энгельс, начиная с 1873 г.

Итак, в разработке Энгельсом проблемы классификации наук нужно различать две главные стороны: во-первых, установление общих принципов классификации, опирающихся на идею развития и составляющих метод решения проблемы; во-вторых, выработку конкретной схемы последовательного расположения наук в соответствии с наличным естественно-научным материалом 70—80-х гг. XIX в.

Если первая сторона в дальнейшем сохранила все свое значение в качестве общего подхода к классификации наук, то вторая, напротив, со временем неизбежно старела, поскольку она отвечала лишь определенному уровню развития естествознания.

Логический анализ полученных Энгельсом результатов

Анализируя внутреннюю логическую структуру классификации Энгельса, мы приходим к выводу, что она покоится по крайней мере на

²⁴ Энгельс. Диалектика природы, стр. 202.

²⁵ Там же, стр. 218.

²⁶ Энгельс. Диалектика природы, стр. 219.

трех основных принципах, заключающих в себе разные аспекты идеи развития. Во-первых, на принципе отражения ступеней истории природы от низшей к высшей; во-вторых, на принципе отражения развития форм движения и их субстрата от простого к сложному; в-третьих, на принципе отражения движения познания от абстрактного к конкретному (см. табл. 2).

Таблица 2

Логическая структура классификации Энгельса

Принципы, основанные на идее развития природы, форм движения и познания			
Отражение движения, познания от абстрактного к конкретному	Отражение развития форм движения и их субстрата от простого к сложному	Отражение ступеней истории природы от низшей к высшей	Суммированный ряд наук

Классификация Энгельса

Математика (Механика)	Механика Физика Химия Биология	Космогония (Геология) Биология	Математика Механика Физика Химия Биология
------------------------------------	---	--	---

Изменения, фактически подготовленные Энгельсом

Математика			Математика
Механика			Механика
(Физика I)	Физика I	Космогония	Космогония
	Химия		Физика I
	Физика II		Химия
		Геология	Физика II
	Биология	Биология	Геология
			Биология

Примечание. В первом столбце условно (в скобках) помещаются науки, которыми завершается данный ряд абстрактных наук и начинается ряд более конкретных наук, изучающих всесторонне определенные формы движения и их носителей. Поэтому соответствующие науки фигурируют в обоих столбцах. Геология в верхней части таблицы поставлена в скобки потому, что сам Энгельс не включал ее в суммированный ряд наук.

Каждый аспект идеи развития позволяет построить некоторую часть общего ряда наук, причем общий ряд в целом составляется путем суммирования всех трех его частей. На первый взгляд может показаться, что такой суммированный ряд у Энгельса основывается не на трех принципах, а только на одном, а именно на принципе отражения развития форм движения и их материального субстрата. Происходит это потому, что, во-первых, Энгельс фактически подчиняет названному принципу принцип отражения истории природы; с этой целью космогония включается в механику, а геология исключается совершенно при суммировании членов ряда; во-вторых, потому, что математика оказывается единственным представителем части ряда, отражающей движение познания от абстрактного к конкретному, а потому в суммированном ряде она молчаливо трактуется как исключение, не нарушающее общего правила.

Рассмотрим теперь возможное видоизменение разработанной Энгельсом классификации наук; оговоримся, что речь идет о такого рода изменении, которое либо фактически предвиделось и даже намечалось в перспективе самим Энгельсом, либо вытекало так или иначе из сделанных им замечаний, либо, наконец, требовалось при логически последовательном проведении его принципов классификации.

Предположительные видоизменения, полностью основанные на трех указанных принципах классификации, представляются нам в следующем виде:

1) Расширяется часть ряда наук, отражающих движение познания от абстрактного к конкретному за счет перенесения сюда механики, поскольку механика изучает лишь внешнюю количественную сторону всякого движения.

2) Физика расчленяется на две части, из которых одна (физика I), объект которой проще атомов и стоит ниже их по лестнице развития материи, помещается перед химией: это — будущая «механика эфира», или, лучше сказать, субатомная физика. Другая ее часть (физика II) сохраняет в себе то, что называется молекулярной физикой, объект которой сложнее атомов и стоит выше их по лестнице развития материи. В итоге расщепления физики оказывается, что химия дважды граничит с физикой, так что физика как бы охватывает химию и «сверху» и «снизу».

3) При отнесении механики к числу абстрактных наук, составляющих первую часть ряда наук, перестает оправдываться сведение космогонии к механике небесных тел. Космогония как наука, изучающая относительно начальную стадию развития отдельной звездной системы, вынуждена опираться не только на представления о перемещении масс, но и на представления о качественных изменениях, происходящих с веществом, образующим туманность или отдельное небесное тело. Фактически это обстоятельство подчеркивал сам Энгельс, говоря о физике и химии небесных тел. Поэтому космогония, поставленная Энгельсом перед химией и физикой при рассмотрении истории природы и развития форм движения материи, должна занять в общем ряду наук соответствующее ей место.

4) Наконец, геология как наука естественно-историческая должна стать на определенное место перед биологией, при условии, если обе эти науки рассматриваются как отражение последовательных ступеней истории природы. Такое место для геологии было фактически указано самим Энгельсом.

Суммируя все эти видоизменения, получаем ряд наук значительно более полный, нежели тот, который был установлен самим Энгельсом (ср. верхнюю и нижнюю части табл. 2.). Между тем принципы классификации наук в обоих случаях совершенно одинаковы и основаны на идее развития, рассмотренной в аспекте истории природы, развития форм движения материи и движения нашего познания.

Сравнивая, однако, обе части таблицы, мы обнаруживаем одно существенное различие между ними: у Энгельса общий ряд наук повторяет историю последовательного развития отдельных отраслей естествознания; между тем изменения в классификации, подготовленные Энгельсом, резко нарушают это соответствие.

В самом деле. Гипотетические эфирные частицы, открытия которых ожидал Энгельс, мыслились простейшими из известных дискретных видов материи; между тем их открытие, точнее говоря, открытие электронов и световых квантов, могло произойти после того, как практически или теоретически были найдены более сложные виды материи (атомы, молекулы); в силу этого неизбежно должно было последовать признание, что строгого параллелизма между развитием объекта (форм движения и их носителей) и историей познания этого объекта человеком не существует; поэтому такой параллелизм не может рассматриваться в качестве обязательного принципа для классификации наук, хотя в отдельных случаях он и выдерживается более или менее последовательно, как это показал Энгельс.

В связи с логическим анализом внутренней структуры классификации Энгельса и ее предположительных изменений, подготовленных Энгельсом, встают два вопроса: во-первых, в какой связи находятся установленные Энгельсом принципы классификации наук и сама классификация с классификацией и ее принципами, выработанными до и после Энгельса другими учеными, в частности Сен-Симоном, Контом, Гегелем, Спенсером? Во-вторых, как выглядит классификация Энгельса, ее принципы и ее изменения, подготовленные Энгельсом, в свете данных современного естествознания, в частности в свете открытия «элементарных» физических частиц и атомных ядер, а также возникновения множества переходных наук (физико-химии, биохимии, геохимии и др.)? Эти вопросы представляют собой предмет особого исследования.

С. Б. КАН

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ В НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ

18 марта 1946 г. исполнилось 75 лет с того дня, когда рабочие Парижа впервые в мировой истории попытались свергнуть власть буржуазии, подняли на Вандомской площади и на ратуше красные флаги, а затем в течение 72 дней героически отстаивали созданное ими государство, государство нового типа, не знающее эксплуатации и угнетения человека человеком, от «законного» правительства Тьера, опирающегося на помощь немцев.

Еще до возвращения из-за границы в Россию В. И. Ленин в марте 1917 г. в своих замечательных «Письмах издалека» писал о том, что русские рабочие после февральских событий правильно встали на путь, указанный им опытом 1905 года и Парижской Коммуны, создав новые органы революционной власти — советы. Позднее, уже по приезде в Россию, Ленин в ряде своих работ и в частности в книге «Государство и революция», написанной им, как известно, в преддверии Октября, снова и снова призывал русских рабочих пойти по пути, указанному парижскими коммунарами, и вдребезги разбить государственную машину русской буржуазии. Именно Коммуна, — подчеркивал он, — «...первая попытка пролетарской революции разбить буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которою можно и должно заменить разбитое»¹.

Следует ли после этого удивляться тому глубокому интересу, который всегда вызывали в нашей стране не только дела, но и люди Коммуны 1871 г.?

Товарищ Сталин, как известно, не раз обращается в «Вопросах ленинизма» и других трудах к великому историческому примеру коммунаров, связывая его с Республикой советов.

После Октября в нашей стране на языках многих ее народов не раз переиздавалась гениальная «Гражданская война во Франции» Маркса, с которой, собственно, и начинается научная историография Коммуны. В 1934 г. ИМЭЛ выпустил в свет том своего архива, целиком посвященный материалам, относящимся к подготовке Марксом этого произведения. В этом томе впервые были опубликованы два неизвестные до того времени варианта «Гражданской войны» и другие важнейшие источники, вводящие читателя в творческую лабораторию Маркса. В вариантах гораздо полнее, чем в окончательном тексте, вскрыты основные тенденции созданной в Париже рабочей власти. В частности, здесь прямо говорится о том, что «одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей... были способны сломать орудие... классового господства — государство»², что Коммуна — начало революции, которая неизбежно обойдет весь мир.

¹ Ленин. Соч., т. XXI, стр. 408.² Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), Партиздат, 1934, стр. 327.

Многие мысли Маркса, оставшиеся совершенно неизвестными, поразительно совпадают с идеями, высказанными позднее Лениным о задачах и целях пролетариата в социальной революции. Так, например, мы встречаем у Ленина мимоходом брошенную Марксом и столь характерную именно для Ленина мысль о необходимости «доделать революцию 1789 года» или развитую позднее Лениным важнейшую мысль Маркса о том, что диктатура пролетариата не устраняет классовой борьбы, но означает только ее продолжение в новых формах. «Коммуна не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочий класс стремится уничтожить все классы», — прямо говорит по этому поводу Маркс в оставшемся неизвестным варианте из «Гражданской войны»³. Много исключительно ценных мыслей разбросано Марксом о характере революции 18 марта, о социально-экономической политике Коммуны, о ее взаимоотношениях с крестьянством и т. д.

Помимо вариантов «Гражданской войны», в СССР опубликованы были также и многие другие важнейшие источники, относящиеся к истории Парижской Коммуны: протоколы Генерального совета Интернационала, письма и мемуары участников движения, наконец, переведен и напечатан первый том, протоколов заседаний Совета Коммуны, изданный в 1924 г. в Париже проф. Бурженом. Второй том этих протоколов, охватывающий майские недели и именно поэтому особенно важный и интересный, к сожалению, до сих пор остался неопубликованным. Не удивительно, что в Париже не нашлось для этого издателя, но нельзя не выразить пожелания, чтобы ИМЭЛ, имеющий фотокопию протоколов, не откладывал этого важнейшего дела.

Советские научные учреждения и советские историки, разумеется, не только издавали документы Коммуны. После Октябрьской революции была проделана большая работа по изучению отдельных сторон деятельности Коммуны и всей ее кратковременной, но замечательной истории. Старый большевик И. И. Степанов-Скворцов вскоре после Октябрьской революции выпустил свою, получившую широкую известность, научно-популярную историю Коммуны⁴. Позднее, в 1940 г., вышла в свет большая книга о Парижской Коммуне П. М. Керженцева, безусловно лучшая и наиболее полная ее история, написанная марксистом.

На основе самостоятельной проработки всех доступных исторических источников, и в частности известной «Парламентской анкеты», прочитанной им во многом по-новому, а также опираясь на монографические работы других советских историков, Керженцев действительно воссоздал историю героических 72 дней Коммуны и сумел дать детальный анализ как причин ее возникновения, так и причин ее быстрого падения.

Но еще до появления книги Керженцева ряд советских историков подверг пристальному анализу отдельные стороны истории революции 1871 г. и многое сделал для того, чтобы объяснить героическую деятельность восставших коммунаров.

Среди этих историков видное место бесспорно принадлежит проф. А. И. Молоку, который в 1925 г. издал сборник важнейших документов Коммуны и тем облегчил широким кругам изучение ее истории; кроме того, он разработал ряд важнейших тем: о взаимоотношениях Коммуны и крестьянства, о военной организации Коммуны, ее быте и культуре, ее печати, партиях и т. п. Особенное значение для научной разработки истории Коммуны имела написанная им в 1939 г. книга о германской интервенции в период Коммуны.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), Партиздат, 1934, стр. 333.
⁴ Степанов-Скворцов И. Парижская Коммуна и вопросы тактики пролетарской революции.

Большое значение имеют также исследовательские статьи проф. О. Л. Вайнштейна. Несмотря на отдельные допущенные им ошибки в оценке революции 18 марта, многие его статьи представляют крупнейший интерес, в особенности те из них, которые посвящены анализу борьбы отдельных партий Коммуны вокруг вопросов социально-экономической политики. В этом отношении особенно интересна статья Вайнштейна о Парижской Коммуне и Французском банке; в ней с большой убедительностью, на основании различных источников, выясняются причины отказа Коммуны от захвата цитадели богатой буржуазии — Французского банка.

В свое время и мною было опубликовано несколько статей, посвященных предъистории революции 18 марта, выяснению нитей того «контрреволюционного заговора» против парижского народа, о котором говорит в своей работе Маркс. Нельзя пройти также мимо трудов проф. Ю. И. Данилина — автора блестящей монографии о театральной политике Коммуны. Данилин, а также А. Гушин в своей работе о художниках Коммуны неопровержимо доказывают, что уже в 1871 г., в исключительно тяжелых условиях, Парижская Коммуна, эта первая в мире рабочая власть, немало заботилась об искусстве и его работниках.

Но было бы излишним перечислять здесь все многочисленные статьи, посвященные Коммуне и принадлежащие перу советских историков или искусствоведов. Много важнее выделить те узловые проблемы, освещение которых советскими историками позволяет по-новому прочитать страницу за страницей историю героического опыта парижских коммунаров. Прежде чем перейти к этим узловым проблемам, необходимо сказать несколько слов об изучении истории революции 18 марта за рубежом, особенно во Франции.

После Великой Октябрьской революции история Парижской Коммуны привлекла внимание не одних только советских историков. Буржуазные историки, ранее почти не занимавшиеся Парижской Коммуной, уже вскоре после ее трагического падения составившие вокруг ее истории своеобразный «заговор молчания», после 1917 г. снова заговорили, выпустив ряд статей и книг, посвященных истории Коммуны.

Эти работы, написанные обычно в остро полемических, а зачастую и клеветнических тонах, с целью на примере революции 1871 г. дискредитировать в глазах широких народных масс Европы пролетарскую революцию в России, в большинстве случаев по своему научному значению никакой ценности не имеют. Из всех изданий, посвященных Коммуне и вышедших во Франции после первой мировой войны, стоит отметить только работы радикального французского профессора Жоржа Буржена, опубликовавшего, как уже было сказано, в 1924 г. первый том протоколов Коммуны, сохранившихся в музее Парижа.

Хотя Буржен и не понимает истинной природы Коммуны как государства нового типа, тем не менее он дает в своих книгах много ценного и документального материала, позволяющего судить об обстоятельствах, приведших сперва, в начале марта 1871 г., к созданию в Париже своеобразного двоевластия, а затем к захвату власти парижским рабочим классом. Особенное значение в этой связи имеет не только его книга, посвященная «первым дням Коммуны», но и небольшая по величине, но содержательная статья в «Revue historique» о взаимоотношениях Коммуны и ЦК Национальной гвардии Парижа.

Из других работ, имеющих значение для историографии Коммуны, следует указать на объемистый труд французского чиновника реакционера Лароназа о судебных учреждениях Коммуны и на монографию Лорана, посвященную деятельности почты и телеграфа Парижа в дни

Коммуны⁵. Хотя оба эти автора и очень далеки от правильного понимания истинной сущности происходивших в Париже событий — еще более далеки, чем радикально настроенный, но по-своему сочувствующий рабочим Буржен, — книги их все же содержат совершенно неизвестный ранее и весьма ценный документальный материал, позволяющий глубже понять многие стороны истории Парижской Коммуны.

В отличие от других историков Ларонзу удалось получить доступ к полкам закрытого до последнего времени для всех прочих смертных архива французского военного министерства, поэтому он мог построить свою работу о судебной политике Коммуны на основании изучения многочисленных сохранившихся в этом архиве досье коммунаров — жертв версальского террора. Это дало ему возможность сообщить много новых фактов и материалов, подтверждающих как раз тот вывод, которого этот реакционер всячески хотел избежать, а именно — пролетарский, классовый характер не только судебной, но и всей вообще деятельности Коммуны.

Лорану посчастливилось найти в архиве почтово-телеграфного ведомства Парижа многочисленные документы времен Коммуны и, главное, рулоны старых телеграфных лент. Материалы эти дают возможность историку проникнуть, хотя бы в масштабе одного ведомства, в тот мир саботажа и вредительства, которыми встретила рабочую власть буржуазная интеллигенция Парижа.

Книгами Буржена, Ларонза и Лорана по существу совершенно исчерпывается все то, что за последние десятилетия дала по вопросу о Коммуне буржуазная историческая наука. Нельзя считать сколько-нибудь серьезным вкладом в историческую науку книгу о Коммуне американца Мэсона, пером которого явно водила рука его секретаря, русского белогвардейца, или же многочисленные рассуждения о Коммуне немецких социал-демократов! Последние, вместе с Э. Бернштейном и Конради, или прямо заносили революцию 18 марта в разряд анархических или бланкистских послевоенных путчей, или же вместе с Каутским упорно отказывались видеть в ней государство нового типа, отождествляя Коммуну с обычным демократическим государством, только лишенным военщины и бюрократического аппарата.

Теперь перейдем к тем узловым вопросам истории революции 18 марта, которые в свете трудов историков-марксистов и вновь опубликованного документального материала получила новое разрешение.

Наиболее важной является проблема непосредственных предпосылок событий 18 марта. Об обстоятельствах, приведших к захвату власти пролетариатом и бегству из Парижа законного правительства, писали и Вайнштейн, и Керженцев, и Кан. Из французских историков этой проблеме особое внимание уделил, как уже было сказано, Буржен. Публикация после первой мировой войны переписки Тьера, а также других деятелей версальского правительства позволила более подробно и обстоятельно выяснить нити того контрреволюционного заговора против парижского народа, который в случае удачи должен был неизбежно привести к полному разгрому созданных рабочими и ремесленниками политических организаций — ЦК Национальной гвардии, народных клубов и т. п.

Вновь опубликованные и собранные советскими историками материалы позволили также точнее установить связь между деловыми кругами Франции и правительством Тьера, выяснить и проследить те мероприя-

тия Тьера и подчиненных ему генералов, которые имели целью окружение Парижа и его насильственное разоружение. «Немедленно отправьте в Париж под командованием генерала Барта 78, 88 и 89-й линейные полки; 90 патронов и продовольствия на три дня. Предупредите генерала Винуа об отправлении», — гласил один из многочисленных приказов, изданный в первые мартовские дни военным командованием и направленный командующему гарнизоном Гавра. Согласно этому и другим приказам тьеровского правительства, в начале марта к Парижу срочно стягивались тщательно отобранные «à la fourchette», как выразился Тьер в письме к директору Французского банка Рулану, части карательной армии. К 15—17 марта большинство из них уже вступило в Париж, и, хотя сосредоточение всех карательных войск к этому времени еще и не было закончено, в ночь на 18 марта Тьером были начаты военные действия против рабочего Парижа. К чему привели эти действия, также достаточно хорошо известно: утром 18 марта рабочие Парижа ответили на провокацию буржуазного правительства стихийно начавшимся восстанием.

Восстание это, однако, было подготовлено всем предшествующим ходом борьбы между трудовым народом Парижа и буржуазией, возглавленной сперва, в дни осады столицы пруссаками, «правительством национальной измены», а затем, после капитуляции, — правительством таких заклятых врагов народа, как Тьер и Фавр. Унаследовавшие от Второй империи «не только груды развалин, но и страх перед рабочим классом», эти люди с 4 сентября, т. е. со времени своего прихода к власти, открыто изменяли родине и отдавали Францию на поток и разграбление немцам, стремясь во что бы то ни стало, говоря словами Маркса, «на глазах у чужеземного завоевателя и под его покровительством завершить... внешнюю войну гражданской войной».

Трудящиеся Парижа, его рабочие и ремесленники, уже задолго до капитуляции видели измену и сопротивлялись ей. И именно вследствие этого «оригинальнейшая черта Коммуны», по словам Ленина, состояла в том, что «восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи: общенациональную и классовую, освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма»⁶.

Уже за несколько недель до 18 марта в Париже, да и не только в нем одном — во всей Франции была налицо та революционная ситуация, о которой говорил Ленин в статье «Марксизм и восстание», указывая на предоктябрьские дни 1917 г. в России. В самом деле, и в Париже накануне 18 марта восстание «опиралось на передовой класс», «опиралось на революционный подъем народа», а рабочие и объединившиеся с ними ремесленники проявляли «наибольшую активность». Эта активность выражалась не только в многочисленных вооруженных и невооруженных демонстрациях, прокатившихся по улицам не одного только Парижа, но и в создании, по прямому почину самих народных масс, различных революционных организаций — центров обороны и народного сопротивления. В рядах буржуазии, позорно проигравшей войну и доведшей страну до небывалого унижения, обнаруживались уже тогда явные признаки растерянности и колебаний. Накануне 18 марта, следовательно, был уже достигнут тот «переломный пункт в истории народной революции», после которого наступает или торжество народных масс или, наоборот, торжество оправившихся и сумевших удержать в своих руках власть господствующих классов.

Таким образом, накануне событий 18 марта те «объективные изменения», без которых, по словам Ленина, «революция — по общему пра-

⁵ G. Bourgin, «Les premières journées de la Commune», P. 1928; его же, «La Commune de Paris et le Comité Central» отрывок «Revue historique», T. 150, P. 1925; G. Laronze, «Histoire de la Commune de 1871. La Justice», P. 1928, B. Laurent, «La Commune de 1871. Les postes, les ballons, le télégraphe», P. 1934.

⁶ Ленин, Соч. т. XII, стр. 162.

вилу — невозможна»⁷, были вне всякого сомнения во Франции налицо. Хуже обстояло дело с «субъективными изменениями», поскольку обе ведущие за собой массы политические партии — и бланкисты и прудонисты — по ряду причин не могли возглавить начавшееся движение и пассивно ожидали окончания охватившего страну и столицу кризиса. Не менее пассивным был и созданный самими массами в конце февраля ЦК Национальной гвардии. Последний отстранял от себя задачу захвата власти и до 18 марта держался по отношению к буржуазному правительству Тьера исключительно оборонительной тактики.

Как известно, именно эта пассивность ЦК Национальной гвардии и позволила Тьеру и его генералам сделать внезапную попытку нападения, с тем, чтобы одним ударом покончить с революционной столицей. Эта же пассивность ЦК Национальной гвардии накануне событий 18 марта предопределила в первые часы восстания некоторую растерянность рабочих и ремесленников Парижа, вынужденных самостоятельно, без прямого руководства сверху, организовывать в ранние утренние часы 18 марта оборону Парижа.

Однако в стихийно начавшееся народное восстание скоро были внесены, как показывают новейшие данные, некоторые элементы организованности и сознательности. Это в значительной степени обусловило дальнейший успех движения и позволило парижским рабочим уже к вечеру того же самого дня изгнать правительство Тьера из города и приступить к захвату власти.

Опубликованные материалы и новейшие исследования вносят существенные коррективы в вопрос о соотношении стихийности и сознательности в ходе революции 18 марта, заставляя нас отбросить, как не соответствующую исторической действительности, ту старую концепцию, согласно которой ЦК Национальной гвардии, пассивно следивший за развитием событий до 18 марта, будто бы и в этот решающий день оставался лишь безучастным зрителем разыгравшихся событий.

В свете новых данных ничто больше не позволяет признать правильной ранее распространенную точку зрения, выраженную, например, автором одной из популярнейших монографий по истории Коммуны Эдмондом Лепеллетье следующими словами: «ЦК Национальной гвардии не подготовлял 18 марта и даже после попытки захвата пушек не взял на себя руководства движением; он не возглавил восстания и не выступал в качестве вождя внезапно победившей партии».

Уже данные, приведенные проф. Буржемом в его статье в «Revue historique», заставляли серьезно сомневаться в правильности этой точки зрения. Позднее материалы, опубликованные Ларонзом, и анализ Керженцева не оставили камня на камне от этого старого представления.

Действительно, в первые часы восстания ЦК Национальной гвардии не проявил достаточной активности, но уже утром 18 марта принял ряд важных решений, а затем взял на себя руководство движением. В Историческом музее Парижского предместья Сен-Дени сравнительно недавно был обнаружен клочок пожелтевшей от времени бумаги. Это — написание карандашом приказ, подписанный членами ЦК Национальной гвардии уже в 11 часов утра. Приказ этот гласит: «Предписывается 65-му батальону (Национальной гвардии) совместно с 192-м батальоном направиться по пути, указанному им капитаном 168-го батальона Жюри, к Монмартрским холмам. Двигаться быстро («se porter rapidement»). Около 11 часов утра ЦК Национальной гвардии направил в отдельные округа Парижа своих членов для занятия ими командных постов в батальонах и, в частности, подписал назначение командиром 17-го батальона, расположенного в Батиньоле, рабочего. Евгения

Варлена, сыгравшего в день 18 марта крупную роль. Несколько позднее в 2½ часа дня, после состоявшегося экстренного заседания, ЦК Национальной гвардии принял важнейшее решение, от которого, возможно, зависела судьба движения: он взял на себя руководство завязавшейся уличной борьбой и немедленно направил командирам отдельных, расположенных на окраинах Парижа батальонов приказание двигаться к центру города, с тем, чтобы захватить военное министерство и другие правительственные здания.

Об этом говорят два, сохранившиеся в архивах и опубликованные Ларонзом, аналогичные по своему содержанию, приказа командирам батальонов 17 и 18-го округов. Вот полный текст одного из них, данный Варлену:

«18 марта 1871 г. Два с половиной часа дня. Настоящим приказывается батальонам, расположенным в 17-м округе, немедленно спуститься в Париж и занять Вандомскую площадь совместно с батальонами, расположенными в 18-м округе.

Члены Комитета: Гролар, Фабр, Руссо».

В свете этих новых данных события 18 марта рисуются теперь в несколько ином виде. Быстрый успех движения и самая возможность в столь короткий срок осуществить захват власти только сейчас делаются для нас вполне понятными.

Значительный вклад в изучение событий 18 марта внесли также и те документы о почте и телеграфе Парижа в дни Коммуны, которые, как мы уже знаем, были найдены и впервые опубликованы Лораном. В его книге мы находим ряд интереснейших данных о саботаже, организованном по прямому распоряжению бежавших в Версаль «законных» властей чуть ли не в самые первые часы восстания.

Чего, например, стоят телеграммы, отправленные в Версаль из захваченных уже парижскими рабочими зданий военного министерства и городской ратуши к вечеру 18 марта:

«Канцелярия Генерального штаба занята восставшими, которые в ней устраиваются. Телеграфное бюро пока осталось не обнаруженным. Просьба сделать распоряжения. Я остаюсь здесь до утра».

«По приказу министра я сжигаю мои архивы, но остаюсь здесь до последнего момента».

Обмен телеграммами подобного рода, как это установил Лоран, имел место между парижским центральным телеграфом и Версалем, а также между ним и телеграфными бюро отдельных округов. Заведующие этими бюро днем 18 марта запрашивали распоряжения от своего начальства и получали в ответ неизменное приказание: «Закрывайте бюро и уходите вместе с вашим персоналом» («Fermez le bureau et retirez-vous avec votre personnel»).

Советскими историками много сделано и в области правильного понимания Коммуны как первого в мире опыта диктатуры пролетариата. Именно поэтому социально-экономические мероприятия Коммуны всегда привлекали их особое внимание.

Теперь уже редко кто пытается представить Коммуну в виде путча заговорщиков-бланкистов. Однако, не усматривая в Коммуне государства нового типа, многие историки-буржуа, и среди них даже добросовестный радикальный профессор Буржен, считали Коммуну лишь особой формой обычной демократической республики, весьма с их точки зрения далекой от социалистических и тем более коммунистических идеалов.

При этом они обычно ссылались на неопределенность социально-экономических воззрений Коммуны и отмечали, что ее программа была густо окрашена в прудонистские тона. Они указывали, что почти все деятели Коммуны, за исключением немногих бланкистов и бакуни-

⁷ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 244.

стов, искренне верили в возможность мирного преодоления бедствий и ужасов капитализма и стремились не столько к уничтожению общественных классов, сколько к гармоническому примирению их между собой.

Действительно, историк, ограничивающий свой кругозор рамками только одних архивных документов и не умеющий за строчками и буквами отдельных декретов почувствовать биение пульса народной жизни, легко может притти к подобным, далеким от истины выводам. Он легко собьется с правильного пути и так и не усмотрит в Коммуне и коммунарах ничего рабочего, пролетарского.

Коммуна просуществовала 72 дня и почти все эти дни вела упорную борьбу с версальцами на ближних подступах к Парижу. Естественно, что в этих условиях она не могла и не успела многого сделать и что только некоторые из ее социальных мер, говоря словами Ленина, были «мостиком, ведущим от капитализма к социализму»⁸. К тому же «Коммуны не понимали те, кто ее творил». Деятели Коммуны — прудонисты и бланкисты — «творили путем гениально проснувшихся масс»⁹, и именно вследствие этого, для правильного понимания и правильной оценки ее социально-экономических мероприятий, необходимо при анализе содержания тех или других декретов, действительно подчас составленных или отредактированных в прудонистском духе, обращаться к самой жизни народа, восставшего против «законного» правительства.

Советские историки уделяли этой живой жизни огромное внимание, и это коренным образом отличает их действительно научный подход к истории Коммуны от подхода историков-буржуа или историков социал-демократов. Советских историков не смущает прудонистская фразеология тех или других документов Коммуны. Они умеют видеть за этой словесной шелухой новое, подлинно пролетарское содержание деятельности коммунаров. Многие в этой области еще не доведено ими до конца, но в трудах Молока, Вайнштейна, Данилина и Керженцева проблема социально-экономической политики Коммуны впервые поставлена на прочные научные основания и в общих чертах получила правильное разрешение.

О том, какое большое значение имела та творческая инициатива рабочих масс, на которую обращал особенное внимание Ленин, можно судить хотя бы по следующим примерам. Известно какой скромный по содержанию и прудонистский по духу декрет приняла Коммуна по вопросу о квартирной плате. Она только отсрочила платежи, предоставив льготные сроки нанимателям, и вовсе не помышляла о захвате особняков богатых буржуа с целью переселения туда парижских рабочих. По ее распоряжению, беднотой занимались только одни покинутые хозяевами квартиры. Рабочие, однако, сами подталкивали Коммуну к правильным классовым решениям. «Разве можно считать революционным мероприятием закон о квартплате»? «Вместо того чтобы определенным образом разместить народ в квартирах богатей, ему дается унижительная отсрочка, сопровождаемая еще более унижительными разъяснениями относительно трех сроков платежа за квартиры», — писал, критикуя политику Совета Коммуны один простой рабочий. «В настоящий момент существует только одно право — право пролетариата против собственности и капитала, бедняка против богача, обездоленного в течение веков против имущего»¹⁰. Вероятно, число подобных писем было немалым, поскольку отдельные случайно сохранившиеся письма рабочих написаны в аналогичном духе. Об этом можно судить по дошедшим до нас письмам рабочих в редакцию популярной газеты «Отец Дюшен».

⁸ Ленин. Соч., т. XXI, стр. 399.

⁹ Ленин. Соч., т. XXII, стр. 352.

¹⁰ Dauban. Le fond de la société sous la Commune, Paris, 1873. p. 187.

хранящимся в архиве ИМЭЛ и им опубликованным. На страницах газеты «Отец Дюшен» можно найти немало откликов на жгучий вопрос о жилищах. «Отец Дюшен» критикует декрет Коммуны и указывает, что «народ не имеет худших врагов, чем все эти прохвосты-домохозяева».

Еще писатель Гонкур в своем парижском дневнике отмечал поразившее его в дни Коммуны явление: «Единственное движение, которое можно наблюдать на улицах Парижа, это маленькие переселения, совершаемые под вечер на ручных тележках. Это демократические наниматели спешат воспользоваться декретом Коммуны о жилищах». Как видно, рабочие Парижа не ограничивались одной только критикой умеренного по своему содержанию декрета Коммуны о жилищах — они сами на ходу исправляли этот декрет, вливая в его прудонистские формы, совершенно новое, классовое и острое содержание. Только зная об этой инициативе парижских рабочих, можно до конца понять гнев маркиза Рошатулона, богатого парижского домовладельца и члена версальского Собрания. Последний с трибуны Собрания возглашал проклятия по адресу Коммуны: чья-то рука в третий раз вывесила на стенах его парижской собственности плакаты с надписью по адресу домовладельца: «bon à fusiller».

Совершенно то же самое можно сказать и о другой области деятельности Коммуны — о ее судебной политике. Этому вопросу посвящен, как уже известно, увесистый том чиновника Ларонза. В своем сочинении автор всячески подчеркивает, что все реформы Коммуны в области юстиции носили чисто буржуазный характер и не содержали ничего социалистического. Действительно, по форме даже созданные Коммуной судебные учреждения, например суд по гражданским делам (tribunal civil), просто воспроизводили порядки старых буржуазных судов, но по своему содержанию своей деятельности суды эти зачастую ничем не напоминали старого буржуазного судопроизводства. Тот же Ларонз, вовсе не желающий этого заметить, в своей книге дает тому ряд доказательств. Его возмущает, например, частая потеря новыми судьями «независимости» при решении имущественных дел, классовый, пролетарский подход вновь назначенных Коммуной судей к решению дел о жилищах; он с негодованием цитирует письмо одного не слишком грамотного нового судьи, который, ссылаясь на распоряжение окружного муниципалитета, просто потребовал от одного квартиронанимателя, очевидно буржуа, немедленного переселения в другое помещение; и с возмущением рассказывает о другом таком же судье с Монмартра, который «имел обыкновение из принципа всегда считать виновными домохозяев и буржуа» и вынося свое решение, без всякого стеснения указывал тяжущимся: «Эта революция сделана для народа, необходимо, чтобы народ получил от нее пользу».

В области народного просвещения, а также в области искусства, как это убедительно показывают работы А. И. Молока и в особенности Ю. И. Данилина, можно было также наблюдать аналогичные характерные явления: в старые, еще не успевшие отпасть формы вливалось теперь совершенно новое, классово-пролетарское содержание.

Особенно интересны в этом отношении выводы Данилина, сумевшего собрать и обработать исчерпывающий материал о театральной жизни в эпоху Парижской Коммуны.

Характеризуя декрет Коммуны, специально относящийся к театрам, согласно которому последние должны были передаваться ассоциациям актеров, Ю. И. Данилин отмечает налет прудонистских идей, нашедших свое отражение в театральной политике Коммуны. Он подчеркивает большое влияние эстетических воззрений Прудона на коммунаров, сказывавшееся в стремлении федерации парижских актеров при Коммуне к аполитизму и независимости от государства. И тем не менее, — указывает Данилин, — «не прудонисты создавали театральную политику

Коммуны, ее создавали сами массы». Как и во всем, «в театральной политике Коммуны,— по словам Ю. И. Данилина,— отразился процесс «разбивания пролетариатом старой буржуазной государственной машины и начало строительства новой государственности». Социалистические тенденции театральной политики Коммуны вполне определились. Передавая парижские театры в ведение делегации по просвещению, Коммуна тем самым укрепляла идеи пролетарской диктатуры и в области своей театральной политики. Эта театральная политика, по словам Ю. И. Данилина, «являлась политикой масс, политикой пролетариата, совокупностью мероприятий самого начального этапа «не полной и не прочной» диктатуры пролетариата со всеми противоречиями, свойственными этому этапу в конкретно-исторических условиях 1871 года»¹¹.

Таким образом, выводы советских историков в корне отличаются от выводов буржуазных историков, так и не сумевших правильно понять и оценить Коммуну и в своих не слишком многочисленных трудах о ней постоянно грубо фальсифицировавших ее короткую, но замечательную историю.

В заключение хочется напомнить одно место из речи, произнесенной Марксом осенью 1871 г., в день празднования семилетия Интернационала, речи, сравнительно мало известной: «Коммуна была — и об этом не может быть двух мнений — завоеванием политической власти рабочим классом,— говорил Маркс, выясняя задачи, стоящие перед Интернационалом.— Разрушив существующие условия угнетения передачей всех средств труда производящему рабочему... мы устраним основную базу классового господства и угнетения. Но прежде, чем может быть осуществлено такого рода изменение, необходимо диктатура пролетариата, а первым условием ее будет пролетарская армия. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала — организовать и сплотить силы рабочего класса для предстоящей борьбы»¹².

Основоположники научного социализма хорошо знали, что борьба эта будет долгой и трудной, но они с верой смотрели в будущее. Они видели, как растет и ширится армия рабочих, и хорошо понимали, что вслед за первым героическим опытом парижских коммунаров неизбежно последуют другие.

Известно, что Энгельс в 1881 г. пророчески связывал дело коммунаров с русским революционным движением и с грядущей борьбой и победой русских рабочих: «Когда... Парижская коммуна была подавлена... защитниками «порядка», — писал он вскоре после казни Александра II народолюбцами, — победители меньше всего думали о том, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие, которое после борьбы, — быть может длительной и жестокой, — в конце концов должно неизбежно привести к созданию Российской Коммуны»¹³.

Замечательные победы этой «Российской Коммуны» на полях мирного труда и на полях недавней битвы еще ярче оттеняют для нас, современников Ленина и Сталина, 1871 год и бессмертный подвиг «штурмовавших небо» парижан. Мы не можем, мы не должны забывать, что среди многих знамен, склоненных у гроба Ленина в его мавзолее, находится и небольшое, простреленное пулями, темноокрашенное знамя парижских коммунаров!

¹¹ Данилин Ю. И. Театральная жизнь в эпоху Парижской Коммуны, Гослитиздат, 1936.

¹² Маркс и Энгельс. Соч., т. XIII, стр. 667 (Разрядка моя.— С. К.).

¹³ Там же, т. XV, стр. 552. (Разрядка моя.— С. К.).

Академик В. В. СТРУВЕ

ПОХОД ДАРИЯ I НА САКОВ-МАССАГЕТОВ

До недавнего времени в зарубежной историографии господствовало мнение, что в плохо сохранившемся тексте пятого столбца большой Бехистунской надписи давалось описание похода Дария I на европейских скифов¹. В нашей же русской специальной литературе уже очень рано было высказано В. В. Григорьевым предположение, что «саки, о которых идет речь в Бехистунской надписи, должны быть принимаемы за родственных с амюргийцами Геродота»², т. е. с саками Средней Азии. В последние годы догадка русского ученого нашла свое подтверждение в результате детального изучения и убедительного восстановления ряда разрушенных слов в названном столбце знаменитой надписи Дария I. Согласно авторитетному суждению А. А. Фреймана, нашего крупнейшего специалиста в области древней письменности Ирана, историк теперь имеет основание утверждать, «что под походом Дария против саксов (скифов), о котором говорится в пятом столбце Бехистунской надписи, отнюдь не следует понимать упомянутый Геродотом поход Дария против черноморских скифов». А. А. Фрейман приходит к выводу, что «поход Дария против саксов, о котором говорит Бехистунская надпись, — это поход против саксов, носящих остроконечные шапки (tigrahauda)»³, т. е. северных соседей среднеазиатских сатрапий державы Ахеменидов.

Таким образом, поход Дария I против саксов, увековеченный им в величайшей надписи, созданной когда-либо, приобретает сугубый интерес для историка народов Средней Азии и в частности, как мы увидим ниже, для историка народов Узбекистана. Это событие царствования Дария должно привлечь к себе тем большее внимание, что оно может быть теперь с большой точностью датировано. Действительно, на основании убедительного восстановления первых строк пятого столбца Бехистунской надписи можно высказать положение, что походы Дария, описанные им в последующем тексте, — подавление мятежа вновь восставших эламитян и поход против саксов, — должны быть определены хронологически пятым годом правления Дария I, т. е. 517 г. до н. э.⁴

Описание второго из событий 517 г. дает пятый столбец Бехистунской надписи, начиная с 20-й строки. Восстановленный текст повествования о походе на саксов я попытаюсь дать на основании сохранившегося

¹ Оно восходит к исследованию известного французского ассириолога Опперта в «Journal asiatique», IV серия, т. XVIII, стр. 364—365.

² Григорьев В. В. О скифском народе саксах, СПб., 1871, стр. 15—16.

³ Фрейман А. А. Новые работы по древнеперсидским надписям («Вестник древней истории», 1940, № 2, стр. 127). Подобные же суждения высказал А. А. Фрейман в своем докладе «Плененный враг Дария скиф Скунах», прочитанном в ноябре 1944 г. на юбилейной научной сессии, посвященной 125-летию со дня основания Ленинградского государственного университета.

⁴ Я надеюсь, что установил хронологическую дату похода Дария против саксов в моем докладе, прочитанном 26 марта 1945 г. на заседании институтов Академии Наук СССР, эвакуированных в Ташкент. «Первая точная дата истории народов СССР». Заседание было посвящено семидесятилетию со дня рождения Владимира Федоровича Шнишарева. Доклад будет напечатан в сборнике в честь семидесятилетия со дня рождения этого крупнейшего советского филолога.

ся текста в прекрасном издании Кинга и Томпсона⁵, а также с полным учетом всех известных мне попыток восстановления, предложенных различными исследователями⁶.

- 20 [ḡatīy⁷ | Darayavauš | xs
 21 āya [ḡiya | hadā | kār | ā | Sa [ka⁸ | adam | aš] iyavam | abiy | Sak]
 22 am [| hyā | paradraya⁹ |] i [yam¹⁰ | xaudā | matigrām | barat^a
 23 y | [pasāva | adam | pišam¹¹ | asna] iy¹² | abiy | draya | a
 24 vā [stāyam¹³ | gāḡav] a¹⁴ | ha [čā¹⁵ | av] āa pišā | viyatara
 25 yam [| utā | adam |] Sak [ā | vasaīy |] aganam | aniyam | aga
 26 rb [āyam | aniya¹⁶ | ba] sta [| anayata | a] blyamam | ut
 27 ā š [am | fratamam¹⁷ | maḡi] š [amsam |] S [ku] xa | nāma | avam | aga

⁵ King L. W. and Thompson R. C. The sculptures and inscriptions of Darius the Great on the rock of Behistūn in Persia, Лондон, 1907. Я проверял мои копии текста, данного в названном труде, по изданию большой Бехистунской надписи в книге Tolman H. C., Ancient Persian Lexicon and Texts, Нью-Йорк, 1908. Здесь тщательно отмечены все эпиграфические наблюдения Кинга и Томпсона.

⁶ Начиная с восстановления, предложенного Foy в (Kuhns) «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», 35, стр. 48 сл. и кончая Hinz в «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft», 93 (1939), стр. 364 сл. и Weissbach в «Zeitschrift für Assyriologie», 46 (1940), стр. 55 сл.

Я не учел здесь статью Roland G. Kent. Darius Behistan Inscription («Journal of Near Eastern Studies», т. II, 1943, стр. 105 сл.), с которой я познакомился лишь после завершения настоящего исследования. Она не изменяет основного положения восстановления текста. Я коснусь статьи Кента в специальной работе, посвященной восстановлению пятого столбца Бехистунской надписи.

⁷ Я слеую транскрипции древнеперсидских клинописных знаков, установленной A. Meillet в его классическом труде «Grammaire du Vieux Perse», Paris, 1915.

⁸ Так восстановил текст еще Hoffmann-Kutschke (Die altpersischen Keilinschriften des Grosskönigs Darajavausch des Ersten bei Behistun, Берлин, 1909). Эпиграфически и грамматически восстановление может быть оправдано. Об аргументации с исторической точки зрения я скажу ниже.

⁹ «Draua», которое упоминается в строке 23, несомненно было упомянуто в самом начале повествования о походе на данных саков при определении их местопребывания. Кроме того, и страна саков должна была быть ближе определена, поскольку персы различали среди сакских племен несколько групп. Даже «Уваджа», (Элам) и та в начале V столбца разъясняется «Элам по имени страна», хотя в I—IV столбцах Бех. надписи она неоднократно упоминалась.

¹⁰ Если имя народа обозначало и имя страны (Meillet A., у. с., § 348), то имя страны могло обозначать имя народа.

¹¹ Лапидарный стиль описания похода требует наличия координированных главных предложений, а не наличия главных и придаточных предложений, как это предлагают Гинц и Вейсбах в указанных исследованиях.

¹² Ср. текст в Бех. надписи, столбец II, 11—12.

¹³ Гинц (у. с.) и Вейсбах (у. с.) предлагают восстановить здесь ava[rasam], но этот сложный глагол не засвидетельствован в надписях. Кроме того, засвидетельствован сложный глагол «para[rasam] — «он достиг». См. Meillet, у. с., стр. 135: yaḡa-madam para[rasam] «Бех, II, 65) — «когда я достиг Мидии, геср. «когда я прибыл в Мидию». Ср. Бех., II, 22, 32 и 52. Вместе с тем следует отметить, что глагольная приставка «ava» означает, согласно A. Meillet, у. с., § 246, «de haut en bas», и поэтому вряд ли «ava[rasam]» могло передавать «я достиг». Мое восстановление может быть подкреплено Бех. надписью, столбец I, 63, 66, 69.

¹⁴ Указанные строки I столбца Бех. надписи подкрепляют и это мое восстановление. Я полагаю, что определенное Гинцем и Вейсбахом «[avad]ā» является излишним в данном контексте. Об историческом выводе, вытекающем из восстановленного мною текста, см. ниже.

¹⁵ При моем восстановлении «ha[sa]», эпиграфически вполне оправданном, «понтонный мост» являлся не только средством для перехода войска, но и исходным пунктом для похода Дария в страну «заморских» саков.

¹⁶ Думаю, что «anīya», предложенное Вейсбахом, поддерживается общим контекстом и заслуживает предпочтения перед восстановлением Гинца.

¹⁷ Можно восстановить «и их я пощадил». Нельзя только согласиться с восста-

- 28 rb[aya | utā | an]aya[| abiy | mān |] avadā | aniyam | maḡ
 29 is[tam | ak]unavam [|]ya [ḡa | mān | k]āma | āha | pasāva | da
 30 h[yaus | ma]nā[| aba]va |

²⁰ Говорит Дарий цар²¹ [ь: вместе с войск]ом са[ков я п]ошел к стране саков²² [которая за морем], э[та шапк]у острой носи²³т.

[Затем я корабельный мост близ]ко¹⁸ к морю вос²⁴ [становил на (его) мест]е. О[т этот]о корабельного моста прошел²⁵ я | страну | [и я] сак[ов сильно] разбил, одну часть я схва²⁶ [тил, другая часть свя]занной [была приведена к]о мне и²⁷ и[х первого, наи]боль[шего из них]. С [кун]ха по имени, его они захва²⁸ [тили и при]вели [ко мне]. Там другого наибольш²⁹ [шим сд]елал я, к[ак моя в]оля была. Затем стр³⁰ [ана моей ста]ла».

Таково краткое описание похода Дария I на Саков, живущих за морем, которое может быть извлечено из плохо сохранившихся строк 20—30 пятого столбца Бехистунской надписи. Последующие строки, правда, также посвящены сакам, но уже не походу на них, а их отношению к великому богу Дария — к Ахурамазде. Об интерпретации этих строк я буду говорить в самостоятельном исследовании. В настоящей же статье я хочу остановиться на другом источнике, повествующем нам о том же походе Дария I на саков Средней Азии. На него обратил рано внимание выше названный русский историк-востоковед В. В. Григорьев, указавший еще в 1871 г., что «из истории Дариева похода против Саков, о котором упоминается в Бехистунской надписи, но ни слова не находим ни у Геродота, ни у других древнейших греческих историков, сохранилось для нас два события, рассказываемых писателем II-го уже века по Р. Х. Полиэном»¹⁹.

В своих «Стратегах» Полиэн сохранил нам два рассказа о походе Дария на саков. В первом из них (кн. VII, гл. 11, 6) он повествует о том, что саки в войне с Дарием действовали тремя отрядами против вторгнувшихся персов. Дарий, разбив первый из трех отрядов саков, взял у побежденных врагов их одежду и оружие и этим платьем и оружием одел и вооружил своих воинов. Свое войско, переодетое и перевооруженное таким образом, Дарий повел против второго отряда саков. Последние, введенные в заблуждение внешним видом приближавшихся воинов, приняли их за своих и не приготовились к отражению нападения. Поэтому персы смогли на них напасть врасплох и уничтожить их. После же поражения первых отрядов саков третий отряд сдался Дарию без какого-либо сопротивления²⁰.

Несомненно в этом рассказе Полиэна имеются некоторые явные черты фольклорной традиции. В еще большей степени можно установить отражение фольклора во втором рассказе Полиэна (кн. VII, гл. 12).

новлением Гинца и Вейсбаха «и их я убил». Отношение Дария к сакам, которые не являлись мятежниками, должно было быть, конечно, иным, нежели к народам, которые отпали от него. См. об этом ниже.

¹⁸ «Asnaiu», восстановленное мной по Бех. надписи, II, 11—12, не означает «в походе», как переводил Вейсбах в «Keilinschriften der Achämeniden», 1911, стр. 29. В эламской версии asnaiu соответствует слово «канна». Это слово встречается в форме «kanpenti» (Бех., III, 83, эламского текста) и kanesne (Бех., III, 75, 86, эламского текста). Оно переводится «быть дружественным», т. е. может иметь значение «быть близким». Подобное значение может иметь древнеперсидский эквивалент «asnaiu» эламского «канна».

¹⁹ «О скифском народе Саках», стр. 16. К сожалению, прекрасный труд В. В. Григорьева оставался неизвестным в иностранной литературе и поэтому Hermann в своей большой статье о Саках в Payly's Realencyklopädie der klassischen Altertumwissenschaft, т. I второй серии, ст. 1785, мог заявить еще в 1920 г., что рассказ Полиэна о походе Дария на Саков «оставался по существу незамеченным».

²⁰ Ср. адекватный пересказ Полиэна у Григорьева В. В., у. с., стр. 16.

Здесь героем повествования греческого историка является некий табушник *ταβυρβος* по имени Сирак. Он предлагает свою помощь трем сакским царям — Сокесфару, Омаргу и Тамиру (*Θαμυρις*), совещающимся в пустынном месте об отражении войска Дария, идущего на них походом. Сирак им заявляет о том, что у него есть план уничтожения персидского войска и что он готов привести его в исполнение, если цари ему клятвенно обещают наградить его детей и потомство конями и деньгами. Получив от царей это клятвенное обещание, Сирак себя изувечил и в таком виде прибыл к Дарию, которому он сказал, что его так изуродовали цари саков. Когда Сирак, руководимый якобы чувством мести, обещает Дарию содействовать поражению сакских царей, то царь персов ему доверяется. Под предлогом провести персидское войско кратчайшим путем к месту, где можно было бы врасплох напасть на саков, Сирак заводит врагов в пустыню, где они должны были погибнуть от жажды и голода. Сирак умирает героической смертью, а персидское войско с трудом избегает гибели, утолив свою жажду обильным дождем, дарованным Аполлоном (т. е. Митрой), который внял мольбам Дария о спасении персов²¹.

Действительно, фольклорные моменты выступают во втором рассказе Полиэна о войне Дария с саками еще более выпукло, нежели в его первом рассказе. Сам Полиэн обратил внимание на то, что анекдот о героическом подвиге сака Сирака чрезвычайно близок рассказу Геродота о подвиге перса Зопира при осаде Дарием Вавилона²². Полиэн высказывает в связи с этим предположение, что Зопир был подражателем Сирака²³. Я полагаю, что мы имеем в обоих рассказах Полиэна о походе Дария на саков отрывки из сакского героического эпоса, дошедших до Полиэна через посредство античной военной литературы, использовавшей, конечно, в широкой мере рассказы греческих наемников. Последние, игравшие всегда значительную роль в армии Ахеменидов, могли научиться в течение долголетней своей военной службы иранским наречиям, на которых говорили их боевые товарищи и из среды саков Средней Азии. Так, например, несомненно в Мемфисе имело место в эпоху персидского господства совместное пребывание греческих наемников и сакских воинов. В Мемфисе, который являлся одной из наиболее мощных крепостей Египта²⁴, еще со времени Амасиса были поселены нонийские и карийские наемники²⁵. Здесь же в Мемфисе были раскопаны терракотовые статуэтки сакских конников, восходящие к V в. до н. э.²⁶ Очевидно, статуэтки изображали сакских воинов, входивших в состав гарнизона Мемфиса. В среде сакских отрядов армии Ахеменидов продолжали, конечно, распеваться песни, созданные в далеких степях Средней Азии о славных подвигах прошлого сакского народа. Эпос заменял сакам достоверную письменную историю. Песни этого эпоса, заполненные ярким и красочным описанием эпизодов героической борьбы мужественного народа за свою свободу и самостоятельность, не могли не привлечь к себе внимания греческих наемников,

²¹ Ср. там же, стр. 17—18.

²² Геродот, III, гл. 153. сл. Я надеюсь в другом исследовании доказать, что в рассказе о Зопире нашло свое отражение фольклорное наследие Вавилонии.

²³ Григорьев В. В., у. с., стр. 18.

²⁴ См. Геродот, III, гл. 91: «Сто двадцать тысяч медимнов хлеба идет с этого округа (т. е. египетского округа) на прокормление персов, занимающих Белую крепость в Мемфисе, и их наемников».

²⁵ Царь Амасис переселил их из лагерей, которые были созданы Псамметихом I ниже города Бубастиса. Переселив их в Мемфис, Амасис «образовал из них стражу для себя против египтян» (Геродот, II, гл. 154).

²⁶ Flinders Petrie W. M. Memphis, I. Лондон, 1909, табл. XL, № 42 и 46; Memphis, II, Лондон, 1909, табл. XXIX, № 80, и 84; Memphis, III, Лондон, 1910, табл. XLII, № 136—138.

сражавшихся плечом к плечу с сакскими воинами в многочисленных битвах, решавших судьбы державы Ахеменидов.

В эпосе любого народа переплетаются в весьма причудливом соединении элементы исторической действительности с фольклорной традицией. Столь же своеобразно отражается историческая действительность о походе Дария I на саков в рассказах Полиэна. Поэтому В. В. Григорьев имел в 1871 г. полное право заявить: «Сколько исторической действительности заключается в обеих этих «стратегемах» Полиэна и насколько эта действительность относится к Дарию и сакам — сказать трудно»²⁷. Теперь мы находимся в более благоприятных условиях, нежели известный русский исследователь прошлого века. Мы можем использовать для выявления моментов исторической традиции в рассказах Полиэна отчет самого Дария I о походе на саков в V столбце Бехистунской надписи. Правда, и во время В. В. Григорьева было известно, что в указанной части знаменитого эпиграфического памятника описывался поход на саков, но ценность ее как исторического источника определяется В. В. чрезвычайно низко. Лишь весьма скудные данные он мог тогда, в 1871 г., извлечь из соответствующих строк пятого столбца Бехистунской надписи: «Время и дождевые потоки уничтожили столбец этот наполовину, так что читаются в нем лишь отдельные слова, из коих можно заключать, что Дарий в этом походе «перешел» через что-то, «убил», повидимому, одного из предводителей восстания, а другого, по имени «Сакуку (или Саруку), захватил». Кроме того, в двух смежных строках встречаются слова «тиграм» и «дараям»²⁸.

Наше восстановление пятого столбца Бехистунской надписи, покоящееся на новой проверке текста, имевшей место в 1907 г., а также учитывающее все восстановления, предложенные различными исследователями в последние десятилетия, создало текст, который при некоторой методической осторожности может быть использован для выявления ряда деталей события, известного как поход Дария на саков. Во всяком случае мы можем извлечь из него более существенные и конкретные данные, нежели те, что Дарий «перешел» что-то, «убил» кого-то и «захватил» кого-то. Уже первое указание повествования Дария о походе на саков заслуживает особого внимания. «Вместе с войском саков²⁹ я пошел к стране саков, которая за морем». Действительно, использование отрядов саков для войны с саками, еще не покоренными и отстаивавшими свою независимость в войне с Киром, является, очевидно, одним из мероприятий Дария, свидетельствующим о той тщательности, с которой он готовился к своим походам. Вспомним хотя бы решение Дария послать перед походом на Грецию соглядатаев из числа персов, а также и греческого врача Демокеда. Он заявляет о своем решении своей жене Атоссе: «Они узнают все в подробности, осмотрят и сообщат нам. Тогда, запасшись точными сведениями, я ударю на эллинов»³⁰. Готовясь же к походу на саков массагетов, Дарий учел полностью опыт неудачного похода Кира на этот воинственный народ.

Согласно Геродоту (кн. I, гл. 214), в решающей битве между войском Кира и массагетами «вначале оба войска обстреливали друг друга из луков на значительном расстоянии, потом, когда стрелы были истощены, перешли в рукопашную и бились копьями и мечами». Очевидно,

²⁷ У. с., стр. 18.

²⁸ У. с., стр. II.

²⁹ Ради удобства я не буду при цитировании восстановленного текста пятого столбца Бехистунской надписи приводить каждый раз квадратные скобки, выделяющие восстановленные слова из слов, сохранившихся в тексте. Я буду рассматривать восстановленный текст как основу моего исследования, а читатель может при желании обратиться к подлинному тексту надписи, приведенному выше на стр. 232—233.

³⁰ Кн. III, гл. 134.

ядром войска Кира являлась та прекрасная персидская пехота, которая отличалась своей стойкостью в битве при Платеях³¹, а ядром неприятельского войска была конница саков, которая в битве при Марафоне прорвала центр афинской боевой линии и в битве при Платеях оказалась вместе с пехотой персов нахрабрейшей в войске Мардония³².

Следовательно, обстановка рокового для Кира сражения несколько напоминала условия битвы Красса с парфянами, когда стойкие римские легионы встретились с славными конниками парфянского полководца Сурена³³. Легкая конница массагетов, кружась вокруг войска Кира и уклоняясь от рукопашного боя, осыпала персидскую пехоту тучей своих стрел. Всадники, конечно, имели при себе большие запасы стрел, нежели пешие воины и, кроме того, они могли быстрее пополнить свои опустевшие колчаны из того запаса стрел, который имелся в обозе, находившемся вдали от сражения. Результатом подобной тактики массагетов явились значительно большие потери на стороне персов и, таким образом, численный перевес саков, их противников, в решительной рукопашной схватке. Поэтому Дарий, опасаясь катастрофы, постигшей войско Кира, решил использовать в своем походе вспомогательные отряды из сакских племен, уже раньше покоренных им, или его предшественниками.

Дело в том, что в § 21 Бехистунской надписи (столбец II, 8) упоминается среди областей, восставших против Дария во время подавления первого мятежа в Вавилонии, также и область саков: «Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Мудрая³⁴, Парфия, Маргиана, Саттагидия, область саков». Область, упомянутая на последнем месте, была заселена также сакскими племенами, которые восстали совместно с Маргианой³⁵, точно так же, как саттагиды восстали вместе с Персидой³⁶. Сакские племена пришли на помощь мятежным маргианцам; но, будучи разбиты в самой Маргиане войском бактрийского сатрапа Дадаршиша, покорились подобно тем сакам, которые помогли Спитамену в его борьбе с Александром Македонским. Последние, как известно, после решительного поражения, нанесенного Спитамену, отрубили Спитамену голову и отослали ее к Александру, чтобы таким образом отвратить его гнев от самих себя³⁷.

Очевидно, сакские племена, восставшие совместно с Маргианой, входившей в состав Бактрии³⁸, являлись восточными саками, которых Геродот называл «амиргийскими», а персидские надписи «Сака-Гаума-

³¹ Геродот, кн. IX, гл. 71.

³² Геродот, кн. VI, гл. 113 и кн. IX, гл. 71.

³³ Любопытно, что С. П. Толстов в одном из своих докладов доказал, что тактика парфянского войска, разгромившего легионы Красса, восходит к тактике, применяемой в Хорезме, в области, соседней сакам-массагетам. Не лишено интереса в данной связи и то обстоятельство, что сверкающее железом парфянских шлемов и панцирей, смутившее римлян, было добыто в Маргиане (Мерве). Ср. Плутарх, Красс, 24.

³⁴ Определение «Мудрая» в данном списке я дам в другом исследовании. Для той задачи, которая сейчас поставлена передо мной, локализация «Мудрая» Бех. надписи, II, 8, не имеет никакого значения.

³⁵ Если в списке непосредственно за Маргианой названы Саттагиды, а не область Персиды, и поэтому необходимо было назвать сперва союзницу Персиды Саттагидию и лишь за последней саков, союзников Маргианы.

³⁶ Я никак не могу согласиться с мнением, высказываемым в историографии, что были им покорены в первом же году. В подобном случае он не упомянул бы их в списке мятежных стран. Дело в том, что Бех. надпись должна была доказать, что Дарий всякого, кто был врагом его державы, строго наказывал» (§ 63).

³⁷ Арриан, Анабасис, кн. IV, гл. 17.

³⁸ Дарий заявляет после описания победы бактрийского сатрапа над маргианцами: «Это то, что было сделано мной в Бактрии» (Бех. надпись, столбец III, 20—21).

варга»³⁹. Область их расселения непосредственно примыкала к Бактрии, и они находились в некоторой зависимости от сатрапа Бактрии. Брат Ксеркса Масист, решившийся восстать против брата, стремится бежать «в землю бактрийцев и саков, потому что они любили его и он был сатрапом бактрийцев»⁴⁰. Эти саки, в землю которых хотел бежать Масист, были наверное саки амиргийские, которые, согласно определенному указанию Геродота (кн. VII, гл. 64), шли в поход на Грецию вместе с бактрийцами под общим руководством Гистаспа, сына Дария, и дочери Кира Атоссы⁴¹. Своим названием «амиргийцы» данные сакские племена были обязаны, как я полагаю вместе с В. В. Григорьевым; имени той долины, в которой они пребывали; долины по реке Мюргаб, т. е. «Мюрг-реке». С именем реки «Мюрг», надо думать, и связано древнее имя Мерва — «Маргуш», «Маргиана»⁴². Долина Мюргаба наверное соответствовала Амударье Гелланика, объясненному как «равнина в сакских землях»⁴³. Если здесь, в долине Мюргаба, приходится действительно искать место расселения амиргийских саков, то становится вполне понятной и возможной их помощь восставшим маргианцам. Каспии же, с которыми саки (очевидно амиргийские) были объединены в одну сатрапию, XV сатрапию Геродота, являлись сакскими племенами, кочевавшими по восточному побережью Аральского моря⁴⁴, рассматриваемого западными иранцами в эпоху Дария и Ксеркса как продолжение Каспийского моря.

Амиргийские саки, потерпевшие поражение вместе с маргианцами в первом году правления Дария I, могли быть, конечно, использованы персидским царем в пятом году его правления при походе его на саков-массагетов. За то, что амиргийские саки были каким-то образом связаны с указанным походом Дария, говорит и второй рассказ Плутарха. Здесь выступает в качестве одного из трех царей саков некий Омарг, с именем которого нельзя не сопоставить этникон амиргийских саков. О той же связи последних с походом Дария на саков, которые «носят шапку острой», т. е. на саков тиграхауда, свидетельствует царская триумфальная печать времени Дария или Ксеркса (см. рисунок)⁴⁵. На левой стороне триумфальной сцены изображено дерево⁴⁶, а над ним антропоморфное изображение Ахурамазды, свойственное памятникам Дария и Ксеркса. Спину к дереву и Ахурамазде стоит царь, схвативший врага в остроконечной шапке, другой же враг в остроконечной шапке лежит поверженным на земле и над ним стоит лев. За собой ведет царь пленника, одетого подобно саку-амиргийцу и лишенного остроконечной шапки⁴⁷. Возможно, что этот сак-амиргиец, привязанный веревкой к поясу царя, является представителем того вспомогательного отряда саков, с которым Дарий, согласно V столбцу Бехистунской надписи, пошел на саков-массагетов. Амиргийские саки, четыре года

³⁹ Toimán, у. с., стр. 131. Теперь надо прибавить восстановленную надпись Дария I из Суз, так называемую надпись Сузы и надпись Ксеркса о дэвах. См. Струве В. В. Надпись Ксеркса о дэвах и религия персов. Изв. АН СССР, серия ист. и фил., 1944, № 3, стр. 132.

⁴⁰ Геродот, кн. IX, гл. 113.

⁴¹ Масист, сатрап Бактрии, входил в состав главнокомандующих всем персидским войском. См. Геродот, кн. VII, гл. 82 и 123.

⁴² Григорьев В. В., у. с., стр. 56 сл.

⁴³ Цитирую по Григорьеву, у. с., стр. 6.

⁴⁴ Baehr, S. C. F. (Herodoti Halicarnassensis musae, II, Лейпциг, 1857, стр. 184) локализовал каспиев XV сатрапии с племенами, кочевавшими по восточному побережью Каспийского моря и в низовьях Аму-Дарьи.

⁴⁵ Рисунок дан по откатке цилиндра (Ward, Seal cylinders from Western Asia, 1910, № 1052), изображенного на табл. II исследования Junge J. Saka-Studien, который впервые привлек этот памятник для истории похода Дария на саков-массагетов.

⁴⁶ Дерево похоже на пальму и представляет собой, может быть, Ирак, где находилась столица державы Ахеменидов — Вавилон.

⁴⁷ Junge J., у. с., стр. 63—64.

тому назад вновь покоренные, могли быть резчиком триумфальной печати представлены в виде пленников, которых суровый победитель ставляет итти против их соплеменников. Во всяком случае наличие в войске персидского царя и сакского отряда нашло свое отражение, как я полагаю, в первой из двух вышеприведенных стратегем Полиэна. Действительно, присутствие в рядах персов сакских воинов могло создать легенду о том, что Дарий после победы над первым отрядом саков-массагетов, взял у побежденных врагов их оружие и одежду и, вооружив и одев ими своих воинов, ввел в заблуждение другой отряд массагетов. Подобная легенда могла пустить корни в эпосе саков, ибо она льстила уязвленному, самолюбию воинственного народа: он был побежден не столько доблестью, сколько хитростью врага.

Ward N1052

Правда, можно возразить против сопоставления первой из стратегем Полиэна с надписью Дария указанием на то, что сакское вспомогательное войско рекрутировалось, по видимому, главным образом из амиргийских саков, а эти последние не носили на рельефах персепольских дворцов и на кширустемских гробницах остроконечных шапок, подобно сакам-тиграхауда. Надо признать, что данное возражение не является решающим. Геродот нам сообщает, что и амиргийские саки на войне носили остроконечные шапки. Мы читаем в его перечислении пеших войск армии Ксеркса следующее описание оружия и одежды саков (кн. VII, гл. 64): «Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо. Одеты они были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи, наконец, топоры, которые назывались сагарии. Эти саки были собственно скифы-амиргийцы и назывались они саками потому, что так персы зовут всех скифов». Следовательно, согласно Геродоту, саки-амиргийцы имели на головах высокие и острые кверху шапки, или колпаки. Нам нет никакой надобности, подобно некоторым исследователям⁴⁸, сомневаться и в точности описания Геродотом головного убора саков, и в истинности его утверждения, что пешие саки войска Ксеркса были преимущественно амиргийцы. Прочие же саки, в том числе и саки-тиграхауда, входили в состав конных войск персидской армии. Амиргийские саки, пребывающие в окружении оседлых племен, перестали быть в основной своей массе конниками и стали носить одежду, свойственную их соседям⁴⁹. Отправляясь в поход, они возвращались снова к одежде своих воинственных предков и надевали традиционные остроконечные шапки.

Кроме того, наряду с пешими амиргийскими саками, были наверное среди вспомогательных сакских отрядов войска Дария и конные саки-тиграхауда, которые не только на войне, но и в мирной обстановке но-

⁴⁸ Так, Junge (у. с., стр. 45 и 63) высказывает догадку, что Геродот здесь присоединил к описанию сакских воинов армии Ксеркса не имеющую отношения к нему цитату из Гекатея.

⁴⁹ Согласно Junge (у. с., стр. 64, прим. 2), одежда амиргийских саков тождественна с одеждой согдийцев и хорезмийцев. За то, что часть саков была оседлой, говорит то обстоятельство, что саки, входившие в состав XV сатрапии, платили денежную подать (Геродот, кн. III, гл. 93) и не малую, — 250 талантов. Несомненно прав В. В. Григорьев (у. с., стр. 70), когда он утверждает, что история знает мало примеров того, «чтобы оседлый народ когда-либо и где-либо мог принудить кочевников к уплате постоянной дани».

сили остроконечные шапки. Дело в том, что часть саков, которые носили остроконечные шапки, населяла область, входившую в состав десятой, мидийской сатрапии (Геродот, кн. III, гл. 92): «От десятого округа от Экбатаны и остальной Мидии, от гирканиев⁵⁰ и ортокорибантiev четыреста пятьдесят талантов». Уже в 1900 г. было установлено, что Ордохоравантии «ортокорибантии» Геродота является не чем иным, как греческим переводом персидского «тиграхауда», «с остроконечными шапками»⁵¹. Согласно Ксенофону, саки были соседями гирканиев и много терпели от насилия ассирийцев, которые стремились подчинить их своей власти⁵². Эти саки Ксенофонта соответствуют, конечно, «ортокорибантиям» списка сатрапий Геродота. Впоследствии, после походов в Европу, при Дарии «ортокорибантии», «сака-тиграхауда» были выделены в особую область, независимую от мидийской сатрапии и независимую от области саков-амиргийцев⁵³. В область саков-тиграхауда входили тогда сакские племена, соседние с Гирканией, т. е. кочевавшие в степях юго-восточного побережья Каспийского моря⁵⁴, вплоть до тех племен, которые кочевали «за морем», т. е. в степях к востоку от Аральского моря. Последние были выделены тогда из состава XV сатрапии саков⁵⁵.

Мы выше видели, что эти племена к востоку от Аральского моря назывались «каспиями», очевидно потому, что Аральское море рассматривалось тогда как продолжение Каспийского. Указание же на то, что эти каспии являлись, действительно, саками, я вижу в том обстоятельстве, что они упоминались Геродотом в числе конников⁵⁶, а саки, как известно, не упоминаются в перечислении конных войск Ксеркса⁵⁷. Сакская же конница несомненно имела налицо в армии Ксеркса, поскольку в сражении при Платеях, как мы выше видели, восхвалялась ее доблесть⁵⁸. Так как среди прочих народностей, составлявших конницу войска Ксеркса, нет ни одной, которую можно было бы сопоставить с саками, то я и считаю доказанной тождественность каспиев-конников в армии Ксеркса с саками.

Вопрос о «каспиях» XV сатрапии подводит нас вплотную к вопросу о локализации тех саков-массагетов, на которых были направлены поход Кира, описанный Геродотом в кн. I, гл. 201 сл., и поход Дария, увековеченный в V столбце Бехистунской надписи. Место расселения народа массагетов Геродот определяет в кн. I, гл. 201 указанием на то,

⁵⁰ В тексте мы имеем чтение «парикании», но ряд исследователей предлагает исправить текст в «гиркании» или «баркании». См. хотя бы Hergmann в Pauly's Realencyklopädie, II серия, том I, столбец 1780. Лишь при таком исправлении текста Геродота мы будем иметь в перечислении сатрапий упоминание такой важной области, какой является Гиркания.

⁵¹ Kiessling. Zur Geschichte der ersten Regierungsjahre des Darius Hystaspes, Лейпциг, 1900, стр. 17.

⁵² Киропедия, V, гл. 2. По мнению Кеннига, Aelteste Geschichte der Meder u. Perser («Der alte Orient», т. 33, вып. 3/4, 1934), стр. 43 сл., в Киропедии нашла свое отражение традиция о Кире I, современнике Ассурбанипала.

⁵³ Об этом свидетельствует нам надпись Дария Сузы с. е. см. ниже.

⁵⁴ Напрасно Junge (у. с., стр. 44, прим. 7) сомневается в точности определенного указания Геродота, что часть саков-тиграхауда входила в состав Мидийской сатрапии. Она входила в состав названной сатрапии в первые годы правления Дария вплоть до походов в Европу. Как известно, народы северо-востока Балканского полуострова не упоминаются в списке сатрапий у Геродота, кн. III, гл. 89—96.

⁵⁵ См. вышесказанное на стр. 237.

⁵⁶ Геродот, кн. VII, гл. 86. Согласно предположению Junge (Saka-Studien, стр. 84), каспии XV сатрапии должны быть локализованы в Кашмире. Тому противоречит тот несомненный факт, что область Кашмира не могла быть родиной конников, достойных персидского войска. Точно так же не могли быть конниками и каспии XI сатрапии, обитавшие у юго-западного побережья Каспийского моря.

⁵⁷ Геродот, кн. VII, гл. 84—87.

⁵⁸ На это противоречие в тексте Геродота уже давно обратил внимание В. В. Григорьев, у. с., стр. 2, прим. 1.

что он «живет на востоке по ту сторону реки Аракса против исследований», народа, жившего в северной части урало-каспийских степей⁵⁹. В кн. I, гл. 202 Геродот рассказывает о реке Араксе, что она «изливается сорока устьями, которые, за исключением одного, теряются в болотах и топях, где живут, как говорят, люди, питающиеся сырой рыбой и одевающиеся в тюленьи шкуры. Единственный рукав Аракса протекает по открытой⁶⁰ местности и впадает в Каспийское море». На востоке от последнего Геродот (кн. I, гл. 204) искал кочевья массагетов: «С востока к нему (т. е. Каспийскому морю) примыкает равнина на необозримом пространстве. Значительную часть этой обширной равнины занимают массагеты, против которых и задумал итти войной Кир». Сопоставляя данные глав 201, 202, и 204 I книги Геродота, мы можем установить, что, согласно ему, местом расселения саков-массагетов являлась та часть долины к востоку от Каспийского моря, которая тянется по ту сторону Аракса, впадающего одним из своих рукавов в Каспийское море, а другими теряющегося в болотах и топях. Страбон имел более точные данные, нежели Геродот, о территории, которую населяли массагеты. Страбон дает в XI книге, гл. 8 § 6 следующее описание земли массагетов: «Рассказывается также следующее о массагетах, что одни из них населяют горы, другие долины, одни болота, которые образуют реки, другие острова среди болот. Особливо, как говорят, орошает землю (их) Аракс, который многократно разветвляется и всеми прочими устьями впадает в другое, на севере лежащее, море, а одним устьем в Гирканийский залив». Мы видим из приведенных слов Страбона, что Аракс (Аму-дарья) не терялся большей частью своих рукавов, в болотах и топях, как утверждал Геродот, а впадал в другое, на севере лежащее, море, т. е. Аральское море. Согласно Страбону, массагеты населяли область за теми рукавами Аракса (Аму-Дарьи), которые впадали в Аральское море. Действительно, Гирканийский залив, куда впадал единственный рукав Аракса, очевидно, ныне высохший Узбой, был слишком хорошо известен и грекам и персам, чтобы можно было повествовать о быте населения побережья залива и прилегающей территории, применяя выражение «λέγεται», «рассказывается», или «φασι», «говорят». Подобные выражения указывают на некоторую нечеткость сведений, которыми располагал Страбон. Они являлись вполне уместными, если мы определим места расселения массагетов вышеприведенного повествования Страбона областью за Аму-Дарьей к востоку от Аральского моря. Здесь имелись и горы⁶¹, и долины, и болота, и острова среди болот.

Локализация саков-массагетов, предложенная Страбоном, находит свое подтверждение в свидетельстве надписи на документах основоположения дворцов Дария I в Персеполе и в Экбатане⁶². Здесь среди областей, которые определяют крайние границы державы Ахеменидов на севере и юге, востоке и западе, упоминаются и саки: «Говорит Дарий царь: это держава, которою я владею, начиная с саков, которые за Согдом, вплоть до Кушитов, от Индии вплоть до Сард, которую мне Ахурамазда передал, величайший из богов. Меня да Ахурамазда защитит и мой дом!».

«Саки, которые за Согдом», документов основоположения дворцов

⁵⁹ Мищенко Ф. Г. Геродот, т. II, 1886, Указатель с примечаниями, стр. 83.

⁶⁰ Кадарбс греческого текста. Этот термин должен характеризовать местность, лишенную болот.

⁶¹ К югу от Ходжа-Куль.

⁶² Таких документов основоположения было найдено всего шесть, из них одна золотая и одна серебряная пластинка в Экбатане, две золотых и две серебряных в Персеполе. Надпись на всех шести пластинках является тождественной. Она была издана Smith S. в «Journ. Roy. Asiatic Society», 1926, стр. 433—436 и Herzfeld E. Altpersische Inschriften, 1933, стр. 19.

Дария должны быть, очевидно, отличимы и от саков-амиргийцев долины реки Мюргаб и смежной территории, а также и от тех саков-тиграхауда, которые кочевали в степях, непосредственно примыкавших к Гиркании. Ведь ни те, ни другие саки не могли быть названы с точки зрения западного иранца «саками, которые за Согдом». Подобным образом могли быть названы лишь те саки, которые пребывали к востоку от Аральского моря, в области между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. Эти «засогдийские саки» должны быть отождествлены с каспиями XV сатрапии Геродота, входившими в ее состав совместно с саками-амиргийцами до европейских походов Дария. Затем каспии-засогдийские саки были объединены, согласно свидетельству списка сатрапий⁶³ надписи Дария I Сузы⁶⁴, в одну сатрапию с саками-тиграхауда, так как и засогдийские саки носили, согласно свидетельству V столбца Бехистунской надписи, остроконечные шапки. В последние годы правления Дария I страна саков к востоку от Аральского моря была выделена в особую область «саков, которые за морем», наряду с областью саков-амиргийцев и областью саков-тиграхауда. Свидетельствует о подобном выделении засогдийских саков нахширустемская надпись а великого царя. Она перечисляет в начале 21 область, которую Дарий получил в наследство от Камбиса, да еще Индию, которая была присоединена, вероятно, в четвертом году⁶⁵, т. е. до большого похода Дария на саков-массагетов. Вслед за этими 22 областями надпись перечисляет еще 7 областей, в том порядке, в котором они были покорены Дарием, начиная с пятого года его правления⁶⁶. Последний он считал настолько замечательным, что решил события его увековечить на Бехистунской скале, посвященной первоначально славным деяниям первого года его правления. На первом месте поэтому перечислены «саки, которые за морем», т. е. саки-массагеты, победители великого Кира и покоренные Дарием I в пятом году его правления⁶⁷.

За отождествление «саков, которые за морем», с саками, которые пребывали к востоку от Аральского моря, а не со скифами черноморских степей, как предполагали раньше, говорит теперь со всей определенностью и свидетельство знаменитой ныне надписи Ксеркса о дэвах. Этот ценнейший источник для истории религии западного Ирана и державы Ахеменидов подарил нам вместе с тем и новый список тех стран, относительно которых Ксеркс заявлял: «Я над ними владычил, мне подать они приносили. То, что им было мной приказано, это они делали; закон мой ими выполнялся»⁶⁸. Здесь мы находим наряду с саками-амиргийскими и саками-тиграхауда еще одно этническое

⁶³ Я полагаю, что списки стран, приводимые в надписях Дария и Ксеркса в качестве подвластных и приносивших ему подать областей, соответствуют, по существу, списку сатрапий, который мы находим у Геродота, кн. III, гл. 89—96. Их отличия между собой и между списком Геродота обусловлены тем, что они были составлены в разное время. Я посвящу им специальное исследование, учитывающее и выводы статьи Kent R. G. The Lists of Provinces в «Journal of Near Eastern Studies», т. II, (1943), № 4, стр. 302 сл.

⁶⁴ О надписи Дария Сузы см. выше, а также Вейсбах в «Zeitschr. f. Assyriol.», т. 44, стр. 150—160, и его же, там же, т. 46, стр. 72.

⁶⁵ См. Posner G. La première domination perse en Egypte, Каир, 1936, стр. 181.

⁶⁶ Данное обстоятельство чрезвычайно важно для историка. Оно дает возможность установить ряд событий в военной истории правления Дария I, которые оставались до сих пор неизвестными. Об этом наблюдении я буду трактовать в моем исследовании, посвященном вопросу об организации сатрапий первыми Ахеменидами.

⁶⁷ В 1871 г. В. В. Григорьев не мог еще предположить, что последние 7 стран нахширустемской надписи перечислены в хронологической последовательности их покорения. Поэтому он и сделал вывод, что «саки, которые за морем», следующие за ионийцами, являются «черноморскими скифами», а не саками Средней Азии, хотя он и был склонен сомневаться «относительно верности перевода» «сака тыйн-тарадарая» «заморскими саками», т. е. «черноморскими скифами» (у. с., стр. 14).

⁶⁸ К надписи о дэвах см. Струве В. В. Надпись Ксеркса о дэвах и религия персов. Изв. АН СССР, серия ист. и фил., 1944, № 3, стр. 128 сл.

название, которое впервые встречается в персидских надписях, а именно «даха», «даха», «дан» греческих историков. Эти три народа, перечислены вслед за упоминанием Каппадокийской сатрапии в следующем порядке: «даха, саки амиргийские, саки с остроконечными шапками». За ними следуют в списке следующие народы, гесп. страны, завершающие перечисление: «фракийцы, горная страна, ливийцы, карийцы, кушиты». Всего перечислено в списке 30 народов, гесп. стран.

Мы имеем возможность определить вновь введенный Ксерксом этнический термин «даха» и найти ему эквивалент в списке стран, приведенном Дарием в его накширустемской надписи. Дело в том, что названная надпись, составленная в последние годы Дария, послужила образцом для составителя надписи о дэвах. На это указывает и общее построение обеих надписей и почти полная тождественность первых трех разделов и того и другого эпиграфических памятников. Почти тождественными являются списки сатрапий, приведенных в третьем разделе обеих надписей. Они отличаются от прочих списков наибольшей полнотой. Вместо обычного числа в 23—24 сатрапий мы находим в накширустемской надписи перечисление 29 сатрапий, а в надписи о дэвах перечисление 30 сатрапий. Эта лишняя сатрапия, приведенная в надписи Ксеркса, названа «Акауфация», т. е. горная страна, или точнее, «жители горной страны». Их надлежит несомненно локализовать в той горной области, которая примыкала к территории греческих городов побережья Геллеспонта, называвшихся в накширустемской надписи «ионийцами, несущими щиты», а в надписи о дэвах «ионийцами, которые за морем». В область Акауфация входили Пеония и Македония, которые были покорены полководцем Магабазом, оставленным Дарием после похода на черноморских скифов в земле геллеспонтий, чтобы он занялся покорением местностей, враждебных персам⁶⁹. Организация Ксерксом наместничества здесь в Пеонии и в Македонии, в преддверии к странам юга Балканского полуострова, была необходимым мероприятием перед походом в Грецию⁷⁰.

Элиминировав «Акауфация» из списка сатрапий надписи о дэвах, мы получаем те же 29 сатрапий, что и в накширустемском списке. Сопоставляя в списке новой надписи Ксеркса те 28 сатрапий, засвидетельствованные уже в раньше известных персидских надписях, мы находим для каждого из них свои бесспорные соответствия в накширустемском списке. После этого в последнем списке остаются без соответствия «саки, которые за морем», а в надписи о дэвах — «даха». Поскольку все прочие 28 названий сатрапий в обеих надписях соответствуют друг другу, то, следовательно, и 29-я сатрапия надписи о дэвах — «даха» — должна соответствовать области «саков, которые за морем» накширустемской надписи. Таким образом, мы приходим к определенному выводу, что «саки, которые за морем», отнюдь не являются черноморскими скифами, а народом Средней Азии, каковым были «даха»-дан, с которыми они были отождествлены составителем надписи Ксеркса.

Подобный вывод не является неожиданным с исторической точки зрения: ведь трудно было предположить теперь, чтобы черноморские скифы, заведомо не покоренные Дарием, были включены составителем накширустемской надписи в список стран и народов, которые

приносили Дарию дань, выполняли то, что им было сказано, следовали его закону⁷¹. Б. А. Тураев имел еще полное право высказывать предположение о перечислении в списке подвластных Дарию народов и черноморских скифов, поскольку в его время отождествляли «Карка» накширустемского списка с Карфагеном, никогда не видевшим в пределах своей территории персидского войска и не пребывавшим в какой-либо зависимости от державы Дария⁷². Мы же теперь знаем на основании свидетельства большой надписи основоположения дворца Дария в Сузах, что «Карка» совместно с ионийцами доставляли кедр ливанский из Вавилона в Сузы⁷³. Поэтому мы отождествляем «Карка» не с Карфагеном, а с Карией⁷⁴. Следовательно, после изъятия из накширустемского списка упоминания Карфагена, мы получаем перечисление в нем стран и народов, пребывавших в реальной зависимости от персидского царя. В таком случае мы не имеем основания видеть в «саках, которые за морем», черноморских скифов. Они могут быть отождествлены лишь с одним из тех народов, которые действительно пребывали под властью Дария. Таковыми же были саки к востоку от Аральского моря, которые могли быть названы так же, как и европейские скифы, «саками, которые за морем». Так они и назывались в V столбце Бехистунской надписи, если можно согласиться с моим восстановлением соответствующей лакуны. Поскольку они были связаны с морем, рассматриваемым в VI—V вв. как продолжение Каспийского, они назывались иной раз «каспии». Греческие историки называли их также «массагетами», именем, может быть, обозначающим «большие саки», т. е. большая сакская орда⁷⁵. В самом конце царствования Дария или в начале правления Ксеркса саки-массагеты стали называться «даха»-даями, очевидно в результате более хорошего ознакомления с этими племенами, которое заставило выделить их особо среди прочих сакских народов. Аммиан Марцеллин (XXII, 5, 16) указывал на то, что массагеты являлись предками алан. Указание Аммиана Марцеллина нашло свое подтверждение в наблюдении А. А. Фреймана, что имя сакского вождя «Скунха», которое упоминается, как мы выше видели, в V столбце Бехистунской надписи, может быть интерпретировано как имя аланское⁷⁶.

Язык алан-даев вероятно несколько отличался уже тогда от языка прочих сакских племен, хотя наведенные данные отличия не мешали всем этим племенам понимать друг друга. По крайней мере китайские летописи II в. до н. э. утверждают, что народы от Ферганской долины до Парфянского царства в разговорах понимают друг друга, хотя и говорят различными языками⁷⁷. Через два столетия после этого говорил об одноязычности народов западного Ирана и народов Средней Азии (бактрийцев и согдийцев). Страбон⁷⁸. Страбон же указывает на то, что хорезмийцы входили в состав народа саков и массагетов⁷⁹. Поэтому, очевидно, и Хорезм поставлен непосредственно перед саками в

⁷¹ Ср. содержание строк 19—22 накширустемской надписи а.

⁷² Тураев Б. А. История древнего Востока, Огиз, 1935, т. II, 138.

⁷³ См. перевод этой надписи в крестоматии по истории древнего мира, ч. I, вышедшей под моей редакцией в 1935 г., стр. 98.

⁷⁴ Ср. Rosner G., v. c., стр. 188.

⁷⁵ Я пока не настаиваю на этой интерпретации имени массагетов, поскольку существуют и другие толкования данного этнического названия. Для той задачи, которая стоит сейчас передо мной, не имеет значения возведение названия «массагетов» к тому или другому иранскому эквиваленту. К названию «массагетов» я вернусь в специальном исследовании.

⁷⁶ См. вышеуказанное исследование Фреймана А. А. — Плененный враг Дария скиф Скунха.

⁷⁷ Григорьев В. В., у. с., стр. 86.

⁷⁸ Кн. XV, гл. 2, § 8.

⁷⁹ Кн. XI, гл. 8, § 8.

⁶⁹ Геродот, кн. IV, гл. 144. Ср. также кн. V, гл. 12 сл.

⁷⁰ Локализация Акауфация в Когистане по соседству с Белуджистаном, предложенная в свое время (см. Вестн. др. ист., 1940, № 2, стр. 169, пр. 3), невозможна. Не было никакого смысла здесь организовать наместничество. Никаких доходов не мог дать этот край, а плацдармом он также служить не мог. Все помышления Ксеркса были тогда направлены в сторону Греции.

суэцкой иероглифической надписи⁸⁰. Своей одеждой, в особенности своими остроконечными шапками⁸¹, массагеты-«саки, которые за морем» были близки тем сакским племенам, которые входили в состав Мидийской сатрапии и назывались ортокорибантин-тиграхауда в узком смысле этого слова. Остроконечные шапки могли носить и черноморские скифы⁸². Поэтому Геродот (кн. I, гл. 215) мог утверждать, что «по одежде и образу жизни массагеты похожи на скифов».

Отождествление персидскими царскими надписями массагетов-«саков, которые за морем», с даха-даями, установленное путем сопоставления списков сатрапий нахширустемской надписи *a* и новой надписи Ксеркса, засвидетельствовано и для официальных анналов персидского государства Ахеменидов. Вавилонский жрец Мардука Берос, писавший при первых Селевкидах историю своей родины вплоть до смерти Александра Македонского, черпал свои сведения несомненно из клинописных анналов, которые велись при центральном храме Мардука. В эпоху Ахеменидов эти анналы, составляемые вавилонскими жрецами, являлись копиями тех официальных анналов, которые писались по повелению персидских царей. Говоря же о смерти Кира, Берос сообщает, что он нашел себе смерть после девятилетнего царствования «в долине Даас», т. е. даха-даев⁸³. Название даев, приведенное Беросом в связи с рассказом о смерти Кира, конечно, не является поздней интерполяцией, как это можно было предположить еще до открытия надписи о давах⁸⁴. О раннем знакомстве Ирана с этническим термином «даха» свидетельствовало еще до издания новой надписи Ксеркса упоминание «даха» в Авесте, в Яшт 13, 143 сл.; наряду с народами Ирака и смежных стран⁸⁵.

Саки-массагеты-даха-каспии, победившие Кира и побежденные Дарием, населяли, согласно всему вышесказанному, территорию к востоку от Аральского моря. Я полагаю поэтому, что «dгауа», упомянутое в 23-й строке V столбца Бехистунской надписи в неразрушенном тексте его, соответствует названному морю, а не одному из великих потоков Средней Азии, Аму-Дарье или Сыр-Дарье. Данное мое утверждение имеет тем большую силу, что во всех других случаях, когда слово «dгауа» упоминается в известных пока древнеперсидских надписях, оно имеет значение моря⁸⁶. Кроме того в Суэцкой надписи Дария I Нил, поток не менее мощный, нежели Аму-Дарья или Сыр-

⁸⁰ См. Rosner, у. с., стр. 184. Свидетельство суэцких иероглифических стел я использую в моем исследовании, посвященном вопросу об организации сатрапий. В данной моей статье я могу обойтись без их помощи.

⁸¹ Эти шапки они, очевидно, носили не только во время войны, подобно сакам-амиргийцам, но и в мирной обстановке. См. выше.

⁸² Ср. изображения у Minns Ellis H., *Scythians and Greeks*, Кембридж, 1913, на стр. 54 — рис. 8 и на стр. 56 — рис. 9. Ср. также скифа на вазе из Куль-Оба и сакских воинов на персепольском рельефе (Cambridge Anc. History, I том табл. стр. 252 и стр. 316 b).

⁸³ См. Тураев. История древнего Востока, II, стр. 118.

⁸⁴ Правда, Junge (у. с., стр. 71) продолжает и в 1938 г., после издания новой Персепольской надписи Ксеркса, утверждать, что даха в V в. еще не играли никакой роли. Я полагаю, что его концепция исторической этнографии Средней Азии V в. сложилась еще до открытия надписи о давах и поэтому он не мог учесть всего значения свидетельства вновь изданного источника. К вопросу о даха я вернусь в специальном исследовании.

⁸⁵ К интерпретации этого стиха 13 Яшт. см. труд шведского ученого Nylberg H. S.—*Die Religionen des alten Iran*, 1938, стр. 249. Одним из наиболее поздних упоминаний даха-даев, кажется, в списке областей, входивших в состав державы Шапура I, согласно недавно открытым надписям названного царя. См. Sprengling M. *Journ. of Sem. Lang. a. Literatures*, т. 57 (1940), стр. 356.

⁸⁶ См. Бех. надпись, столбец I, стр. 16. Суэцкая надпись, стр. 10 и надпись о давах, стр. 23, и 24. Я не привожу, конечно, «ragadgaуа» в нахширустемском списке («саки, которые за морем»), так как толкование его зависит от интерпретации «dгауа» в пятом столбце Бех. надписи.

Дарья, назван не «dгауа», а «gauta», «река», соответствующее новоперсидскому «rud»⁸⁷. За то, что некоторые из сакских племен пребывали действительно около побережья моря, говорит и то обстоятельство, что, согласно Геродоту (VII, гл. 184), назначались саки на корабли персидского флота в качестве военной охраны.

Не противоречит интерпретации «dгауа» пятого столбца Бехистунской надписи как «морья» и тот факт, что в последующем тексте идет речь, казалось бы, о переправе войска Дария через посредство «pisa», «корабельного моста». Действительно, если можно согласиться с предложенным выше восстановлением данной части текста, пятого столбца Бехистунской надписи, речь идет здесь о переправе через какой-то водный рубеж, но не через «dгауа», «море». «Вместе с войском саков я пошел к стране саков, которые за морем. Эта шапку острой носит. Затем я корабельный мост близко⁸⁸ к морю восстановил на его месте».

Из приведенных слов восстановленного текста надписи можно, кажется, сделать вывод, что Дарий со своим войском дошел до какой-то реки, недалеко от ее впадения в море. Эта река вместе с тем являлась границей той земли саков, на которую шел походом Дарий, т. е. земли «саков, которые за морем» нахширустемского списка, саков, которые пребывали к востоку от Аральского моря. «Pisa» же, «корабельный мост», был возведен не через Аральское море, а лишь через реку, впадающую в него. Этой рекой была, как мы видели (стр. 240 сл.), Аму-Дарья, которая одним из своих рукавов впадала в Гирканийский залив Каспийского моря, а всеми другими своими устьями в Аральское море.

Кир и Дарий, которые стремились своим походом добиться длительного замирения своих воинственных соседей, не могли ограничиться подобно Александру переправой на кожаных мешках. Их войско на той стороне реки могло оказаться отрезанным от всякого снабжения в степях кочевников-массагетов. Александр переправлял значительно выше свое войско через Аму-Дарью в области пребывания оседлого населения, где оно могло найти необходимое продовольствие. Поэтому он мог обойтись без сооружения моста, в противоположность Кире, который должен был обеспечить своему войску, вторгающемуся в степи массагетов, прочную связь с более плодородными областями юга. Подобная связь была Киром создана в виде корабельного моста, сооружение которого нашло свое отражение в традиции Геродота (кн. I, гл. 205): «Кир двинулся с войском к реке Араксу и открыто начал войну против массагетов. Для переправы войска он положил через реку мосты, а на суда поставил башни с переправляющимися воинами».

Я полагаю, что Кир корабли для возведения корабельного моста вел из Каспийского моря по Узбою, по направлению к стране массагетов. Пороги Узбая⁸⁹ могли быть преодолены путем волока. Эти же суда флота везли продовольствие для войска, которое двигалось вдоль берега Узбая, не отрываясь от своей пловучей базы снабжения. Из Узбая персидский флот вошел в основной поток Аму-Дарьи, и недалеко от дельты могучего потока Кир велел соорудить свой корабельный мост.

⁸⁷ Стр. 9 надписи. Поэтому я сильно сомневаюсь в правильности предположения Justi F. (*Grundriss der iranischen Philologie*, II, стр. 445), что древнеперсидское «dгауа» могло бы означать наряду с морем и какой-нибудь мощный поток, подобно Аму-Дарье или Сыр-Дарье.

⁸⁸ Древнеперсидское «asnaiy» может быть сопоставлено с авестийским «asna», «asne» («вблизи») (Harlez. *Manuel de langue de l'Avesta*, стр. 302). Это предполагает Herzfeld (*Altperische Inschriften*, стр. 98). Я не могу понять сомнения Kent R. G. (*Amer. Journ. Or. Society*, т. 55, 1939, стр. 128) в правильности данного сопоставления.

⁸⁹ На данное препятствие для судоходства по Узбою обратил мое внимание проф. М. Э. Массон.

Как известно, мост через Аму-Дарью не спас войско Кира от поражения, а его самого от смерти на поле битвы, и Дарий внес, как мы выше видели (стр. 235 и сл.) весьма существенное дополнение в план похода своего великого предшественника. Вместе с тем Дарий и не мог и не хотел отказаться от сооружения корабельного моста для того, чтобы создать для своего наступающего войска максимально обеспеченный пункт отправления. Он даже не столько «сооружает», сколько «восстанавливает» мост, и примерно там, где его построил Кир: «Я корабельный мост близко к морю восстановил на (его) месте», т. е., очевидно, там, где он был 13 лет тому назад сооружен создателем державы Ахеменидов. Мост стал для войска Дария исходным пунктом для вторжения в степи массагетов: «От этого корабельного моста прошел я страну».

Здесь в стране массагетов Дарию пришлось вести борьбу с двумя группами саков-массагетов. Данный вывод можно, кажется, сделать и из восстановленного текста пятого столбца Бехистунской надписи: «Я саков сильно разбил, одну часть я схватил, другая часть связанной была приведена ко мне». Сражением против одной группы руководил, очевидно, сам Дарий и он «схватил» ее. Другая часть была разбита одним из его полководцев и была плененной приведена к нему. Правда, можно сделать и тот вывод, что Дарий, разбив войско саков-массагетов, часть из оставшихся в живых сам захватил, а другая была пленена одним из его военачальников.

За первое из толкований текста V столбца Бехистунской надписи говорит содержание вышеприведенных «стратегов» Полиэна. В первой рассказывалось, что саки действовали против Дария тремя отрядами. Во второй стратегии Полиэна, посвященной сакской войне Дария, называются три царя-начальника саков: Омарг, Тамир и Сакесфар. О первом из них уже была речь: имя «Омарг» было сопоставлено с именем одного из сакских народов⁹⁰. Что же касается второго имени Тамира, то его нельзя не сопоставить с именем царицы массагетов «Тамирис» рассказа Геродота о походе Кира. Царица Тамирис, победительница в войне 530 г., могла, конечно, руководить своим народом и в 517 г., в год похода Дария. Третье имя «Сакесфар» может быть истолковано как «щитоносец». Царь Сакесфар «щитоносец», очевидно, был вождем тех сакских племен, которые использовали щит как необходимую часть своего вооружения. Дело в том, что мы имеем обстоятельное описание Геродотом (кн. VII, гл. 64) вооружения саков в войске Ксеркса: «Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо; одеты были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи, наконец, секиры, «сагарии». Щиты в этом детальном описании отсутствуют, хотя в других случаях Геродот отмечает наличие щитов в вооружении тех или других племен, входивших в состав войска Ксеркса⁹¹. Некоторые из саков во всяком случае имели щиты в своем вооружении, как, например, саки-тиграхауда, изображенные на одном из персепольских рельефов. Щиты эти настолько кидаются в глаза⁹², что источник Геродота не мог их не отметить, если бы они имелись в наличии в вооружении саков-амиргийцев войска Ксеркса. Поэтому на основании сказанного мы имеем право предположить, что из рассказа Полиэна следует вхождение в войско массагетов отрядов, вооруженных щитами, и отрядов, не использующих щиты в своем вооружении. Они, наверное, рекрутировались из

⁹⁰ См. выше, стр. 237.

⁹¹ В кн. VII, гл. 61 — в вооружении персов. Очевидно щит или плетенка имелся и в вооружении мидян, эламитян и гирканийцев, которые были вооружены, как персы. Щит имели ассирийцы (гл. 63), парфлагоняне (гл. 72), фригийцы, армяне (гл. 73), мидийцы, мисяне (гл. 74), фракийцы (гл. 75) и т. д.

⁹² См. Cambr. Anc. History, I том иллюстраций, стр. 252, рис. b.

различных племен, которые в сражениях с врагом выступали в качестве самостоятельных боевых отрядов.

За то, что войско Дария сражалось с несколькими отрядами саков, говорит также вышеприведенная триумфальная печать Дария. Мы видим на ней одного сака с остроконечной шапкой, которого схватил сам царь, и другого сака, которого ниспроверг на землю лев, представляющий очевидно, персидское войско, того доблестного персидского воина, который, говоря словами Дария, «вдали от Персии сражающегося врага разбил»⁹³.

В восстановленном мной тексте пятого столбца Бехистунской надписи нет указания на казнь плененных саков-массагетов⁹⁴, а текст надписи переходит к описанию участи вождя саков Скунхи: «и и[х] первого, наи[боль]шего из них], С[кун]ха по имени, и т. д.». Правда, можно восстановить, как я допускаю, и «[их] я пощадил». Я только никак не могу согласиться с восстановлением, предложенным некоторыми исследователями, — «и их я убил»⁹⁵. Смерти плененных саков-массагетов Дарий предать не мог с точки зрения тех норм поведения по отношению к подвластным ему людям, которые установил он сам для себя и своих преемников. В IV столбце Бехистунской надписи Дарий в целях безопасности своей державы высказывает положение, что тот человек заслуживает сурового, беспощадного наказания, который является «лжецом»: «Говорит Дарий царь: ты, который царем впоследствии будешь, от «dgauga» (лжи) очень остерегайся! Мужа, который лжец есть, того строго наказанным карай, если так ты подумаешь: страна моя оберегаемой должна быть»⁹⁶.

Саков же, которых Дарий разбил в пятом году своего правления, он не назвал «лжецами», ибо «лжецами» являлись те, которые становились «arika», «враждебными», в тех странах, которые уже входили в состав персидской державы. Это были те 23 страны, которые Дарий перечислил в начале Бехистунской надписи и о которых он заявлял: «Эти страны, которые перешли под мою власть, согласно воле Ахурамазды моими рабами они стали, мне подать они принесли. Что им мной было сказано, будь это ночью, будь это днем, то они делали»⁹⁷. Приверженцем «dgauga», «лжецом» становился всякий «враждебный» Дарию в странах, которые были его «рабами», потому, что он преступал волю Ахурамазды, бога правды, который Дарию «эту державу передал»⁹⁸ и ему «приносил помощь, пока он не овладел этой державой»⁹⁹. Будучи «лжецом», «враждебный» Дарию являлся «мятежным» по отношению и к Дарию и к богу его Ахурамазде.

Саки-массагеты не были названы Дарием «мятежниками», подобно всем противникам первого года его правления и подобно эламтянам, снова восставшим против него в пятом году, когда Дарий решил разбить народ, победивший великого Кира. Поэтому их и не могла ждать беспощадная кара, грозившая всем «враждебным» царю «лжецам» и «мятежникам». Следовательно, предложенное мною восстановление данных строк пятого столбца Бехистунской надписи по существу не может вызвать сомнения. Оно находит свое подтверждение и в следующем, лучшие сохранившемся контексте надписи, в котором говорится об участи вождя саков Скунхи: «и[х] первого, наи[боль]шего из них] С[кун]ха по имени, его они захва[тили] и при[вели] [ко мне]. Там другого наи[боль]шим сд[елал] я, к[ак моя] воля была. Затем страна мо[ей]

⁹³ Накширустемская надпись а, строки 46—47.

⁹⁴ См. сказанное мною в прим. 17.

⁹⁵ Ср. сказанное в прим. 17.

⁹⁶ Бех. надпись, столбец IV, стр. 36—40.

⁹⁷ Бех. надпись, столбец I, стр. 18—20.

⁹⁸ Там же, столбец I, стр. 25.

⁹⁹ Там же, столбец I, стр. 25—26.

стала». Данный текст, как мы видим, настолько хорошо сохранился, что можно с большой долей уверенности утверждать отсутствие в тексте указания на предание Скунхи смерти. Наказание же вождей врагов Дария должно было быть более суровым, нежели наказание их рядовых воинов. В особенности жестоким было наказание тех руководителей враждебных Дарию армий, которые подстрекали страны к восстанию, которые своей «ложью» делали народ той или другой страны «мятежным». Нельзя без ужаса читать о свирепой каре, постигшей мидийца Фравартиша, который народу «лгал», заявляя, что он Хшатрита, из рода Кнаксара¹⁰⁰. Он был предварительно изувечен, в таком виде выставлен напоказ народу и лишь затем посажен на кол¹⁰¹.

Смертная казнь налагалась и на тех вождей мятежных народов, которые не подстрекали свой народ к восстанию, а были сделаны «наибольшими» самими мятежниками. Одним из таких «наибольших» был Фрада, вождь мятежных маргианцев. В Бехистунской надписи, ст. III, стр. 11—12, мы читаем: «Страна по имени Маргуш, она мне мятежной стала. Мужа по имени Фрада, маргианца, его сделали они наибольшим». Несмотря на это, в дальнейшем тексте Бехистунской надписи Дарий обвинял Фраду во «лжи». Так в ст. IV, стр. 23—26, мы читаем: «Фрада, по имени, маргианец, он лгал, так говоря: я царь есмь в Маргиане, он Маргиану мятежной сделал». Также и в малой Бехистунской надписи он объявляется «лжецом»: «Этот Фрада лгал, так говоря: я царь есмь в Маргиане». Он наверное был казнен¹⁰², подобно маманте¹⁰³, вождю Элама, ставшего мятежным в пятом году правления Дария. Подобно маргианцу Фрада, эламитянин [-] маманта не призывал свою страну к восстанию: «Уваджа (Элам) по имени страна, она мятежной стала. Мужа [-] маманта по имени, уваджийца, его наибольшим они сделали»¹⁰⁴. Хотя таким образом [-] маманта и не несет ответственности за восстание в Эламе, но Дарий его все же казнил. Полководец Дария Гобрий нанес тяжелое поражение мятежным эламитянам и «их наибольшего он взял в плен, привел его ко мне и я его убил»¹⁰⁵. Несомненно и вождь эламитян «лгал», согласно закону Дария, подобно тому, как «лгал» и Фрада, которого выбрали восставшие маргианцы своим вождем. Они «лгали» потому что, будучи «рабами» царя Дария, восстали против него.

Скунха же, наибольший среди саков-массагетов, не входивших в состав державы Дария, был только «сражающимся»¹⁰⁶ с Дарием, но не мужем «враждебным» и не «лжецом» и «мятежником». Поэтому Дарий и не говорит в надписи над изображением Скунхи, что последний «лгал» (adugciya), подобно Фраде и прочим мятежникам. В указанной надписи мы читаем лишь следующие слова: «Это Скунха сак»¹⁰⁷. Этими словами Дарий как бы брал на себя обязательство

¹⁰⁰ См. там же, столбец II, стр. 14 сл., столбец IV, стр. 18—20.

¹⁰¹ Там же, столбец II, стр. 73—76. Последний перевод этих строк надписи см. König F. W. Relief und Inschrift des Königs Dareios I am Felsen von Bagistan, Leyden, 1938, стр. 46.

¹⁰² Фрада попал в руки Дария лишь значительно позднее поражения, нанесенного маргианцам сатрапом Бактрии. Дело в том, что в рельефе, изображающем вождей мятежников перед Дарием, Фрада поставлен на восьмое место, а не на шестое, как следовало бы, согласно тексту большой Бехистунской надписи. Рельеф был завершен позднее надписи и представил вождей мятежников в том порядке, в котором они были казнены. См. König, у. с., стр. 13.

¹⁰³ Первый клинописный знак имени вождя эламитян разрушен. Чтение, предложенное König'ом (у. с., стр. 78) — «Атамета», не является приемлемым, поскольку оно не считается с знаком «ма», засвидетельствованным чтением Кинга и Томпсона, в 1907 г.

¹⁰⁴ Бех. надпись, столбец V, стр. 4—6.

¹⁰⁵ Там же, стр. 12—13.

¹⁰⁶ Накширустемская надпись а, стр. 47.

¹⁰⁷ Маленькая Бех. надпись К.

щадить Скунху, подобно тому, как и Кир пощадил побежденного Креза, главу самостоятельного государства, не входившего раньше в состав персидской державы. Поскольку Скунха не подлежал смертной казни, то он на рельефе Бехистунской скалы был изображен с высокой остроконечной шапкой на голове, в противоположность прочим противникам Дария, которые все стоят перед своим победителем с непокрытыми головами¹⁰⁸. Скунха был наказан лишь тем, что Дарий поставил вместо него другого знатного сака «наибольшим», а сам Скунха со всем своим родом был наверное переселен в какую-нибудь область западного Ирана¹⁰⁹.

Так окончился, согласно официальной версии, в 517 г. поход Дария против саков-массагетов, нанесших в 530 г. сокрушительное поражение Киру, творцу персидского государства. Поражение Кира имело, несомненно, очень тяжелые последствия для держав Ахеменидов. Воинственные племена саков-массагетов являлись постоянной угрозой для соседних с ними земледельческих областей персидского государства. Яркой иллюстрацией опасностей, которые таили в себе степи массагетов, может служить рассказ Арриана о последнем походе Спитамена, героического защитника свободы народов Средней Азии в войне с Александром Македонским¹¹⁰. Спитамен решил вторгнуться в Согдиану и дать здесь сражение македонскому войску, которому Александр приказал зимовать в Согдиане для защиты страны от набегов Спитамена. «Придя к Багам, согдианскому укреплению, лежавшему на границе между Согдианой и Массagetской Скифией, он (Спитамен) со своими сторонниками без труда подговорил около 3000 скифских всадников сделать вместе с ним набег на Согдиану. Эти скифы живут в большой бедности, и так как не имеют ни городов, ни определенных жилищ, чтобы бояться за самое дорогое для них, то их легко было подговорить к тому или другому походу»¹¹¹.

После поражения и гибели Кира воинственные массагеты могли решаться еще более легко на тот или другой поход на земледельческие оазисы в пределах державы Ахеменидов. Поэтому Дарий должен был по возможности в кратчайший срок предпринять свой поход против массагетов, чтобы восстановить в их степях снова славу персидского оружия. В придворных кругах Дария создается в связи с приготовлениями к походу в область «саков, которые за морем» легенда о том, что Кир погиб в войне с кочевниками потому, что Ахурамазда решил передать персидское царство Дарию, подобно тому, как в свое время Ахурамазда исторг царскую власть у Астиага в пользу Кира. Эта ле-

¹⁰⁸ Данное наблюдение сделал Вейсбах (Zeitschr. für Assyriol., т. 46 (1940), стр. 72), который также подчеркивает, что Скунха не был казнен, поскольку он не был подданным Дария. В противоположность всему тому, что мной было выше сказано о том, что Скунха был вождем самостоятельного народа, Junge (у. с., стр. 66) утверждает, что он был «мятежником», поскольку он изображен на Бехистунском рельефе с другими мятежниками. Подобный аргумент не имеет силы, поскольку трудно было изобразить Скунху на самостоятельном рельефе. Если же Junge указывал на то, что Дарий не называл его потому «лжецом», что он не был царем среди саков, то ведь надо принять во внимание, что и Фраду маргианцы выбрали не царем, а своим «наибольшим». Если же в дальнейшем он назван «царем» в Маргиане, то этим самым составитель надписи хотел подчеркнуть, что Фрада, будучи «рабом» Дария, осмелился сделаться главой мятежной Маргианы, отложившейся от персидской державы.

¹⁰⁹ Ср. участь плененных эретриян, поселенных Дарием в Эламе, на расстоянии 210 стадий от Суз, где они еще во время Геродота сохранили свой родной язык (Геродот, кн. VI, гл. 119).

¹¹⁰ См. прекрасное описание борьбы Спитамена с войсками Александра Македонского в I томе «Истории народов Узбекистана», в части, посвященной древней истории (автор К. В. Тревер).

¹¹¹ Арриан. Анабасис, кн. IV, гл. 17. Я цитирую текст по переводу Н. Коренькова.

генда, объясняющая поражение Кира не мощью противника, а волей Ахурамазды, нашла свое отражение в рассказе Геродота о сновидении Кира во время похода на массагетов. Когда войско его перешло Аракс и вступило на землю массагетов, Киру снилось, что он видит Дария с крыльями на плечах, осенявшего одним крылом Азию, а другим Европу¹¹². Кир, подобно Астиагу, видевшему аналогичный вещий сон, решил погубить того, кому сновидение предвещало грядущее величие. Он требует от Гистаспа, отца Дария, чтобы тот представил сына на суд к тому времени, когда он, Кир, возвратится домой из похода на массагетов. Кир ставил такое требование «в том предположении, что Дарий злоумышляет на него; между тем божество давало ему заранее знать, что он сам умрет здесь в земле массагетов и что царство его перейдет к Дарию»¹¹³.

Подлинная легенда о вещем сне Кира заканчивалась наверное предсказанием о сокрушительной победе Дария над массагетами, смыслом которой позор поражения персидского войска в 530 г. Официальная традиция о походе Дария на саков в 517 г., увековеченная в V столбце Бехистунской надписи и на триумфальной печати, должна была подтвердить истинность предсказания легенды о грядущем величии Дария. Беспристрастный историк, конечно, вправе усомниться в абсолютной достоверности официального изложения событий похода царя Дария в пятый год его правления. Традиция о том, что поход Дария в степи массагетов был далеко не столь благополучным, как это представляла официальная версия, сохранилась, как мы выше видели, в героическом эпосе саков-массагетов. Во второй из стратегем Полиэна, восхитивших в конечном итоге к сакскому эпосу, повествуется о том, что войско Дария с трудом избегло гибели в безводных степях массагетов. Весьма вероятно, что именно неудача и заставила Дария воздержаться от суровой расправы и довольствоваться заменой Скунхи, руководителя войны с персами, другим знатным саким в качестве «наибольшего», т. е. вождя.

¹¹² Геродот, кн. I, гл. 209. К образу Дария с крыльями на плечах см. известный рельеф в Мургабе-Пасаргадах, изображающий Кира с крыльями, вырастающими из его плеч. Несомненно рельеф Кира повлиял на оформление образа Дария в легенде о сновидении Кира в степях массагетов.

¹¹³ Геродот, кн. I, гл. 210. Эта традиция, враждебная Киру, окончательно победила при дворе Ахеменидов в годы пребывания там Ктесия.

В. М. ЛАВРОВСКИЙ

К ИСТОРИИ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛИНКОНШИРСКОМ МАНОРЕ БАРРОУ XVI—XVIII ВЕКОВ

Изучение одного-двух маноров на протяжении двух-трех столетий не раз давало исследователям возможность проследить ряд важных перемен, происходивших в поземельных отношениях и представляющих большой интерес не только под углом зрения данного конкретного случая аграрного развития, но и значительно более общего характера. В этом нас убеждает и анализ поземельных отношений XVI—XVIII вв. в линконширском маноре Барроу (Barrow upon Humber, Lincolnshire), позволяющий проследить важнейшие изменения, которые происходили в экономике этого манора, начиная с первых лет царствования Елизаветы Тюдор — в период революции 40-х гг. XVII в. и следующие полтора столетия — вплоть до ликвидации в Барроу общинных полей согласно приговору об огораживании, который был составлен парламентскими комиссарами в 1797—1798 гг. и зарегистрирован в Суде Королевской Скамьи в 1803 г. — на 43-й год царствования Георга III. Источники по истории манора Барроу в XVI—XVIII вв. подобраны в Лондонском государственном архиве А. Н. Савиным в его последнюю поездку в Англию (декабрь 1922 и январь 1923 гг.). Они и положены в основу моего этюда о маноре Барроу.

I. Манор Барроу в 60-х гг. XVI — первые десятилетия XVII века

Судебные свитки (court rolls) 5 и 7 года Елизаветы, относящиеся к Королевскому манору Барроу, содержат распоряжение лорда казначея от 8 мая 1563 г. об участии держателей королевы в расходах по содержанию в порядке и исправности трех дамб и других сооружений, охранявших приход от разливов р. Гамбер (Humber). Королева истратила на постройку этих дамб свыше 450 ф. ст. и соглашалась затратить еще 200 фунтов. Но впредь сами держатели должны были за свой счет поддерживать и чинить дамбы, внося ежегодно установленные комиссарами суммы. О состоянии дамб надлежало ежегодно доносить лорду казначею.

Этот документ проливает яркий свет на порядки, господствовавшие в королевском маноре, и на взаимоотношения между королевой — как лордом манора, ее казначейством (Lord treasurer chauncellor and undertreasurer of the Exchequer) и держателями, участвовавшими в расходах по ремонту необходимых водных сооружений (waterworks, jetties or peers), причем предусматривалась возможность участия в этих расходах как копигольдеров манора, так и лизгольдеров. Однако в другом документе, содержащемся в тех же судебных свитках — в списке держателей манора Барроу, явившихся на заседание манориальной курии 19 июня 1565 г., фигурируют одни лишь копигольдеры, они же несут

и расходы по ремонту водных сооружений. Других указаний на наличие лизгольдеров в числе держателей земли в маноре Барроу, — кроме упоминания их в распоряжении лорда казначея от 5 мая 1563 г. — не имеется.

Посмотрим, кто же входит в число «tenentes per soriam curiae secundum consuetudinem manerii» — «держателей по копии согласно обычаю манора» — списка 1565 г. Всего в этом списке насчитывается 154 копигольдера, которые держали 19 усадеб (messuagia), 25 коттеджей (cottagia), 31 огород (gardina), 18 огороженных участков (clausurae), 9 крофт (crofta), 16 тофт (tofta), и еще три других участка земли и луга (orea, selionem, le Dale prati). Общая площадь пахотной и пастбищной земли, находившейся, очевидно, в общинном владении, лежавшей в общинных полях или общинных лугах, определяется так: 41¼ боваты пахотной и пастбищной земли (41¼ bovatae terre et prati), 192 акра 3 пертики (perticata) — очевидно — пахотной земли и 32½ акра луга. Мы видим, насколько пестра эта номенклатура различных земель — пахоты, лугов, усадеб, коттеджей, огородов и т. д., и даже в отношении исчисления площади земли отсутствует единообразие, и наряду со старинными боватами фигурируют акры и их части. Что касается сроков держания по копии, имеется в виду копигольд на три жизни, на две жизни и на одну жизнь. В первом случае в списке копигольдеров упоминаются трое держателей, например, Willelmus Teunbye, Elizabeth uxore eius, Anna filia sua — муж, жена и дочь. Иногда, по видимому, это и не члены одной семьи. Например, Thomas Tylton и Ricus Takil, сын Johann's Taikle — недавно умершего. Они держат на две жизни (for 2 lives). Наконец, иногда держание дается лишь на одну жизнь. Например, Antonius Gagge, сын Petri Gagge держит 1 коттедж и огород, к нему относящийся — на одну жизнь (for his life only). В списке копигольдеров 1565 г. указывается общая сумма ренты, которую платят держатели всех перечисленных земель; 51 ф. ст. 4 шилл. 6 пенсов. Эту цифру мы запомним, потому что, как покажет дальнейший анализ источников, более поздних по времени, она обнаруживает большую устойчивость, почти неизменность — в отличие от арендной платы, от ренты за лизгольд, которая, появившись в определенный момент в описях манора Барроу, быстро растет.

В списке копигольдеров 1565 г. указания на арендную плату лизгольдеров еще отсутствуют. Здесь есть указания на другие обычные платежи и повинности, которые несли копигольдеры манора Барроу: они были обязаны участвовать в манориальной курии, нести обычные работы и службы (cum secta curia ac aliis operibus customariis et servitiis), приносили присягу верности (fecerunt fidelitatem), платили в установленных случаях «fine» и участвовали, как было указано, в расходах по ремонту и содержанию в исправности дамб и других «water-works», защищавших территорию манора от разливов р. Гамбер.

Такова картина «традиционных поземельных отношений», основанных на манориальном обычае, которые господствовали в Барроу в 60-х гг. XVI в. Однако эти «традиционные отношения» — отнюдь не означали, что господствовало единообразие в распределении земли, т. е. — держаний по копии: наоборот, наблюдается ярко выраженное расслоение копигольдеров на четыре, весьма разнородные по своему значению и характеру, группы держателей земли. Мы видели, что держателей по копии в Барроу — свыше полутораста (154 копигольдера). Число держаний по копии — на одну, две и три жизни — гораздо меньше — их всего шестьдесят. Как распределена входившая в состав этих 60 держаний площадь земли между различными группами держателей? В первую группу (I) — держания от 50 до 100 акр. и выше — входят

13 держаний на 38 жизней (обычно мужу, жене и одному из детей; часто — вдове и двум детям, и т. д.). Держатели этой, сравнительно немногочисленной, группы сосредоточили в своих руках почти 9/10 общей площади крестьянского землевладения (копигольда) — 86,1%, хотя уплачивают они лишь 63,5% общей суммы ренты, вносившейся держателями по копии. Вторая группа (II) — держания свыше 25 до 50 акр. — 11,9% общей площади копигольда, 11,5% копигольдерской ренты. Третья группа (III) — держания свыше 3 до 25 акр. — 1,3% площади копигольда, 1,9% ренты. Ко II и III группам относятся всего лишь 5 держаний на 14 жизней. Наконец, четвертая группа (IV) — 42 держания на 110 жизней. Держатели этой группы — от 3 акр. и ниже — сохранили в своих руках всего лишь 0,7% площади крестьянского землевладения и, тем не менее, уплачивали 23,1% копигольдерской ренты. Поражает это несоответствие ренты и площади копигольда в IV группе, особенно — при сравнении с I группой — 86,1% площади и 63,5% ренты! Крупные копигольдеры платят непропорционально мало, самые мелкие — чрезвычайно переобременены рентами и переплачивают за свои, крайне мелкие клочки земли. Картина расслоения копигольдеров окажется еще более ярко выраженной, если мы суммируем I и II группы — крупные и средние по размерам землевладения (фактически — не менее 40 акр.) копигольдеры — 98% общей площади копигольда, противопоставив их III и IV группам (максимально, в виде исключения — 5—10 акр., обычно же — это коттеджеры) — всего лишь 2% общей площади копигольда и, тем не менее, 25% копигольдерской ренты! Еще одно, очень существенное, наблюдение: почти все эти копигольдеры — крестьяне. Лишь один — духовный, Johannes Cooke, clericus, и один — дворянин, Edw. Tugwhit, armiger — с сыном — упомянутые в качестве держателей коттеджа и т. д. по копии на две жизни — вслед за упомянутым Johannes Cooke.

Итак, проникновение в ряды крестьян-держателей по копии — копигольдеров некрестьянского происхождения, дворян и духовных — лишь началось. Однако само крестьянство в 60-х гг. XVI в. весьма дифференцировано; оно расслоилось на две, весьма разнородные группы: сравнительно немногочисленных средних и крупных копигольдеров и многочисленных коттеджеров, деревенскую бедноту.

Следующий источник — список копигольдеров манора Барроу — относится к 1580 г. В конце описи держаний и рент, составленной в 1580 г., имеется весьма любопытная приписка, характеризующая положение копигольдеров и их отношения с администрацией королевского манора. Держатели, как мы знаем, были обязаны участвовать в ремонте водных сооружений, защищавших приход от разливов р. Гамбер (распоряжение лорда казначея 8 мая 1563 г.). В 1580 г. держатели просят сообщить королеве, что дамбы пришли в упадок. Для восстановления их необходима сумма в 300 ф. ст., которые, очевидно, должна была внести королева. Что касается держателей, то они заявляют, что в связи с задержкой сдачи земли по копии — никто не соглашается вносить причитающиеся с держателей суммы на ремонт водных сооружений — ввиду неопределенности и ненадежности держаний по копии! Составители описи — Will. Pelham и Anthony Smith — подтверждают справедливость и основательность этих жалоб держателей! В чем же дело? Сумма ренты, вносившейся копигольдерами, в 1565 г. составляла £ 51.4.6. Между тем как в описи 1580 г. рента с усадеб, коттеджей, огородов, других участков земли, давно огороженной, и 1123 акров 2 руд пахотной и пастбищной земли (данные уже в акрах, а не в боватах и акрах) определена в £ 144.4.10. Это, очевидно, «улучшенная рента» (rent to be improved), — «рента мечта» администраторов манора как ее определяет А. Н. Савин! — По видимому, в связи

с попытками увеличить обычную ренту чуть ли не в три раза и нежеланием держателей платить таковую и происходили эти задержки в сдаче земли по копии, которые вызвали отказ вносить суммы на ремонт водных сооружений со стороны держателей и их жалобы на неопределенность и ненадежность держаний. А результатом было то, что дамбы и другие водные сооружения, в сохранении которых были заинтересованы и королева, и держатели, — приходили в упадок и разорение.

Не только субъективные жалобы, но и объективный факт смены держателей по копии, текучесть их состава — иллюстрируют неопределенность и ненадежность обычных держаний в маноре Барроу в 60—70-х гг. XVI в. Сравнение описи 1580 г. со списком копигольдеров 1565 г. убеждает нас в том, что за эти пятнадцать лет произошла радикальная смена держателей: лишь 11 копигольдерных фамилий списка 1565 г. встречаются вновь в описи 1580 г. Остальные отсутствуют. Зато целый ряд новых фамилий появляется впервые в списке 1580 г. в качестве держателей по копии. Это наблюдение представляет большой интерес.

Неизменность общего числа держаний по копии (60 держаний) в маноре Барроу и смена, текучесть состава самих копигольдеров, наличие лишь небольшой сравнительно группы крестьянских фамилий, которые упоминаются в обеих — и последующих — описях — факт, заслуживающий быть отмеченным особо и идущий в разрез с представлением об устойчивости крестьянского копигольда — даже в королевском маноре!

Каково соотношение между I—IV группами копигольдеров и высотой их ренты — по описи 1580 г.? I группа (50—100 акр. и выше) — 79,5% площади копигольда — при 56,3% копигольдерской ренты — вместо 86,1% той же площади и 63,5% ренты по списку 1565 г. Значение этой группы, таким образом, несколько уменьшилось за 15 лет. Наоборот, II и III группы, вместе взятые, усилились: с 13,2% до 19,6% площади копигольда; с 13,4% до 21,5% копигольдерской ренты — за тот же период. Наконец, несоответствие между площадью и рентой IV группы выражено менее ярко: 0,9% площади копигольда при 22,2% ренты в 1580 г. — вместо 0,7% площади и 23,1% ренты — в 1565 г. И все же перемены в соотношении всех четырех групп за период с 1565 г. до 1580 г. не могут быть названы значительными, хотя расслоение держателей манора на две основные, противоположные по своему значению группы — крупных и средних копигольдеров (I и II группа) и мелких копигольдеров и держателей коттеджей (III и IV группа) — меньше в 1580 г.: 95,5% и 4,5% площади копигольда при 70,9% и 29,1% копигольдерской ренты — по сравнению с 1565 г. (98% и 2% площади копигольда, 75% и 25% копигольдерской ренты). Итак, неизменность общего числа держаний по копии и незначительные изменения в соотношении I—IV группы держателей — при быстрой смене самих копигольдеров, исчезновение большинства старых копигольдерских фамилий и появление ряда новых, неизвестных списку 1565 г. фамилий копигольдеров — вот характерные черты перемен и старого, устойчивого — которые бросаются в глаза при сопоставлении списка копигольдеров 1565 г. и описи 1580 г. Еще одна, существенная деталь: в описи 1580 г. появляются двое, не упоминавшихся ранее дворян — копигольдеров манора Барроу: John Broxholme, Esq., который держит по копии огороженный участок (close) и 30 акр. земли за ренту в 5 ф. ст., и John Dalton, Gent., который держит усадьбу, коттедж и оксгангов, т. е. около 100 акр. земли за 8 ф. ст. 17 шилл. Напомним, что в списке 1565 г. упоминается лишь один дворянин — копигольдер, снимавший коттедж за 4 шилл.

Перейдем, наконец, к описи 1633 г., отразившей поземельные отношения предреволюционного периода — в Барроу 30-х гг. XVII в. Опись была составлена Джоном Hynd, Gent. — по предписанию сэра Th. Hutton, Knight — Surveyor General королевы Генриетты Марии, которая владела в Линконшире рядом маноров, в том числе и Барроу. Опись (Survey) 1633 г. позволяет, прежде всего, констатировать следующий, весьма важный, факт: развитие капиталистической аренды и резко выраженное стремление к повышению ренты. В описях 1565 и 1580 гг. фигурируют лишь копигольдеры. В описи 1633 г. лизгольдеры не только налицо, но и поставлены на первое место среди держателей манора, и не случайно, а по тому значению, которое они стали занимать в экономике манора. Вспомним, что в 1565 г. рента копигольдеров составляла всего £ 51.4.6. «Улучшенная рента» 1580 г. была исчислена в £ 144.4.10, а в 1633 г. ее размеры определены в £ 593.5.0! — наряду с этой цифрой в описи 1633 г. фигурирует и «старая рента» (old rent) — £ 113.14.9. Тенденция к росту ренты весьма ярко выражена, хотя вопросы о реальной ренте и «ренте мечте», о «старой» копигольдерской ренте 1565 г. и 1633 г. и о соотношении ренты копигольдеров и лизгольдеров — требуют дальнейшего анализа. В описи 1633 г. упоминаются 7 лизгольдеров. Численно это небольшая группа — семь человек из общего числа 62 держателей. Однако на их долю приходится почти половина всей ренты, уплачиваемой держателями: £ 55.2.4 old rent, т. е. около 48%, и £ 272.7.6, т. е. почти 46% общей суммы «улучшенной ренты». Изучая опись 1580 г., мы отметили проникновение в ряды копигольдеров двух дворян: John Broxholme, Esq. и John Dalton, Gent. John Broxholme, Esq. — повидимому, сын того, который упомянут в описи 1580 г., фигурирует и в описи 1633 г. — уже в качестве арендатора. В описи 1580 г. John Broxholme, Esq. держит по копии огороженный участок и 30 акр. земли за ренту в 5 ф. ст. Согласно описи 1633 г., John Broxholme, Esq. снимает в аренду на 21 год усадьбу, 3 коттеджа, амбары, три огороженных участка пахотной земли размерами в 10 акр. и 90 акр. пахотной земли в общинных полях и общинного луга. Сверх того, он держит еще 3 акра земли по копии, на одну жизнь. В описи 1633 г. имеются указания, что lease, которую держит John Broxholme, Esq., была дана (granted) первоначально на имя J. Giffard, Esq. на шестнадцатом году царствования Якова I. Вот момент ее возникновения. Теперь она в руках J. Broxholme, Esq., срок ее еще не истек. Другой дворянин — арендатор, упоминающийся в описи 1633 г. — это Henry Sandwith, Gent. Это имя, только без титула Gentleman, упоминается и в описи 1580 г. — в числе копигольдеров, — возможно, что это тоже — отец и сын. Согласно описи 1633 г., Henry Sandwith, Gent. держит аренду, пожалованную на 22 году царствования Якова I, сроком на 21 год. Повидимому, первоначально эту аренду получил сэр John Farrer, затем передавший ее упомянутому джентльмену. Что представляет собою арендуемая этим джентльменом земля? — Это луг, под названием Sumercrofts, размером в 35 акров. Старая рента с него £ 1.3.4, улучшенная — 10 ф. ст. Тот же Henry Sandwith, Gent. — вместе с двумя сыновьями — Henry и John — держал по копии на три жизни участок огороженной земли размерами в 4 акра, за old rent — 8 шилл.; улучшенная рента — 3 ф. ст.

Старое и новое, копигольд и аренда земли, общинные поля, луга — и участки земли, давно огороженной, — переплетены в этих поземельных отношениях предреволюционных 30-х гг. XVII в. Вот еще один яркий пример такого переплетения. В описи 1633 г. упоминается в числе арендаторов некий Roger Manners. Он держит lease, данную на четвертом году царствования Якова I на 40 лет. Состав ее следующий. Манор Westcote, parsonage, амбар, 3 closes — общими размерами в

12 акр., 412 акр. пахотной земли, десятина с пшеницы и овса и 30 акр. общинного луга. В общей сложности это 454 акра земли. Old rent определена со всех этих участков, построек и десятины в £ 43.2.4. Улучшенная рента — £ 185.13.4. Roger Manners — это уже арендатор крупный, капиталистического типа по размерам арендуемой площади. Остальные лизгольдеры снимают участки от 15 акр. до 50—100 акр., не превышающие по своим размерам участков копигольдеров III, II и I групп.

Соотношение между I—IV группами копигольдеров и относительными размерами их ренты — «старой» и «улучшенной» — по описи 1633 г. может быть выражено в виде такой таблицы:

	% площади	% old rent	% impro- ved rent
I группа	83,0	71,2	68,2
II »	11,8	10,2	12,1
III »	2,5	3,4	5,0
IV »	2,7	15,2	14,7

Соотношение между аналогичными группами держателей — как копигольдеров, так и лизгольдеров, выражается в следующей таблице, констатирующей некоторое увеличение значения II группы при ослаблении всех остальных.

	% площади	% old rent	% impro- ved rent
I группа	86,6	83,3	80,3
II »	9,5	7,0	8,8
III »	2,3	1,8	3,0
IV »	1,7	7,9	7,9

Наконец, чтобы суммировать результаты всего предшествующего анализа, мы даем сводную таблицу (стр. 257) соотношения I—IV групп по трем описям — 1565 г., 1580 г. и 1633 г.

Какие выводы намечаются из последней таблицы, суммирующей результаты предшествующего анализа? 1. Расслоение между I—II (крупное и среднее крестьянство и лизгольдеры описи 1633 г.) и III—IV (мелкие и наименее обеспеченные земли держатели) группами несколько уменьшается: 98,0% и 2,0% — в 1565 г.; 95,5% и 4,5% в 1580 г.; 94,8% и 5,2% — если иметь в виду лишь копигольдеров, 96,0 и 4,0% — копигольдеров и лизгольдеров описи 1633 г. Итак, некоторая тенденция к уменьшению расслоения крестьян — копигольдеров, ослабляемая появлением в описи 1633 г. лизгольдеров. 2. Что касается ренты, то, резко выраженное несоответствие между площадью землевладения и старой рентой I—II и III—IV групп: 98,0% площади при 75,0% ренты I—II группы — при 2,0% площади и 25,0% ренты III—IV группы — несколько уменьшается к 1580 г. По описи 1580 г. I—II группы — 95,5% площади при 70,9% ренты; III—IV группы — 4,5% площа-

	Список копиголь- де от 1565 г.		Опись 1580 г.		Опись 1633 г.					
	% копиголь- да	% старой ренты	% копиголь- да	% улучшен- ной ренты	% копиголь- да	% старой ренты	% улучшен- ной ренты	% копиголь- да и лизголь- да	% старой ренты	% улучшен- ной ренты
I группа (50—100 акр. и более)	86,1	63,5	79,5	56,3	83,0	71,2	68,2	86,5	83,3	80,3
II группа (25—50 акр.)	11,9	11,5	16,0	14,6	11,8	10,2	12,1	9,5	7,0	8,8
III группа (свыше 3 до 25 акр.)	1,3	1,9	3,6	6,9	2,1	3,4	5,0	2,3	1,8	3,0
IV группа (от 3 акр. и ни- же)	0,7	23,1	0,9	22,2	2,7	15,2	14,7	1,7	7,9	7,9
I и II группы, вместе взя- тые	98,0	75,0	95,5	70,9	94,8	81,4	80,3	96,0	90,3	89,1
III и IV группы, вместе взя- тые	2,0	25,0	4,5	29,1	5,2	18,6	19,7	4,0	9,7	10,9

ди при 29,1% ренты. Но основной факт. остается налицо и в описи 1580 г.: крупные и средние копигольдеры платили непропорционально мало в форме «улучшенной» ренты, мелкие и наименее обеспеченные земли держатели сильно переплачивали, были переобременены рентами — по сравнению с средним и крупным крестьянством. К 1633 г. указанное несоответствие выравнивается весьма значительно, особенно если учесть размеры площади и высоту ренты как копигольдерских держаний, так и арендуемой на правах лизгольдера земли: I—II группы, при 94,8—96,0% площади, вносят 81,4—90,3% «старой», 80,3—89,1% «улучшенной» ренты; II—III группы, при 5,2—4,0% площади, вносят 18,6—9,7% «старой» и 19,7—10,9% «улучшенной» ренты.

Еще одно существенное наблюдение можно сделать на основании сравнительного изучения описей 1565, 1580 и 1633 г. Сравнение первых двух описей обнаруживает крайнюю текучесть состава держателей по копии, сохранение лишь небольшой группы одиннадцати копигольдерских фамилий в обоих списках 1565 и 1580 г. Все эти одиннадцать фамилий встречаются и в описи 1633 г. Держание по копии этих копигольдерских семейств обнаруживает значительную устойчивость — на протяжении всего периода с 1565 до 1633 г., которую следует противопоставить исчезновению 40 копигольдерских фамилий списка 1565 г. уже к 1580 г. и появлению в этой последней описи 35 новых фамилий держателей. Сравнение описей 1580 и 1633 г. обнаруживает наличие 33 копигольдерских фамилий в той и другой описи; 13 фамилий копигольдеров первой описи — исчезают во второй, и 20 — появляются вновь, среди них — несколько лизгольдеров. Итак, сопоставление описей 1580 и 1633 г. обнаруживает большую устойчивость копигольдерских держаний в этот период — по сравнению с предшествующими полутора десятилетиями.

II. Манор Барроу в 1649 г. и во второй половине XVII в.

Парламентская опись манора Барроу, ранее находившегося во владении Карла Стюарта, затем переданного им Генриетте Марии — в качестве вдовьей части наследства, была составлена в ноябре 1649 г. Что

прежде всего бросается в глаза в этой описи, — это весьма возросшее значение аренды — по сравнению с описью 1633 г. Рента лизгольдеров составляет не менее половины, как в 1633 г., а почти 67% общей суммы ренты, вносившейся держателями. Копигольдеры вносят 29%, фригольдеры — 4% той же ренты. Численно преобладают в Барроу копигольдеры — их 46 человек, за ними следуют 37 фригольдеров, и, наконец, 10 лизгольдеров. Но в то время как фригольдеры вносят всего около 8 ф. ст. ренты, копигольдеры — около 50 ф. ст. (точнее — £ 48.16.4¹/₂), а лизгольдеры — почти 117 ф. ст., причем 105 ф. ст. платит один крупный арденатор — James Hardy и 12 ф. ст. — остальные 9 лизгольдеров. При изучении этих рент обращает внимание тот факт, что запроективная опись 1633 г. «рента мечта» — «улучшенная рента» — £ 593.5.0 — так и осталась лишь «мечтой» хозяев манора. Возросла лишь рента лизгольдеров — как по абсолютной величине (но далеко не в таком размере, как было запроективно в 1633 г.), так и по доле в общей сумме ренты всех держателей, причем — возросла за счет лишь одного крупного арендатора, а остальные лизгольдеры платят незначительную ренту. Рента копигольдеров, наоборот, сильно понизилась, вновь опустившись до уровня 1565 г., даже несколько ниже! Это очень интересный факт: несмотря на попытки «улучшить» ренту обычных держателей — копигольдеров, которые налично в описях 1580 и 1633 г., эта «старая рента» обнаруживает большую устойчивость. Повидимому, копигольдерам удалось в 1649 г. вновь добиться возвращения к прежней, традиционной ренте, которую ранее администрация манора пыталась возвысить, встречая упорное сопротивление держателей, следы которого отражены, как мы видели, в описи 1580 г. Другим путем повышения доходности манора была сдача земли в аренду, о которой речь идет и в описи 1633 г., и в описи 1649 г. Следует также отметить появление в описи 1649 г. большой группы — 37 фригольдеров, ранее отсутствовавшей. Возможно, что это был результат покупок земли копигольдерами — в ряде случаев фригольдом владеют копигольдеры манора, иногда — и лизгольдеры. Но в большинстве случаев фригольдеры описи 1649 г. не держат одновременно землю по копии или на правах аренды.

Опись 1649 г. позволяет, далее, констатировать дальнейшее проникновение дворян и число держателей: уже не 1—2, а шестеро дворян упоминается в числе фригольдеров, копигольдеров и лизгольдеров манора Барроу. Знакомая нам по описям 1580 и 1633 г. фамилия Broxholme упоминается и в описи 1649 г.: Will. Broxholme, Esq. владеет фригольдом с рентой £ 1.13. 6¹/₂ и, сверх того, платит 8 пенс. за участок копигольда. Вот еще дворяне, владеющие землей в Барроу, согласно парламентской описи: John Farrer, Esq., фригольдер; George Wyppe, Esq., фригольдер; John Nelfhorpe, Esq., владеющий фригольдом с рентой 4 шилл. 8 пенсов и, кроме того, снимающий землю в аренду за 3 ф. ст. 6 шилл. в год; Henry Sandwich, Gent., копигольдер с рентой в 8 шилл. Эта фамилия в несколько иной транскрипции — H. Sandwith, Gent. — упоминается и в описи 1633 г., и в описи 1580 г. — без прибавки титула «Gentleman». Наконец, в описи 1649 г. упомянута Lady Troth Fowke, снимающая в аренду участок земли за £ 1.8.8.

Анализ описи 1649 г. позволяет продолжить наблюдения по вопросу об устойчивости или текучести копигольдерского землевладения в маноре Барроу. Десять копигольдерских фамилий упоминаются во всех четырех описях — 1565, 1580, 1633 и 1649 г., обнаруживая большую устойчивость держаний по копии в этих случаях. Пятнадцать фамилий упоминаются в трех описях — 1580, 1633 и 1649 г. В двух случаях фамилии держателей упоминаются в описях 1633 и 1649 г., и в двадцати

четыре случаев — лишь в описи 1649 г., причем — наряду с копигольдерами упоминаются и держатели, совмещающие держание земли по копии — со свободным держанием или арендой земли, а в нескольких случаях — это фригольдеры или лизгольдеры, которые копигольдом вообще не владеют. Итак, наряду с небольшой группой держателей, принадлежавших к составу семей, сидевших на земле с 1565 по 1649 г. или с 1580 по 1649 г., — в описи 1649 г. появляется ряд новых держателей, не имевших предков среди держателей манора Барроу, фамилии коих упоминаются в описях с 60-х гг. XVI в. до 30-х гг. XVII в. Наличие среди наших источников ренталей второй половины XVII в. (1676, 1686 и 1690 г.) дает возможность продолжить анализ и констатировать появление в Барроу новых дворянских фамилий; причем старые нередко исчезают, дворянское землевладение — фригольд, копигольд, а иногда и аренда земли — тоже отличается текучестью, сменой фамилий. Что касается крестьянских фамилий, то из одиннадцати, упоминающихся в описях с 1565 до 1633 г., и из десяти — с 1565 до 1649 г. — до 1690 г. уцелели лишь восемь, сидевших на земле в Барроу на протяжении 125 лет (1565—1690 г.). Двенадцать крестьянских фамилий упоминаются на протяжении 110 лет (1580—1690 г.). С другой стороны, как в описи 1649 г., так и в рентали 1676 г. появляется ряд новых крестьянских фамилий — в рентали 1676 г. двадцать семь новых фригольдеров и копигольдеров крестьянского типа, из них девятнадцать сохраняется вплоть до 1690 г.

Парламентская опись 1649 г. содержит данные относительно расслоения копигольдеров на четыре группы: I—IV. Результаты подсчетов таковы:

	% площади	% old rent	% improved rent
I группа (500—100 акр.; £ 6—15 улучш. ренты) . . .	87,2	61,0	65,5
II группа (25—50 акр.; £ 4—5 улучш. ренты)	10,3	8,9	7,4
III группа (свыше 3 до 25 акр.; £ 2—3 улучш. ренты) . . .	1,6	2,8	3,7
IV группа (от 3 акр. и ниже; £ 1—2 и ниже улучш. ренты)	0,9	22,3	23,4

Итак, мы видим, что расслоение между I—II (крупное и среднее крестьянство) и III—IV (мелкие и наименее обеспеченные землей копигольдеры) группами примерно такое же, что и по списку копигольдеров 1565 г.: 97,5% и 2,5, и более ярко выраженное, чем в описях 1580 и 1633 г. Крупные и средние копигольдеры попрежнему платят непропорционально малую часть общей суммы ренты (I—II группы — 72, 9—74,9%), самые мелкие — непропорционально большую (III—IV группы — 25,1—27,1%). Это несоответствие возрастает, по сравнению с описью 1633 г., и приближается вновь к тому, что было в 1565 г. Особенно бросается оно в глаза, если сравнить процент площади и ренты I и IV группы, т. е. 65,5—66,0% ренты при 87,2% площади (I группа — крупные копигольдеры), и 22,3—23,4% ренты 0,9% площади (IV группа — самые мелкие копигольдеры).

Много внимания уделяется описью 1649 г. аренде земли, игравшей большую, возраставшую роль в экономике манора. Детально описана крупная ферма, которую арендовал James Hardy — Westcoate Farm, размерами 455 акр., рента с нее — £ 105, «улучшенная» рента — £ 163. Часть фермы передана двум суб-арендаторам — Th. Horne и Lady

Fowkes. Довольно крупных размеров ферму Gransier Farm — 116 акр. 2 руды 20 перчей арендовал J. Nelthorpe, Esq. Остальные фермы, сдававшиеся в аренду, средних и мелких размеров: 60—50—40—30—20—15 акров. Общая площадь лизгольда — 836 акр. 1 руда. Лизгольду, судя по описи 1649 г., принадлежало большое будущее, с его развитием связывались надежды на увеличение доходности манора, на «улучшение» ренты, которому, повидимому, оказывали решительное сопротивление копигольдеры, боровшиеся за свои «старые», традиционные ренты. Однако аренда 1676 г. обнаруживает неожиданный факт — понижение процента ренты лизгольдеров по сравнению с процентом ренты копигольдеров и фригольдеров: не 67%, как в 1649 г., а лишь 50% общей суммы ренты держателей манора Барроу составляет рента лизгольдеров в 1676 г. Это было связано с тем, что самый крупный арендатор описи 1649 г., James Hardy, снимавший 455 акр. земли за 105 ф. ст., отсутствует в аренде 1676 г. Westcoate Farm and the rectory теперь снимает другой арендатор — Edw. Lambe, Esq. за гораздо более низкую ренту — £ 43.2.7½. Почему произошло такое понижение ренты, и всю ли Westcoate Farm снимает Edw. Lambe, Esq. — из аренды не видно. Но общая сумма лизгольдерской ренты и ее отношение к ренте копигольдеров и фригольдеров — значительно понижаются. Кроме Edw. Lambe, Esq. в описи 1676 г. упоминаются еще 7 лизгольдеров, уплачивавших в совокупности около 17 ф. ст. ренты. Среди них — несколько дворян, сменивших лизгольдеров крестьянского типа. Вместо прежних держателей — лизгольдеров не «благородного» происхождения, как то: Th. Poynter, Rich. Wilkin, Will. Johnson и др. — фигурируют в качестве арендаторов — сэр Edm. Winn, сэр Purbecke Temple, Umphavile, Esq. и др. дворяне. Sir Edm. Winn, барг. — повидимому, сын Geo. Winn, Esq., упоминающегося в описи 1649 г. в качестве фригольдера с рентой в 5 шилл. — снимает в аренду за £ 2.11.4 землю, ранее — в 1649 г. — снимавшуюся четырьмя мелкими фермерами: Rob. Smith, Will. Johnson, Th. Drury из Ulceby и G. Seilby из Gouxhill. Среди лизгольдеров аренды 1676 г. упоминается еще некий Rob. Markeham, проживавший в Лондоне (London, Fleet street), который снимает в аренду землю, ранее арендовавшуюся двумя лизгольдерами — Th. Poynter и James Markeham. Этот факт проникновения дворян и, отчасти, городских элементов в ряды лизгольдеров представляет значительный интерес и вряд ли имеет лишь местное значение. Но он не может заслонить другого, констатированного выше факта — понижения общей суммы лизгольдерских рент в Барроу к 1676 г. — по сравнению с 1649 г. и с широкими планами «улучшения» всех рент, в том числе и лизгольдерских, нашедших свое отражение в описи 1633 г.: является ли этот факт временным и случайным явлением или он отражает более общую тенденцию в развитии поземельных отношений в Барроу в послереволюционные десятилетия? На этот вопрос аренда 1676 г. и последующие аренды 1686 и 1690 г. не дают определенного ответа и позволяют строить лишь некоторые предположения. Сопоставление описи 1649 г. и аренды 1676 г. обнаруживает, прежде всего, устойчивость копигольдерских и фригольдерских рент, которые за этот период почти не изменились. Другой интересный факт — резкое увеличение числа копигольдеров за тот же период: в 1649 г. в Барроу насчитывалось 46 копигольдеров и 37 фригольдеров; в 1676 г. — 71 копигольдер — и 42 фригольдера. За эти два-три десятилетия происходили значительные перемены в распределении копигольда. В нескольких случаях наблюдается сосредоточение, объединение в руках одного держателя мелких держаний по копии. Но чаще происходит дробление держаний, что и сделало возможным столь значительное увеличение числа копигольдеров.

	Сумма ренты	% ренты
I группа (рента свыше £ 5)	£ 5.10.0	11,2
II группа (рента £ 4—5)	£ 0.8.6 ¹	1,0
III группа (рента £ 2—3	£ 15.18.10	32,0
IV группа (рента £ 1—2 и ниже)	£ 27.18.1½	56,0

К сожалению, аренда 1676 г. не содержит данных о размерах держаний по копии, имеются данные лишь о размерах ренты, по которым также можно судить о распределении копигольдеров на I—IV группы, хотя и с меньшей определенностью.

Результаты этого подсчета весьма интересны, особенно при сравнении с более полными данными таблицы, составленной на основании парламентской описи 1649 г. Как изменилось соотношение между I—IV группами, если судить лишь по размерам ренты, за отсутствием данных о площади землевладения. На долю I группы приходится лишь 11% ренты вместо 65—66%, как это было в 1649 г. Об «улучшенной» ренте в 6—15 ф. ст. — описи 1649 г. мы ничего не найдем в аренде 1676 г., где максимальная рента — в одном случае — £ 5.10.0. Основная масса копигольдеров — 61 из 71 чел. — платят ренту £ 1—2 и ниже. В общей сложности они вносят около 28 ф. ст., что составляет 56% всей суммы копигольдерской ренты. Тогда как в 1649 г. IV группа копигольдеров играла гораздо менее важную роль, уплачивая всего 22—23% ренты всех копигольдеров. Согласно аренде 1676 г., — 88% копигольдерской ренты вносится держателями III—IV групп, уплачивающими наименее высокую ренту — не свыше £ 2—3, а чаще £ 1—2 и ниже. Тогда как в описи 1649 г. держатели этих групп платили лишь 27% всей ренты копигольдеров. Все это свидетельствует о размельчении копигольда в Барроу в 2—3 десятилетия, следовавшие за революцией 40-х гг. XVII в., которое подтверждается и возросшей численностью группы копигольдеров — с 46 чел. до 71 чел., из которых 61 чел. принадлежали к IV группе, платившей наименьшую ренту. Эти факты наводят на весьма серьезные размышления о возможных последствиях буржуазной революции, с которой мы привыкли связывать представление об усилении капиталистических тенденций в развитии сельского хозяйства и, в первую очередь, концентрацию землевладения, а затем — и исчезновение крестьянства. Из этого правила могли быть и исключения. Возникает вопрос, не был ли одним из таких исключений королевский манор Барроу, где наблюдается столь ярко выраженное увеличение числа копигольдеров, размельчение копигольда в следовавшие за революцией десятилетия, и где система общинных полей, способствовавшая сохранению большого числа мелких собственников, сохраняется до конца XVIII — нач. XIX в.

Среди источников, найденных А. Н. Савиным в Public Record Office, имеются еще две аренды 1686 и 1690 г., относящиеся к манору Барроу в годы «славной революции» — переворота 1688—89 г. Оказало ли это событие какое-либо влияние на поземельные отношения в этом маноре? Аренды 1686 и 1690 г., особенно первая, носят весьма суммарный и неполный характер. Аренда 1686 г. была, повидимому, составлена наспех, небрежно. В ней идет речь всего лишь о 67 free and

¹ Кроме того, держатели этой группы платят £ 8.2.2 1/2 за фригольд и лизгольд.

customary tenants — без разграничения фригольдеров и копигольдеров, и о полугодовой — традиционной — ренте £ 25.1.0. Ренталь 1690 г. — полнее, 86 free and customary tenants с рентой около £ 57 (в рентали — дан итог £ 55.14.7 1/2; по моему подсчету — £ 56.14.5 1/2). Рентали 1686 и 1690 гг. — несмотря на неполноту, особенно — первой, позволяют подкрепить и дополнить сделанное на основании рентали 1676 г. и сопоставления ее с описью 1649 г. наблюдение относительно размельчания держаний в маноре Барроу в десятилетия, следовавшие за революцией 40-х гг. XVII в. не 56%, а около 70% (по рентали 1686 г.) или 68% (по рентали 1690 г.) всей ренты вносилось держателями IV группы, т. е. с рентой £ 1—2 и ниже. Итак, все три рентали — 1676, 1686 и 1690 гг. — говорят о прогрессирувавшем повышении (если не считать некоторое понижение в 1690 г.) процента ренты, вносившейся мелкими держателями. А это свидетельствует о размельчании держаний в Барроу во второй половине XVII в.

III. Манор Барроу по приговору об огораживании (1797—1803 гг.)

Приговор об огораживании манора Барроу с достаточной отчетливостью позволяет судить о распределении земельной собственности в результате ликвидации системы общинных полей и раздела общинных земель различных категорий между всеми собственниками земли и общинных прав в данном маноре. Король был попрежнему лордом манора Барроу. Ему же принадлежала impropriate rectory и большая десятина. Согласно обмеру земли (survey), произведенному по приказанию парламентских комиссаров, подлежащая огораживанию площадь была определена в 4632 акра 32 перча. По моему подсчету, в который не включена часть old inclosures, наделы церковных старост, приходского клерка и участки для рытья песка (gravel pits) — между различными классами и группами землевладельцев была поделена площадь в 4504 акр 3 руды 14 перчей — следующим образом. I. Король, как лорд манора и землевладелец, и землевладельцы — дворяне получили около 1722 акр., что составляет 38,2% всей площади, подвергшейся огораживанию и разделу. II. Духовные землевладельцы и собственники десятины получили около 711 акр., или 15,8% той же площади. III. Собственники крестьянского типа получили около 1789 акр., или 39,7%. IV. Университетское землевладение — 146 акр., или 3,3%. V. Купцы, владевшие некоторыми землями в этом приходе, получили 137 акр., или 3%. Такова картина распределения земельной собственности в Барроу на основании приговора, из которого ясно, что крестьянство здесь еще достаточно сильно и сохранило в своих руках 40% всей площади, хотя парламентское огораживание и произведенная попутно коммутация церковной десятины способствовали сокращению площади крестьянского землевладения на 15,4%. Помимо короля, которому принадлежала большая десятина, в Барроу было еще несколько собственников десятины: trustees of the lectureship, учрежденного при местной церкви сэром J. Nelthorpe, викарий, кроме надела за часть десятины, получавший corn rent — денежную ренту, которую ему уплачивали три дворянина, за что этим последним также были выделены наделы; наконец, один собственник крестьянского типа также владел десятиной (tithes of beans) с некоторых земель и тоже получил за это надел. В общем, коммутация десятины, исчисленной в 1/5 общинных полей, 1/8 общинных лугов и 1/9 общинных пастбищ и пустошей, обошлась остальным землевладельцам в 690 акр. 2 руды 14 перчей земли, отрезанной в пользу короля, викария и других собственников десятины.

Для собственников крестьянского типа произведенная таким способом коммутация десятины означала сокращение общей площади крестьянского землевладения — примерно с 2115 акр. до 1789 акр., т. е. с 46,9% до 39,7%.

Что же представляет собою это крестьянство в Барроу, владевшее перед парламентским огораживанием почти половиной всей площади — в результате раздела общинных земель, произведенного комиссарами? Разобьем его на те же, знакомые нам четыре группы:

	Число собственников групп	Площадь землевладения каждой из групп			% землевладения каждой из групп
		а	р	л	
I группа (50—100 акр. и более)	7	507	1	15	23,3
II группа (свыше 25 до 50 акр.)	12	388	2	15	21,8
III группа (свыше 3 до 25 акр.)	94	858	3	8	48,0
IV группа (от 3 акр. и ниже)	37	34	1	3	1,9

Итак, подавляющее большинство — 131 из 150 — это мелкие собственники крестьянского типа (III группа) и деревенская беднота — держатели коттеджей, небольших участков давно огороженной земли и мелких наделов — от 1—3 акр. и ниже (IV группа). Средние и крупные собственники крестьянского типа — небольшая группа в 19 чел. (I и II группы), владеющая половиной всей площади крестьянского землевладения (51,1%). Но все же — мелкое и наименее обеспеченное землей крестьянство удержало в своих руках почти половину той же площади (49,9%) — Это редкий случай! Полное преобладание — по численности — мелкого крестьянства в Барроу, при сохранении им половины общей площади крестьянского землевладения — характерная черта поземельных отношений в этом маноре — на грани XVIII—XIX вв., которая выявляется еще в ренталах 70—80-х гг. XVII в. Не находится ли эта особенность аграрного развития Барроу в связи с известным замедлением темпа развития капиталистических отношений в десятилетия, следовавшие за революцией 40-х гг. XVII в., объясняющихся какими-то местными условиями, что выражается и в размельчении держаний по копии, отмечаемое ренталами 1676, 1686 и 1690 гг., и в сохранении в Барроу системы общинных полей до самого конца XVIII в. А в условиях этой архаической, быстрым темпом исчезающей в Англии — особенно в период 1793—1815 гг. — системы землевладения и практики сельского хозяйства — могли сохраниться и многочисленные мелкие собственники крестьянского типа, как мы это и наблюдали в Барроу конца XVIII в. Однако, изучая историю поземельных отношений в маноре Барроу на протяжении двух с лишним веков (с 60-х гг. XVI в. до 90-х гг. XVIII в.), мы можем отметить не только местные, специфические черты и особенности аграрного развития этого — и подобных ему — маноров, но и ряд характерных, типичных черт аграрного развития Англии в целом — за тот же период. Допустим, — а это в данном случае вполне соответствует действительности, что в Барроу — в связи с местными условиями — сохранились многочисленные собственники крестьянского типа. И, тем не менее, на примере этого же самого манора мы можем изучать действие ряда факторов, способствовавших и здесь — и в других приходах — крестьянскому обезземелению. Одним из таких факторов было действие, оказанное коммутацией

церковной десятины, произведенного типичным для многих случаев парламентского огораживания способом. Коммутация десятины способствовала, как мы видели, сокращению общей площади крестьянского землевладения в Барроу на 15,4% — с 2115 акр. (46,9% всей площади в 4505 акр., поделенной между различными классами и группами земельных собственников) до 1789 акр. (39,7% той же площади). Другим фактором, способствовавшим обезземелению крестьян, было сосредоточение в руках дворян крестьянского копигольда. В 1649 г. в Барроу было лишь двое дворян, владевших незначительными участками копигольда — Н. Sandwich, Gent. держал по копии участок давно огороженной земли (close) за ренту 8 шилл., W. Broxholme, Esq. держал по копии 3 акра за ренту 8 пенс. В 1797—98 г. — согласно приговору об огораживании — шестеро дворян — Th. Corbett, Esq., Graburn Magmaduke Nelson, Esq., W. Graburn, Esq., Th. Marris, Esq., Th. Scrivener, Esq. и Joseph Smith, Esq. держали по копии 324 акра. И еще один купец — John Hardy владел 56 слишком акрами копигольда, из них 52 акра копигольда John Hardy купил у собственника крестьянского типа, W. Palmer. Итого, около 380 акр. копигольда — в руках дворян и купца. Примерно на такую же площадь уменьшилась площадь копигольда, находившегося в руках собственников крестьянского типа: согласно описи 1649 г., они держали по копии 532 акра 29 oxgangs земли, т. е. около 1112 акр. (принимая oxgang за 20 акр.). По приговору об огораживании в руках крестьян осталось лишь 741 акр копигольда, что составляет 41,4% общей площади крестьянского землевладения. Итак, площадь крестьянского копигольда сократилась на 371 акр. Примерно на такую же площадь и вырос копигольд, находившийся в руках дворян и купца — по приговору об огораживании: 380 акр. минус 3 акра и одну close, размеры коей не указаны, но возможно, что они были около 5—6 акров.

В результате перехода крестьянского копигольда в руки дворян и купца общая площадь крестьянского землевладения в Барроу, исчисленная нами в 2115 акр. (до коммутации десятины), сократилась примерно на 371 акр., т. е. на 17,5%. В результате коммутации та же площадь сократилась на 326 акр., т. е. еще на 15,4%. Итого — сокращение площади крестьянского землевладения примерно на 33% было связано с действием обоих факторов — перехода крестьянского копигольда в руки дворян, купцов — и перехода части крестьянской земли (фригольда и копигольда) в руки духовных или светских собственников церковной десятины. Этот итог очень существен, характеризует роль факторов, способствовавших обезземелению крестьянства — даже в том приходе, где до конца XVIII в. сохранились многочисленные собственники крестьянского типа, удержавшие в своих руках почти 40% общей площади землевладения, находившейся в распоряжении различных классов и групп земельных собственников.

Сопоставление приговора об огораживании с ренталями и описями XVII в. в известной мере позволяет ответить и на вопрос — сохранилась ли к концу XVIII — началу XIX в. та небольшая, но устойчивая группа крестьянских фамилий, которые упоминаются в описях XVI—XVII в. Продолжая наш анализ и охватив весь период 1565—1798 г., мы можем убедиться, что лишь три из восьми крестьянских фамилий, которые встречаются в источниках с 1565 до 1690 г., сохранились и в приговоре об огораживании. Шесть крестьянских фамилий сохранились с 1580 до 1798 г. Восемь крестьянских фамилий сохранились с 1649 до 1798 г. Наконец, двенадцать крестьянских фамилий сохранились с 1690 до 1798 г. Они владеют 667 акр. земли, что составляет 37,4% общей площади крестьянского землевладения по приговору об огораживании. В этом последнем источнике появляются 66 новых фа-

милей крестьян-собственников, не упоминавшихся в описях XVI—XVII в. Этот факт заслуживает внимания: свыше шести десятков новых крестьянских фамилий появляются в Барроу в период между 90-ми гг. XVII и 90-ми гг. XVIII в., т. е. в столетие, бывшее критическим для крестьянства, когда крестьянство, как класс, и крестьянская собственность исчезают в Англии. В Барроу наблюдалась обратная тенденция. Пути капиталистического развития английской деревни не всегда и не везде были прямолинейными. В отдельных случаях, иногда довольно многочисленных, могли быть налицо исключения из общего правила; объяснение к ним мы должны искать как в местных условиях, так и в общих тенденциях аграрного развития Англии, не всегда находивших свое «классическое» выражение. Наши источники, богатые конкретно-экономическим содержанием, допускающие их статистическую обработку, все же весьма не полны и отнюдь не являются исчерпывающим отражением различных сторон развития английской деревни. Но они позволяют с достаточной отчетливостью наметить основные линии в развитии поземельных отношений в различных приходах, — в данном случае в линконширском королевском маноре Барроу. В этом их большая ценность и интерес.

IV. Заключительные итоги. Эволюция поземельных отношений в маноре Барроу с 60-х гг. XVI в. до 90-х гг. XVIII в.

1. Манор Барроу первого десятилетия царствования Елизаветы. Полтораста копигольдеров — *tenentes per copiam* списка 1565 г. платят фиксированную обычаем манора ренту — £ 51.4.6, несут обычные повинности и службы с 60 держаний на три-две, или одну жизнь, — причем размеры земли, входившей в состав этих держаний, выражены еще в боватах и лишь отчасти — в акрах. И, однако, в рамках традиционных поземельных отношений, манориального строя и системы общинных полей — ярко выраженное расслоение крестьянства — копигольдеров манора Барроу: 1) средние (от 40 акр.) и крупные (до 100—120 акр.) крестьяне — сосредоточили в своих руках 98% общей площади крестьянского землевладения и платят 75% копигольдерской ренты; 2) мелкие (не свыше 5—10 акр.) копигольдеры и коттеджеры — их подавляющее большинство — 42 держания на 110 жизней, тем не менее, уплачивая 25% ренты, владели всего 2% площади крестьянского землевладения. Манор Барроу времен Елизаветы — это типичный образец крестьянской деревни, хотя крестьянство и расслоилось: лишь один дворянин (*armitiger*, будущий «Esquire») держит по копии коттедж — на две жизни вместе с сыном, да один *clericus*, — повидимому, духовный землевладелец — в числе крупных копигольдеров этого манора.

2. Манор Барроу по описи 1580 г. При сохранении традиционных поземельных отношений и прежнего числа — шестьдесят держаний по копии, площадь которых исчислена в акрах (около 1124 акр., не считая усадеб, коттеджей, огородов и других огороженных участков) — радикальная смена состава держателей по копии, уцелело лишь одиннадцать прежних фамилий списка 1565 г. Повидимому, таков был результат попытки «улучшить» ренту копигольдеров, повысив ее почти втрое — до 144 ф. ст. Однако соотношение между различными группами копигольдеров — крупными, средними, мелкими и коттеджерами — изменилось незначительно. Сохранилось, в основном, и прежнее несоответствие ренты двух, противоположных по характеру групп: 1) средние и крупные копигольдеры — 95,5% площади, 70,9% ренты; 2) мелкие

копигольдеры и коттеджеры — 4,5% площади, 29,1% ренты. Новость, — появляются в Барроу две новые дворянские фамилии среди копигольдеров — J. Broxholme, Esquire и J. Dalton, Gentleman. Держат по копии в общей сложности до 130 акр. неогороженной земли — в общинных полях и лугах, не считая давно огороженного участка (close), усадьбы и коттеджа.

3. Манор Барроу при Карле I, канун революции, опись 30-х гг. XVII в. Важная новость — развитие капиталистической аренды! Еще при Якове I — «жалуются» долгосрочные leases на 21 год. Лизгольдеры — отсутствующие в списках держателей XVI в. — на первом месте среди держателей описи 1633 г. Среди них — несколько дворян — в том числе John Broxholme, Esq. — повидимому, сын того, который фигурирует в описи 1580 г. в качестве копигольдера. Теперь это — арендатор свыше 100 акр. земли, не считая усадьбы, коттеджей, амбара и т. д. Перед нами — один из представителей модной, капиталистической аренды, к которой тянутся дворяне, как к способу обогащения, путем вложения капиталов в сельское хозяйство. Тогда как получение, или приобретение, копигольда было способом увеличить размеры дворянского землепользования. Земля приобретает все большую стоимость: вместо «традиционной», копигольдерской ренты описи 1565 г. — около 50 ф. ст. — «улучшенная рента» описи 1633 г. исчислена в 593 ф. ст. слишком, включая ренты и копигольдеров и лизгольдеров. Но последние получают преобладающее значение. Наряду с представителями дворянской аренды, появляется такой лизгольдер — предприниматель, как Roger Manners, арендующий свыше 450 акр. земли — в том числе — манор Westcote, parsonage и т. д. — 186 ф. ст. Но наряду с ним — и несколько представителей «крестьянской» — по размерам арендуемой площади — аренды, не превышающей земельного обеспечения крупных и средних копигольдеров.

Что касается соотношения между различными группами крестьянства — крупного, среднего, мелкого — и наименее обеспеченных земель: коттеджеров, то опись 1633 г. позволяет констатировать некоторое уменьшение — правда незначительное, расслоения крестьян и менее ярко выраженное несоответствие между площадью и рентой крупных, средних и мелких, наименее обеспеченных земель крестьян. Наконец, землевание крестьян-копигольдеров обнаруживает большую устойчивость в период между 1580 и 1633 г., чем в полтора десятилетия с 1565 до 1580 г.

4. Парламентская опись манора Барроу — 1649 г. — позволяет констатировать ряд важных фактов, частично — а, может быть, и в значительной степени — связанных с переживаемой страной революцией. Доходность королевского манора резко падает. Вместо «ренты мечты» — описи 1633 г. (593 ф. ст.) — рента копигольдеров, фригольдеров и лизгольдеров описи 1649 г. составляет всего около 175 ф. ст. Процент лизгольдерской ренты, правда, возрастает до 67 (в 1633 г. — 46—48%). Копигольдеры платят всего около 49 ф. ст. Им, повидимому, удалось добиться в годы революции возвращения к «старой», традиционной ренте, составляющей еще в 1565 г. около 50 ф. ст. Это очень существенный факт, по всей вероятности, связанный с условиями революционного времени, отразившимися и на положении копигольдеров королевского манора. Интересно также, что парламентская опись констатирует наличие новой, не упоминавшейся в описях XVI—XVII в. группы фригольдеров, довольно многочисленных, но плативших очень невысокую ренту со своих свободных держаний.

Опись 1649 г. позволяет, далее, отметить проникновение дворян в число фригольдеров, копигольдеров и лизгольдеров манора Барроу.

Наряду с ними появляются новые крестьянские фамилии, последующую историю которых мы можем проследить по ренталам второй половины XVII в.

В соотношении землеуладения и ренты различных групп крестьянства, судя по описи 1649 г., не происходит значительных изменений по сравнению с предшествующими описями XVI—XVII в. Зато — к сожалению, неполные — рентали 70—80-х гг. XVII в. вскрывают любопытнейший факт — увеличение численности держателей крестьянского типа — копигольдеров и фригольдеров, дробление копигольдерских держаний и резкое увеличение процента ренты, уплачивавшейся мелкими держателями и коттеджерами — по сравнению с процентом и суммой ренты крупных и средних держателей крестьянского типа. Это подготовляло те перемены, которые произошли в Барроу в следующее столетие и были зафиксированы приговором об огораживании этого прихода и манора в 1797/98 г.

5. Манор Барроу по приговору парламентского огораживания. Свыше 4500 акр. земли — таковы общие размеры площади, огороженной, согласно приговору, и распределенной между различными классами и группами землеуладельцев. Размеры этой территории, фиксированной в приговоре и нанесенные на карту парламентского огораживания Барроу, к сожалению, отсутствуют среди дошедших до нас источников, собранных А. Н. Савиным. Это говорит, прежде всего, о неполноте ранних описей — особенно XVI в., интересующихся преимущественно копигольдерами, их наделами и их рентами, старыми и улучшенными. А что представлял собой королевский домен? По описям XVI—XVII вв. это неясно.

Около 40% всей площади, поделенной, согласно приговору, между землеуладельцами различных классов, приходится на долю крестьян, среди которых — как численно, так и по площади и проценту земли, находившейся в их руках, — преобладают мелкие собственники крестьянского типа, владеющие землей от 3 до 25 акр. Крупные и средние крестьяне, вместе взятые, владеют примерно половиной всей площади крестьянского землеуладения (50,1%). Мелкие крестьяне и коттеджеры, вместе взятые, владеют другой половиной — 49,9% общей площади крестьянского землеуладения. Этот итог, суммирующий развитие поземельных отношений в Барроу с 60-х гг. XVI в. до 90-х гг. XVIII в., представляет большой интерес. Барроу относится к числу тех немногочисленных в конце XVIII — нач. XIX в. приходов, где — в условиях сохранившейся до периода войн с революционной и наполеоновской Францией системы общинных полей — уцелело мелкое, отчасти — среднее и крупное крестьянство. Случаи, где сохранялось до конца XVIII — нач. XIX в. мелкое крестьянство, — были особенно редкими, и тем больший интерес представляют они для историка, ставящего в качестве своей основной задачи — познание закономерного развития социальной действительности — английской деревни XVI — нач. XIX в. — во всем ее конкретно-историческом многообразии и нередко — пестроте отношений, в которых всегда — и особенно в Англии — переплетается старое, архаическое — и новое; фригольд, копигольд — уцелевшие от средних веков до наших дней — и капиталистическая аренда; «старая», традиционная рента — и рента «улучшенная», капиталистическая; «старинные огораживания», новые наделы — результат парламентского огораживания XVIII—XIX в. — и остатки архаической системы общинных полей — местами встречающиеся и в современной нам Англии. Страна «классического развития» капиталистических отношений характеризуется одновременно теми кажущимися «противоречиями» между остатками «феодального земельного права», остатками крестьянской собственности и общинных полей, пастбищ — и радикальной экспроприацией по-

давящего большинства сельского населения, природа которых была вскрыта анализом Маркса и Ленина². Но это своеобразие английских поземельных отношений и истории различных маноров — не только не исключает, а наоборот, облегчает — приближает нас при внимательном, тщательном их изучении — к познанию общего, закономерного — в истории не только английского крестьянства, но и крестьянства и его истории в других странах, где черты капиталистического развития деревни были менее ярко, или иначе выражены.

СООБЩЕНИЯ

А. Ф. МИЛЛЕР

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ ОТДЕЛЕНИЯ
ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Задачи, поставленные перед советской наукой партией, правительством и лично товарищем Сталиным в его исторической речи 9 февраля 1946 г., требуют особенно тщательного планирования научно-исследовательских работ. Уже давно Академия Наук СССР пришла к выводу, что планирование лишь на один год вперед является недостаточным, так как выполнение многих работ занимает значительно больший срок, а целый ряд проблем может быть разрешен только при наличии перспективной установки. В 1944—1945 гг. Отделением истории и философии был выработан такой общий перспективный план, положенный в основу дальнейшего планирования научно-исследовательских работ Отделения. Однако конкретизация плана на предстоящее пятилетие потребовала дополнительных усилий как институтов Отделения, так и всего Отделения в целом. Трудности заключались не только в том, чтобы правильно определить перспективу развития науки в тех областях, которые охватываются Отделением истории и философии, но и в том, чтобы наметить такие конкретные проблемы, разработка которых необходима с точки зрения развития науки и вместе с тем полезна для учреждений Отделения. Вот почему план научно-исследовательских работ Отделения на ближайшее пятилетие — 1946—1950 гг. — включает сравнительно ограниченное количество проблем, являющихся наиболее важными, ведущими проблемами по пяти основным дисциплинам, изучаемым институтами Отделения: по истории (включая историю науки, в частности естествознания), по истории искусств, по философии (включая психологию), по археологии и по этнографии (включая антропологию и фольклористику). Пятилетний план Отделения не исчерпывает всего содержания работы институтов. Каждый из них имеет, помимо общеакадемического, также и свой институтский план, основанный на тех же принципах, что и общеакадемический, но содержащий ряд дополнительных проблем. Разработка которых необходима для выполнения общеакадемического плана. Пятилетний план Отделения не включает также текущей работы институтов, выражающейся в публикации «трудов», различного рода сборников, «наследств», работ классиков русской науки и т. д.

В процессе работы над составлением пятилетнего плана Отделение исходило из необходимости, во-первых, сохранить преемственность своей научно-исследовательской деятельности и планомерно развивать основную проблематику, над которой работали институты Отделения в предыдущие годы, а во-вторых, предусмотреть в плане новые проблемы, выдвижение которых диктуется развитием научной мысли. Особое значение Отделение придавало учету той исторической обстановки, которая сложилась в результате победы советского народа над германским фашизмом и японским империализмом. Эта победа привела к колоссальному усилению всемирно-исторической роли СССР, к всеобщему признанию того факта, что советский народ, как указывает товарищ Сталин, «своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков», а также к ясному осознанию преимуществ советского общественного и государственного строя.

Главные положения, которые легли в основу плана при выдвижении этих новых задач, вытекающих из современной обстановки, можно резюмировать следующим образом: 1) необходимо расширить изучение истории русского народа и других народов Советского Союза, показав характерные особенности исторического развития нашего государства; 2) в связи с этим надлежит углубить изучение нашей родины в археологическом и этнографическом отношении, а также с точки зрения развития науки, искусства и культуры; 3) особое внимание должно быть уделено истории советской власти и истории ее борьбы за свободу и независимость социалистического государства; 4) надлежит всесторонне осветить значение марксистско-ленинской философии и ее преимущества перед буржуазными философскими системами, вскрыв существующие в этих последних фашистские и профашистские тенденции; 5) должно быть подвергнуто научному анализу развитие в зарубежных странах, с одной стороны, демократических концепций, а с другой стороны — реакционных идей и учреждений, поведших к формированию фашизма и сохраняющихся в ряде случаев по настоящее время; 6) под этим углом зрения следует

² Ленин, Соч., т. XII, стр. 270—271.

углубить изучение истории зарубежных стран, развития их культуры, науки, искусства, общественной мысли, а также истории международных отношений и некоторых современных политических проблем, вытекающих из создавшейся послевоенной обстановки.

Ставя перед собой все эти задачи, Отделение учитывает также и необходимость развития подготовки научно-исследовательских кадров и улучшения материальной базы научно-исследовательской работы. Мероприятия в этих областях составляют предмет особо разрабатываемых Отделением предложений.

Пятилетний план научно-исследовательских работ Отделения разбивается на основные разделы, соответствующие дисциплинам, входящим в круг деятельности Отделения. В свою очередь, материалы плана по каждой из этих дисциплин подразделяются на рубрики, соответствующие основным специальностям. Так, по истории предусмотрены история СССР, история славянских народов, история Европы и Америки, история Востока. По истории искусств мы имеем разделы: истории живописи, истории архитектуры, истории музыки и истории театра. По философским дисциплинам план включает основные проблемы диалектического и исторического материализма, философии естествознания, логики и психологии. Кроме того, в крупных разделах особо выделены: обобщающие труды, монографии, публикации источников. Внутри каждого раздела проблемы расположены, как правило, в хронологическом порядке.

В настоящей статье нет возможности подробно изложить все проблемы, включенные в пятилетний план Отделения. Мы отметим лишь наиболее важные черты плана, определяющие собой основные направления научно-исследовательской деятельности Отделения.

По истории следует прежде всего указать на многотомные труды: «История СССР» и «Всемирная история». Эти коллективные труды, призванные обобщить достижения советской исторической науки в области изучения прошлого нашей родины и всей истории человечества, уже в течение ряда лет составляют важную часть планов не только Института истории Академии Наук, но и ряда других научно-исследовательских институтов, сотрудничающих с Институтом истории в выполнении этих работ (Институт истории материальной культуры, Институт востоковедения). В предстоящем пятилетии по «Истории СССР» запланирована подготовка 8 томов, охватывающих историю нашего государства с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. По «Всемирной истории», помимо уже вышедшего в 1942 г. в этой серии тома XV («Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.»), и полностью подготовленного тома XIV (охватывающего период 60—80-х гг. XVIII в., кануны Французской буржуазной революции),

намечено составление еще 13 томов, включающих историю первобытно-общинного строя, Древнего Востока, Древней Греции, Европы и Востока в эпоху средневековья, историю английской революции XVII в., историю европейских революций 1848 г. и, наконец, в последовательном порядке, период от начала XX в. до первой мировой войны, затем — мировую войну 1914—1918 гг. и послевоенный период с 1918 до 1929 г. включительно.

К обобщающим трудам этого раздела относится также «История Москвы», подготавливаемая Институтом истории в связи с 800-летием нашей столицы. Этот труд состоит из пяти томов. Первые три тома, охватывающие историю Москвы с древнейших времен до конца XIX в., были составлены в 1944—1945 гг. На предстоящее пятилетие планируется работа по составлению остальных двух томов, из которых том IV посвящен периоду с конца 90-х гг. XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции включительно, а том V — истории советской Москвы.

Эти два последних тома «Истории Москвы» потребуют большой и углубленной работы. IV том, охватывающий период трех революций, должен на конкретном материале показать участие населения Москвы и особенно его пролетарской части в революционной борьбе за свержение царизма и капитализма. Здесь будут рассмотрены изменения в промышленности Москвы в эпоху империализма, процесс формирования московского пролетариата, его экономическое, политическое и правовое положение, участие рабочего класса в революционном движении и развитие московских большевистских организаций, а также участие других классов московского населения, в частности буржуазии и ее организаций, а общественно-политическом движении в Москве за указанный период. В V томе «Истории Москвы» впервые собирается и обобщается огромный документальный материал по истории создания, укрепления и расцвета советской столицы. Здесь будет показана роль Москвы в период гражданской войны, причины и условия превращения Москвы в столицу Советского государства и в крупнейший индустриальный центр СССР, осуществление сталинского плана социалистической реконструкции Москвы. Как и в предыдущих томах, особое внимание будет уделено борьбе рабочего класса Москвы за социализм и руководящей роли московской большевистской организации, возглавившей эту борьбу.

Большое место в работе займет история культурных и научных учреждений Москвы, театра, музыки, литературных организаций. В числе обобщающих трудов пятилетний план намечает две коллективные работы по истории искусств: пятитомную «Историю русского искусства» и пятитомную «Историю русского театра». В «Истории русского искусства» будут использованы новые открытия, сделанные в этой области за последние 30 лет, со времени выхода в свет одноименного труда И. Э. Грабаря.

Развитие советской науки позволяет осветить такие разделы в истории русского искусства, которые до недавнего прошлого были изучены недостаточно или вовсе не были доступны исследователям (живопись домонгольской эпохи, живопись Пскова XI—XV вв., скульптура Владимиро-Суздальской области и т. д.). Равным образом, значительное улучшение методов реконструкции архитектурных памятников открывает новые возможности для исследования. Исследуемые памятники, искусства, тракуются, с одной стороны, как органические звенья единой исторической цепи, с другой — под углом зрения их неповторимой индивидуальности. При этом история русского искусства рассматривается в тесной связи с историей мирового искусства. Хронологические рамки труда — от античных и восточных истоков русской художественной культуры до новейшей истории русского искусства, включая советский период.

Что касается намечаемой «Истории русского театра», то этот труд, в отличие от предыдущих работ такого же характера, не ограничится историей драматургии, но даст всестороннее освещение истории русского театра, оттеняя его великое национальное значение и влияние на развитие театрального искусства в зарубежных странах. В I томе предполагается дать историю старинного театра в России и русского театра XVIII в.; тома II—IV посвящены русскому театру XIX в., а том V — русскому театру XX в., включая советский театр.

Таковы обобщающие коллективные труды, включаемые в пятилетний план по всему разделу истории.

Переходя к монографическим работам, отметим прежде всего исследования по истории СССР. Они могут быть сведены к нескольким группам проблем, хотя каждая из работ, входящих в ту или иную группу, является вполне самостоятельным исследованием.

Монографии, исследующие русское государство феодальной эпохи, представлены работами: акад. Б. Д. Грекова — «Галицко-волынская Русь», члена-корр. Академии Наук СССР С. Б. Веселовского — «Государственные реформы XVI в.» и проф. С. В. Юшкова — «Сословно-представительное государство XVI—XVII вв.». В монографии акад. Б. Д. Грекова исследуются судьбы Галицкой и Волынской земель в докиевский период, затем — в период вхождения этих земель в Киевское государство и в период их обособленного существования после распада Киевского государства. Далее рассматривается борьба этих княжеств с Венгрией и Польшей за свою независимость, завоевание Галицкого княжества Польшей, первые мероприятия польского правительства по освоению нового края и отношение к новой власти и ее политике со стороны различных классов галицкого общества. Монография члена-корр. С. Б. Веселовского посвящена исследованию вопроса о реорганизации центрального и местного управления в Московском государстве XVI в. В работе рассматриваются

вопросы об учреждении и деятельности различного рода центральных «приказов» и органов местного управления, а также анализируются реформы внутреннего управления. Исследование проф. С. В. Юшкова посвящено разрешению вопроса о политической реформе русского государства с середины XVI в. до конца XVII в. На основании ряда данных автор устанавливает наличие в это время сословно-представительной монархии, которую от ранне-феодальной монархии отличают ограничение власти царя сословно-представительным учреждением — Земским Собором, а также некоторые другие особенности в структуре государственного аппарата.

Социально-экономическая история феодальной эпохи представлена тремя исследованиями: члена-корр. С. Б. Веселовского — «Монастырское и церковное землевладение в северо-восточной Руси XIV—XVI вв.», члена-корр. С. В. Бахрушина — «Русский рынок XVI в.» и члена-корр. В. И. Пичеты — «Феодальное поместье в Великом княжестве Литовском XV—XVIII вв.». В этих работах рассматривается ряд вопросов, относящихся к развитию форм феодального землевладения в нашем государстве, а также мало изученная проблема образования всероссийского внутреннего рынка в XVI в.

В монографиях, связанных с изучением социально-экономической истории в XIX и XX вв., исследуются развитие классов и экономические процессы в России эпохи капитализма. Сюда относятся многотомная работа члена-корр. А. М. Панкратовой «История рабочего класса СССР». Том I этого труда, охватывающий период со времени зарождения пролетариата в России до конца XVIII в., уже подготовлен. На предстоящее пятилетие намечается составление тома II (первая половина XIX в.) и тома III (вторая половина XIX в. — начало XX в. до 1917 г.). В томе II анализируется процесс возникновения современного пролетариата в России в период разложения феодального способа производства и зарождения капитализма. В томе III рассматривается путь развития промышленного пролетариата в России в условиях полного расцвета капитализма; большое место занимает анализ революционной борьбы пролетариата и его участие в качестве класса-гегемона в буржуазно-демократических революциях 1905 и 1917 гг. История пролетариата России излагается в сравнении с развитием и условиями борьбы западно-европейского пролетариата.

К этой же группе относятся две другие монографии: проф. Н. М. Дружинина — «Государственные крестьяне и реформы Киселева», т. II (монография является продолжением I тома, выходящего в ближайшее время из печати) и кандидата исторических наук А. С. Нифонтова — «Экономическое развитие России в 1856—1866 гг.»

По истории русского революционного движения и русской общественной мысли в XIX в. предполагается составление трех монографий: проф. М. В. Нечкиной —

«Движение декабристов»; кандидата исторических наук С. С. Дмитриева — «Славянский вопрос и русское общество» и проф. Б. П. Козьмина — «Русская секция I Интернационала».

История русской науки посвящено несколько монографий, исследующих развитие русского естествознания в XVIII и начале XIX в. Проблема рассматривается в тесной связи с общественным развитием России, а также с зарубежным естествознанием в этот период. Над составлением этих монографий работают проф. Т. И. Райнов («Очерки по истории русского естествознания XVIII в.»), проф. А. П. Юшкевич («Русская математика в XVIII и начале XIX в.»), проф. В. В. Белоусов («Русская геология XVIII в.»), проф. Б. Г. Кузнецов («Физика Эйлера и русская наука XVIII в.») и проф. Б. Е. Райков («Эволюционные идеи в России в XVIII и XIX вв.»).

Пятилетний план предусматривает большую группу исследований по истории русской дипломатии и внешней политики. Целью этих работ является освещение важнейших вопросов международных отношений России и, в частности, ее связей с европейскими державами и с сопредельными государствами Азии. В эту группу монографий включены: большой труд акад. Е. В. Тарле о внешней политике России при Екатерине II и Александре I, а также ряд монографий об отношениях России с различными государствами: с Англией в первой половине XVIII в. (проф. И. И. Любименко), с Турцией в конце XVIII и начале XIX в. (проф. А. Ф. Миллер), с Китаем в тот же период (проф. Г. Н. Войтинский), с Ираном в тот же период (кандидат исторических наук М. С. Иванов), с Францией в 80-х гг. XIX в. (кандидат исторических наук А. З. Манфред) и с Англией на рубеже XX в. (проф. Ф. И. Нотович). Монография кандидата исторических наук С. А. Никитина исследует балканскую политику России во второй половине 50-х гг. и в 60-х гг. XIX в.

История Великой Октябрьской социалистической революции и Советского государства представлена в пятилетнем плане двумя большими монографиями. Первая из них — «История Великой Октябрьской социалистической революции» (член-корр. И. И. Минц) должна осветить все этапы революции в центральных областях России и в национальных районах в 1917—1918 гг.; установление советской власти, выход советской России из первой мировой войны, борьбу молодой Советской республики против иностранных интервентов и белогвардейцев. Особое место уделяется анализу ленинско-сталинской национальной политики, истории хозяйственного, культурного и партийного строительства в 1918—1920 гг., а также советской дипломатии в это время. Эта работа составит IX том обобщающего труда «История СССР». Вторая монография — «Советская страна в период перехода от войны к миру» (проф. Э. В. Генкина) хронологически примыкает к предыдущей

работе. Она охватывает период с конца гражданской войны до образования Союза Советских Социалистических Республик. Излагая политическую и экономическую историю Советской страны, автор также анализирует развитие общественной мысли за этот период и борьбу с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, приведшую к победе марксистско-ленинской идеологии во всех областях общественной жизни страны.

Значительными являются исследования по истории Великой отечественной войны. Комиссия по составлению хроники Великой отечественной войны собрала огромный документальный материал; научная обработка этого материала потребует большого времени. На ближайшее пятилетие, в дополнение к исследованиям, законченным еще в период деятельности Комиссии, представляется возможным включить в план следующие работы: «История партизанского движения 1941—1944 гг.», «История народного ополчения Москвы в годы Великой отечественной войны», «Поражение фашистских войск под Москвой в 1941—1942 гг.», «Сталинградская битва 1942—1943 гг.». Эти монографии выполняются под общим руководством члена-корр. И. И. Минца и профессоров И. М. Разгона и А. Л. Сидорова. Кроме того, будет продолжаться начатая в 1946 г. работа по сбору фольклорных материалов Отечественной войны; в связи с этим намечается ряд экспедиций, а также организация конференций фольклористов. Работой по сбору фольклора Отечественной войны руководит проф. П. Г. Богатырев и старший научный сотрудник Института этнографии В. И. Крупицкая.

Под руководством акад. С. И. Вавилова будет продолжена и завершена работа по составлению истории Академии Наук СССР. Том I этого коллективного труда охватывает период с 1724 по 1917 г.; II том посвящен истории Академии Наук за советский период до начала Великой отечественной войны; III том должен отразить научную, научно-организационную, культурно-просветительную и политическую деятельность Академии Наук СССР за время Великой Отечественной войны, показать участие ученых Академии Наук в деле повышения обороноспособности страны и восстановления народного хозяйства и культурных памятников в районах, освобожденных от фашистских захватчиков.

История славянских народов представлена в пятилетнем плане работами, часть которых имеет целью осветить общие вопросы этногенеза и древнейшей истории славянства; другая часть посвящена истории отдельных славянских стран. К первой из этих групп относятся монографии старшего научного сотрудника Института этнографии Т. А. Трофимовой — «Этногенез славян в свете данных антропологии» (часть 1-я — «Восточные славяне», часть 2-я — «Южные и западные славяне»), члена-корр. А. Д. Удальцова — «Восточные славяне VI—IX вв.» и проф. П. Н. Третьякова — «Славянские племена среднего Поднеп-

ровья». Работы над этими темами будут осуществляться путем проведения археологических и археолого-этнографических экспедиций — Днепровской, Байканской, Восточно-русской. Что касается истории отдельных славянских стран, то пятилетний план предусматривает две монографии члена-корр. В. И. Пичеты: том III его «Истории Польши», охватывающий период от польского восстания 1863 г. до Великой Октябрьской социалистической революции монографии «Город Дубровник в XIII—XVII вв.».

По истории древнего мира намечены четыре работы: акад. Р. Ю. Виппера «Просветительный век Римской империи», проф. А. Б. Рановича — «История эллинизма», проф. А. В. Мишулина — «Античная Испания под властью Рима» и проф. Н. А. Машкина — «Город и поместье в Северной Африке в римскую эпоху».

Большой интерес представляет исследование акад. Р. Ю. Виппера — «Просветительный век Римской империи», задуманное как продолжение исследований автора в области истории культуры эпохи перехода от древности к средневековью. Термин «просветительный век» применяется автором ко II столетию н. э., когда ряд деятелей литературы, науки и политики пытался провести идейную, моральную и социальную реформу и когда рабовладельческое общество, в лице передовых его представителей, ставило себе целью преобразование быта, смягчение нравов, внушение разумных религиозных понятий. Эту эпоху автор называет последней зарей античного мира накануне его гибели.

Важной группой проблем в плане являются также исследования по истории Византии. Русская историческая наука имела в этой области выдающиеся достижения. Возобновляя ныне изучение истории Византии и используя лучшие традиции русского византиноведения, советские историки ставят своей целью дать в ближайшее пятилетие ряд исследований по узловым вопросам этой эпохи. В частности, намечаются следующие монографии: проф. А. Б. Ранович — «Восточноримская империя от Диоклетиана до Юстиниана», кандидат исторических наук Е. Э. Липшиц — «Византийская культура V—IX вв.», проф. Н. В. Пигулевская — «Торговля Византии с Востоком до завоевания арабов», кандидат исторических наук Б. Т. Горянов — «Поздне-византийский феодализм» и др.

По истории средневековой Европы план предусматривает несколько работ, освещающих социальную и особенно аграрную историю Англии XV в. («Восстание Джека Кэда и война Белой и Алой Розы» — член-корр. Е. А. Косминский) и историю средневековой Германии («Германская империя X—XIII вв.» — кандидат исторических наук А. И. Неусыхин и «Германская империя XV—XVII вв.» — доктор исторических наук М. М. Смирин). К этой же группе исследований примыкает, но выходит за хронологические рамки средневековья работа члена-корр. Е. А. Косминского.

го и проф. В. М. Лавровского «Очерки аграрной истории Англии с древнейших времен до начала XX в.».

По истории нового и новейшего времени в числе работ, предусмотренных планом, большое значение имеют монография проф. Ф. В. Потёмкина «Промышленная революция во Франции», а также исследования, посвященные революции 1848 г. (по этой проблеме, помимо обобщающего труда, выходящего в серии «Всемирная история», намечено составление двух отдельных монографий: проф. Р. А. Азгубух — «Демократическое движение в Австрии в 1848 г.», и проф. А. И. Молока — «Июньские дни 1848 г.»). Внешнеполитическим проблемам новейшего времени посвящена монография проф. Л. И. Зубока «Внешняя политика США в 1918—1941 гг.».

Особое следует остановиться на двух больших монографиях по истории нового и новейшего времени, касающихся истории идей. Первая из них — акад. В. П. Волгина — «Социалистические и коммунистические идеи 30—40 гг. XIX в. во Франции» — является продолжением ряда предыдущих трудов автора, посвященных развитию социально-политических идей в XVIII и начале XIX в. В этой работе автор покажет, как отразился процесс быстрого роста французской капиталистической промышленности и французского пролетариата на развитии социалистических и коммунистических идей, как, с одной стороны, под воздействием классовой борьбы пролетариата возрождаются и крепнут традиции коммунизма и как, с другой стороны, основные направления утопического социализма возрождаются в сектантские движения и утрачивают свое прогрессивное значение. Вторая монография, относящаяся к истории идей, — акад. А. М. Деборина — «Политические учения новейшего времени». Задачей этой работы является рассмотрение, анализ и критика современных буржуазных политических течений и противопоставление им марксистско-ленинской политической доктрины. Автор предполагает показать взаимную борьбу различных политических учений (феодално-теократического, буржуазно-индивидуалистического, фашистских или полупфашистских и т. п.) с их специфическим пониманием происхождения и природы государства, права, а также суверенитета, политических свобод, права собственности, роли парламентского режима и т. д. Этим несостоятельным доктринам автор противопоставляет марксистско-ленинскую доктрину, знаменующую новую эпоху в истории человечества.

По истории стран Востока намечены монографии акад. В. В. Струве — «История державы Ахеменидов», проф. Б. Н. Заходера — «Восточная Европа в мусульманской письменности средних веков», члена-корр. А. Ю. Якубовского — «Тимурид и его время». Сюда же относятся исследования по новейшей истории стран Востока. Наиболее важными из них являются монографии, посвященные тихоокеанской проблеме, понимаемой как совокуп-

ность вопросов, связанных с историей международных отношений и с текущей внешней политикой на Тихом океане. В числе этих монографий коллективный труд — «Внешняя политика СССР на Тихом океане», охватывающий период от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней, а также монографии: проф. Е. М. Жукова — «Основные послевоенные проблемы на Тихом океане», проф. А. А. Губера — «Борьба держав за страны юго-восточной Азии», проф. К. М. Попова — «Экономические последствия войны на Тихом океане». Новейшая история отдельных стран Востока рассматривается в монографиях кандидата экономических наук А. С. Перевертайло — «Особые районы Китая и их роль в национально-освободительной борьбе китайского народа», проф. Е. М. Жукова — «Послевоенное развитие Японии», кандидата исторических наук А. М. Дьякова — «Послевоенное развитие Индии».

2

Раздел пятилетнего плана, относящийся к истории искусства, включает, помимо уже отмеченных выше обобщающих трудов, также ряд монографий. Они группируются по основным отраслям истории искусств: по истории архитектуры, истории живописи, истории театра и истории музыки.

История русской архитектуры представлена в плане монографиями архитектора П. Д. Барановского и проф. Чубинашвили по вопросу о взаимоотношениях древнерусского зодчества XI—XIII вв. с архитектурой Византии и Кавказа, а также серией монографий различных авторов (руководитель — акад. И. Э. Грабарь), посвященных историко-художественному описанию русских городов — Москвы, Смоленска, Новгорода Великого, Ярославля, Рязани. В предстоящем пятилетии будет также завершена работа по научному описанию наиболее выдающихся памятников русской архитектуры, скульптуры и живописи, погибших или серьезно пострадавших от немецких захватчиков. В этой работе («Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками») будут помещены материалы о погибших памятниках Новгорода, Пскова, Нового Иерусалима, о дворцах и памятниках г. Пушкина, ансамбле петергофских дворцов, Павловске, Гатчине. Работой руководит акад. И. Э. Грабарь.

По истории живописи намечаются монографии члена-корр. В. Н. Лазарева о творчестве выдающегося византийского мастера Феофана Грека, новая работа акад. И. Э. Грабаря о творчестве В. А. Серова как живописца и рисовальщика, монография проф. А. А. Сидорова — «Русский рисунок», кандидата искусствоведческих наук П. И. Лебедева — «Советское изобразительное искусство», проф. М. В. Алпатова — «Классическая живопись», а также два больших исследования члена-корр. В. Н. Лазарева — «История византийской и италийской живописи» и «Происхождение итальянского Возрождения».

В числе монографий по истории театра намечены работы проф. А. К. Дживелегова — «Происхождение итальянской комедии масок», проф. С. Н. Дурылина — «О жизни и творчестве артистки М. Н. Ермоловой» и др.

История музыки представлена в плане работами проф. Т. Н. Ливановой — «Русская музыкальная культура до Глинки» и акад. Б. В. Асафьева — «Слух Глинки», проф. С. С. Скребкова — «История русской хоровой культуры».

3

Раздел плана, включающий научно-исследовательские работы по философии, открывается, как и предшествующий, большими обобщающими трудами: «История философии», «История логики» и «Философия современного естествознания».

Коллективный труд «История философии», выходящий под руководством профессоров П. Н. Федосеева, В. И. Светлоса, В. С. Кружкова, З. Я. Белецкого и акад. М. Б. Митина, призван подытожить достижения советской философской науки и осветить историю философии с древнейших времен до наших дней. Как известно, первые три тома этого труда уже готовы. На предстоящее пятилетие планируются тома IV, V и VI. Том IV, посвященный основоположникам диалектического и исторического материализма — Марксу и Энгельсу, должен дать краткую научную биографию Маркса и Энгельса, исторический очерк их научной и философской деятельности в связи с исторической эпохой, анализ развития основных принципов диалектического и исторического материализма. Том V посвящен истории русской философии от ее зарождения до первых шагов марксизма в России. Исследование ставит своей задачей вскрыть своеобразие развития русской философской мысли по сравнению с развитием западноевропейской философии. Большое место будет уделено анализу философских и общественно-политических воззрений классиков русской философии XIX в. — Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Том заканчивается главой о философских взглядах Плеханова. Специальный раздел посвящается истории естественно-научного материализма в России (Столетов, Менделеев, Сеченов, Павлов, Мечников, Тимирязев и др.). Том VI посвящен развитию диалектического и исторического материализма в трудах Ленина и Сталина — величайших мыслителей-революционеров XX в. Сюда же войдут: исторический очерк деятельности Ленина и Сталина; характеристика развития их философских и политических взглядов в связи с величайшими событиями эпохи; систематическое изложение того нового, что они внесли в сокровищницу марксистской философии на основе обобщения опыта классовой борьбы и научных открытий эпохи империализма и Великой Октябрьской социалистической революции.

Обобщающий труд — «История логики» (проф. В. Ф. Асмус и проф. П. С. Попов) запланирован в двух томах: Том I излагает историю логики в зарубежных странах, том II — историю логики в России. В центре внимания стоит исследование развития логических учений о формах и законах мышления (учение о понятии, суждении, выводах — силлогистических и несиллогистических, о доказательстве, о логических элементах и логических предпосылках метода научного мышления). В томе, посвященном истории логики в России, будет выявлен оригинальный вклад русской логической мысли, внесенный ею в развитие мировой логической науки. С изданием этого труда будет заполнен существующий в русской философской литературе пробел, вызванный отсутствием оригинальных систематических работ по истории логики, а также будут внесены необходимые коррективы в трактовку вопросов истории логики в специальной зарубежной литературе.

Коллективный труд «Философия современного естествознания» (руководитель — акад. С. И. Вавилов, авторы — академики В. Г. Фесенков и А. М. Деборин, член-корр. С. Л. Рубинштейн, профессора П. К. Анохин, Б. М. Кедров и др.) представляет собою опыт философского обобщения успехов современного естествознания. Работа будет состоять из двух томов: том I — неорганическая природа, том II — органическая природа. В том I войдут работы по проблемам астрономии, физики, химии и других дисциплин, касающихся неорганической природы; в том II включаются вопросы естественно-научного обоснования ленинской теории отражения. Материал этого тома группируется главным образом вокруг проблем физиологии, особенно физиологии органов чувств, проблем высшей нервной деятельности, зоопсихологии и др.

Среди монографических работ по философским наукам, планируемых на предстоящее пятилетие, особенно большое значение имеет труд проф. Г. Ф. Александрова — «История теорий общественно-научного развития». Монография проф. Александрова впервые в марксистской литературе дает систематический научный анализ и критику школ и теорий общественного развития и на этой основе показывает, что марксистско-ленинское учение об обществе и законах его развития является вершиной мировой научной и философской мысли. Намечаемый труд крайне необходим не только для философов, но и для работников всех отраслей общественных наук, в том числе и в первую очередь для историков и экономистов.

Акад. М. Б. Митин работает над монографией «Советская социалистическая демократия». В этом труде, на основе учения Ленина — Сталина, будут освещены следующие вопросы: этапы развития советской демократии; расцвет подлинно-народного демократизма в СССР; роль Советского государства в разгроме германского фашизма и японского империализма; великое значение советской демократии для прогрессивного развития человечества; советская демократия и постепенный переход от социализма к коммунизму.

Три монографии посвящены проблеме: «Учение о понятии, суждении и умозаключении в диалектической логике». Первая из этих монографий (проф. Л. О. Резников) рассматривает марксистско-ленинское учение о понятии, вторая, и третья (кандидат философских наук П. В. Табанец) — соответственно учение о суждении и об умозаключении.

Большая группа монографий относится к проблемам психологии. Эти работы сосредоточены вокруг центральной проблемы: «Психология основных ступеней познания и проблема сознания» (руководитель — член-корр. С. Л. Рубинштейн). Исследования, применительно к сознанию человека, начинаются с психофизиологических закономерностей элементарных психических познавательных процессов, смыкаясь здесь с разрабатываемой школой Павлова проблематикой высшей нервной деятельности, затем поднимаются к изучению мышления и речи, где вступают в контакт с работами советского языкознания, и завершаются психолого-философским циклом, посвященным проблемам сознания. Входящие в этот проблемный комплекс двенадцать монографий распадаются на следующие циклы исследований: 1) предистория человеческого сознания (проф. Н. Ю. Войтинис и проф. Н. Н. Ладыгина-Котс), 2) психофизиология органов чувств (профессора С. В. Кравков, Н. А. Гарбузов, Б. М. Теплов, кандидат наук Л. А. Шифман), 3) проблема перехода от ощущения к мышлению (проф. Б. Г. Афанасьев и проф. Б. М. Теплов), 4) мышление и речь (канд. наук М. Г. Ярошевский) и 5) проблема сознания (член-корр. С. Л. Рубинштейн).

Две монографии посвящены изучению философских проблем физики и химии. Сюда включаются работы члена-корр. А. А. Максимов — «Философские основы физики» и проф. Б. М. Кедрова — «Современная атомистика и ее философское значение».

В раздел философии входят также исследования по истории атомистики, имеющие целью критический пересмотр атомистических воззрений эпохи средних веков и нового времени. Особое внимание при этом будет уделено развитию учения о строении вещества с конца XIX в. до наших дней. Эта группа монографий включает работы: проф. В. П. Зубова — «Атомистические идеи в естествознании и в математике средневековья», проф. А. П. Юшкевича — «Идеи математического анализа от Кеплера до Коши» и проф. Я. Г. Дорфман — «Экспериментальные основы атомистики с конца XIX в. до настоящего времени».

Наконец, три монографии в разделе философии посвящены изучению современной буржуазной философии.

Они будут оформлены в виде очерков по современной английской философии (проф. В. Ф. Асмус, при участии кандидата наук Е. Ф. Помогаевой), американской философии (проф. М. А. Дынский при участии кандидата наук М. В. Резцовой) и немецкой философии (акад. А. М. Деборин).

4.

Раздел пятилетнего плана, включающий научно-исследовательские работы по археологии, объединяет ряд узловых проблем соответственно основным объектам археологических исследований.

Исследования по проблеме: «Стадии развития палеолита и неолита в отдельных районах СССР» ставят своей целью разрешение вопроса о выделении племенных групп древнейшего населения на территории нашей страны. Над выполнением этой задачи будут работать три археологические экспедиции: палеолитическая, изучающая палеолит Восточноевропейской равнины (П. П. Ефименко, М. В. Воеводский, П. П. Борисковский, С. Н. Бибиков), и две неолитические — Северная и Окская, имеющие целью изучение племенных групп неолитической эпохи на территории северо-европейской части СССР (А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс).

Исследование Трипольской культуры (проф. Т. С. Пассек), имеющее большое значение для изучения этногенеза населения Юго-Запада СССР и, в частности, поднепровского славянства, будет производиться как путем кабинетной работы, так и путем археологических раскопок. Обобщением материалов раскопок последних лет является монография «Триполье», в которой устанавливается относительная хронология энеолитических памятников юго-западной части Восточной Европы и прослеживаются изменения быта и культуры в эпоху расцвета Триполья. Продолжением этой работы, должны явиться систематические раскопки на поселениях Кировоградского, Каневского и других районов Украинской ССР с целью установления разновременных этапов в жизни поселений Трипольского времени, а также выяснения взаимоотношений Триполья с памятниками эпохи бронзы («катакомбного» и «среднеднепровского» типа) и стратиграфического и типового соотношения Триполья Украины с его юго-западными аналогами.

По эпохе бронзы намечены работы: О. А. Граковой — «Археологические культуры эпохи бронзы в Восточной Европе» и проф. М. И. Артамонова — «Этнический состав населения Восточной Европы в I тысячелетии до н. э.»

Археологические исследования в области культуры древнего Востока представлены работами проф. Б. А. Куфтина — «Переднеазиатские связи культур бронзового века СССР» и проф. Б. Б. Пиотровского — «Городская культура Урарту».

История и культура греческих колоний и эллинистических государств в Причерноморье будут

изучаться путем археологических раскопок древних городов Боспора — Пантикапея и Фанагории (руководитель В. Д. Блаватский), Тиритаки и Мирмекши (В. Ф. Гайдукевич), а также раскопок в Ольвии (Т. П. Книпович). Разработка этой проблемы представляет большой интерес с точки зрения выявления культурного воздействия эллинистических городов Черноморья на население не только соседних, но и весьма отдаленных (вплоть до Камы и Сибири) областей СССР. Кроме того, роль черноморских памятников имеет ни с чем не сравнимое значение для исследования самой эллинистической культуры.

С целью изучения скифской эпохи намечаются две археологические экспедиции: Скифская и Тавро-скифская. Результатом их работ явятся монографии о скифских поселениях (проф. Б. Н. Граков), о «царских курганах» (он же) и о крымских скифах (П. Н. Шульц).

Крупное научное и политическое значение имеет проблема происхождения финно-угорских племен и их древнейшая история. До сих пор эта проблема решалась главным образом на историко-лингвистических и исторических источниках, к которым археология привлекалась лишь случайно. Между тем у советских археологов и антропологов накопилось значительное количество достоверных материалов, позволяющих внести ясность в этот круг важнейших вопросов. Для выполнения этой задачи намечаются исследования по ананьинской культуре (исполнитель А. В. Збруева), по археологии Обь-Иртышского Севера (В. Н. Чернецов) и раскопки городища «Великие Болгары» (проф. А. П. Смирнов).

Древнейшая история народов Сибири и Центральной Азии будет изучаться при помощи Саяно-Алтайской археологической экспедиции, имеющей целью изучение Южного Алтая (руководитель М. П. Грязнов), экспедиции для изучения Тувинской горной страны и Монголии (проф. С. В. Киселев), Чукотской комплексной археолого-этнографической экспедиции (С. И. Руденко, А. П. Окладников и др.) и Тяньшань-Алтайской и Синцзянской экспедиций (проф. А. Н. Бернштам).

Кроме того, по археологии Средней Азии будут работать Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (проф. С. П. Толстов), Согдийская археологическая экспедиция (член-корр. А. Ю. Якубовский) и Южнотуркменская археологическая экспедиция (проф. М. Е. Массон).

В предстоящем пятилетии будут также продолжены работы по археологическому изучению древнерусских городов. В частности, проф. А. В. Арциховский к 800-летию юбилею Москвы готовит материалы и исследования по археологии Москвы. Он же будет вести работы по археологическому изучению Смоленска и Гнездово и в сотрудничестве с М. К. Каргер — также и Новгорода. Проф. Б. А. Рыбаков будет работать в Чернигове, М. К. Каргер и Г. Ф. Корзухина — в

Киеве, С. А. Тараканова — в Пскове, проф. В. И. Равдоникас — в Старой Ладоге и т. д.

5

Последний из пяти главных разделов пятилетнего плана — этнография. Работы по этой дисциплине распадаются на обобщающие труды и на монографии.

Наиболее крупным из обобщающих трудов по этнографии является многотомное издание «Народы мира» (руководитель — проф. С. П. Толстов). Это — первый в русской научной литературе сводный труд такого типа. Задача работы — противопоставить старым буржуазным и особенно фашистским компиляциям общего народоведения фундаментальное советское издание, построенное на методологии исторического материализма и дающее новейшие материалы по этнографии народов мира. Все издание состоит из 9 томов. Пять томов, охватывающие этнографию народов Кавказа, Средней и Северной Азии, Западной, Центральной и Южной Европы, а также Австралии, Океании и Америки, уже в основном подготовлены. В предстоящем пятилетии будут подготовлены остальные четыре тома, а именно: том I, вводный, содержащий классификацию народов мира и историю формирования основных этнических, антропологических и лингвистических групп человечества; том II, охватывающий Восточную Европу (народы СССР); том VII — Восточную, Южную и Западную Азию, и том VIII — Африку.

Два других обобщающих труда имеют целью осветить историю этнографии. Сюда входят работы: «Современная этнография» проф. Д. А. Ольдерогге и «Очерки по истории русской этнографии и антропологии», руководители — профессора С. П. Толстов, С. А. Токарев, Н. И. Степанов и кандидат наук М. Г. Левин.

Монографические труды по разделу этнографии группируются вокруг нескольких узловых проблем, хотя работы, входящие в каждую из этих проблемных групп, представляют собою самостоятельные исследования.

Проблема «Происхождение человека и первичное заселение эйкумены» представлена двумя большими работами: «Происхождение homo sapiens и современных человеческих рас» (руководители: проф. В. В. Бунак и кандидаты наук М. Г. Левин и Я. Я. Рогинский) и «Заселение эйкумены и древнейшие переселения человеческих групп» (профессора В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, кандидаты наук М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров).

Проблемы истории первобытной общественной организации исследуются в двух коллективных работах: «Происхождение родовой организации» (руководители — проф. М. О. Косвен и проф. Д. А. Ольдерогге) и «Патриархально-родовой строй и военная демократия» (проф. С. П. Толстов).

Большое значение имеют предусмотренные пятилетним планом, работы по изуче-

нию этнического состава мира. Сюда относятся, во-первых, составление этнографических карт и атласов, а именно: этнографической карты Европы (включая Кавказ) в границах после второй мировой войны (руководители — профессор: С. П. Толстов, кандидат наук П. И. Кушнер, проф. М. О. Косвен и кандидат наук Н. Н. Чебоксаров), этнографического атласа Западной Европы (проф. В. В. Богданов и кандидат наук Н. Н. Чебоксаров) и этнографического атласа Северной Азии (кандидаты наук М. Г. Левин и А. А. Попов). Во-вторых, к этой же общей проблеме относится монография проф. В. В. Бунака «Антропологический состав народов Центральной и Южной Европы», ставящая своей целью дать сводку новейших материалов по антропологии Европы и противопоставить их имеющимся в антропологической литературе обобщениям, в большинстве случаев методологически несостоятельным и для целого ряда районов явно недоброкачественным. В-третьих, сюда включается важная с точки зрения установления принципов исследования в области этнографии работа проф. П. И. Кушнера «Методология этнографических исследований». Эта работа будет состоять из трех частей: 1) методология определений этнографических границ, 2) методы анализа этнической статистики и 3) принципы построения и картографического оформления этнографических карт.

Значительное внимание пятилетний план по этнографии уделяет этнографическим описаниям народов СССР. Состоящие из отдельных монографий эти описания основаны, как правило, не только на литературе, но и на многолетних полевых этнографических исследованиях. В предстоящем пятилетии намечен ряд крупных экспедиций, имеющих целью всестороннее этнографическое и антропологическое обследование различных народов и групп племен, а затем — составление монографий. В частности, будут осуществлены: Якутская этнографо-антропологическая экспедиция (руководитель кандидат наук М. Г. Левин), комплексная Коми-экспедиция (кандидат наук Н. Н. Чебоксаров и А. В. Збруева), Таймырская комплексная экспедиция (А. А. Попов и Б. О. Долгих), экспедиция к восточным эвенкам (Г. М. Васильевич), Дагестанская этнографо-антропологическая экспедиция (кандидат наук Е. М. Шиллинг).

Существенное значение имеют также предусмотренные планом исследования по этнографии славян. Сюда относятся следующие работы: коллективный труд «Восточные славяне» (руководители — проф. С. П. Толстов, П. Г. Богатырев, В. В. Богданов и Б. А. Рыбаков); работа даст систематический обзор этнографии русских, украинцев и белоруссов и явится первым марксистским трудом, обобщающим накопленный за последние десятилетия материал по этнографии восточных славян, I серия монографий члена-корр. Д. К. Зеленина «Западные и Южные славяне»; в 1945 г. из этой серии уже написана книга о чехах

и словаках; на предстоящее пятилетие планируются монографии о поляках, о малозвестном славянском народе лужичанах и о народах Югославии; «Славянский фольклор» — серия сборников (под руководством проф. П. Г. Богатырева) по различным жанрам славянского фольклора: героический эпос, сказка, лирическая песня, народная драма; в этих работах будут также освещены теоретические проблемы фольклористики.

Таковы научные проблемы, входящие в план исследовательских работ Отделения истории и философии на пятилетие 1946—1950 гг. Мы здесь не перечислили намеченные планом публикации источников (летописи, законодательные памятники, акты

и пр.), не указали ряд предполагаемых экспедиций и пр.¹ Само собою разумеется, что большая и ответственная работа предусмотрена также планами каждого из институтов Отделения, не включенными в общеакадемический план.

Следует иметь в виду, что настоящая информация носит предварительный характер, так как при дальнейшем рассмотрении плана и его окончательном утверждении в него могут быть внесены те или другие коррективы.

¹ План публикаций и план экспедиций заслуживают самостоятельного рассмотрения.

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Серия истории и философии № 3 (1946) (270—284) Série historique et philosophique

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

БАЛКАНСКАЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

1

В соответствии с решением Президиума Академии Наук СССР об организации экспедиции в балканские страны, в январе—марте 1946 г. в Болгарии, Югославии и Румынии проводила работы группа археологов и этнографов — сотрудников Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра и Института этнографии АН СССР¹.

Задачи, поставленные перед Балканской экспедицией, будут понятны, если представить, какое огромное значение в исторической жизни Восточной Европы и в частности в жизни славянства имели западное Причерноморье и поречье Дуная, и если одновременно с этим вспомнить, что в течение более четверти века русская, а затем и советская историческая наука была оторвана от исторической науки и научных материалов балканских стран. Сейчас, когда преграды, отделяющие нашу страну от стран Балканского полуострова, рухнули, рухнули и преграды, разъединяющие нашу научную жизнь. Одним из первых мероприятий, осуществляемых Академией Наук СССР в плане восстановления и развития научных связей СССР и балканских стран, и явилась Балканская экспедиция 1946 г.

Более конкретно задачи, поставленные перед экспедицией, заключались в следующем. Во-первых, ознакомление с деятельностью научно-исследовательских учреждений, музеев и высших учебных заведений, занимающихся вопросами археологии, этнографии и славяноведения, и направлением, содержанием и результатами их работы. Кроме того, в наши задачи входило установить с ними деловой контакт и подготовить почву для будущих совместных исследований. Во-вторых, перед экспедицией стояла задача изучения археологических, этнографических и иных исторических материалов с целью разработки вопросов этногенеза, древней и средневековой истории и истории культуры славянства, а особенно проблемы исторических и культурных взаимоотношений и связей славянских народов Балкан-

ского полуострова со славянскими народами СССР. Наконец, экспедиция должна была ознакомить научную общественность балканских стран с деятельностью соответствующих научно-исследовательских учреждений, вузов и музеев Союза ССР, а также с основными результатами археологической, этнографической и исторической науки в нашей стране, главным образом в области славяноведения.

Работы экспедиции начались в Болгарии, затем они были продолжены в Югославии; на обратном пути экспедиция остановилась на несколько дней в Бухаресте, где также были проведены некоторые научные работы.

2

За время пребывания в Болгарии сотрудники экспедиции имели возможность подробно ознакомиться с Археологическим и Этнографическим музеями в Софии и с крупнейшими провинциальными музеями: Пловдивским, Варненским и Шуменским. Несмотря на зимнее время, удалось посетить места древних болгарских столиц — Преслава и Плиски — и осмотреть выдающееся произведение болгарской культуры «Мадарский всадник» — величественный барельеф, изображающий хана Крума (IX в.), высеченный на скале. Наконец, участники экспедиции посетили церковь Георгия и церковь Софии в Софии, Баянскую церковь в окрестностях Софии, известную своими замечательными фресками XII—XIII вв., Бачковский монастырь и др. Этнографическая группа экспедиции совершила несколько выездов в сельские местности, присутствовала на новогодних празднествах «Сурвакаре» в с. Дивля (Западная Болгария), на свадьбе около Шумена, посетила русские села около Варны, «Бабий день» и «Крещение» в районе Софии и др.

В Софии экспедиция ознакомилась с работами Археологического института, исторической секции Академии наук и искусств и университета.

Переходя к характеристике археологических исследований в Болгарии, прежде всего следует отметить, что в этой сравнительно небольшой стране имеется значительное число археологических учреждений, главным образом музеев, которые ведут полевые исследования, организуют охрану памятников и широко публикуют результаты своих работ. Крупнейшими среди них являются Народный археологический музей и Археологический институт и

¹ В состав экспедиции входили: доктор исторических наук А. В. Арциховский, доктор филологических наук П. Г. Богатырев, доктор археологии В. И. Равдоникас, доктор исторических наук Б. А. Рыбаков, доктор исторических наук С. А. Токарев и доктор исторических наук П. Н. Третьяков (начальник экспедиции).

Софии; они ведут систематические раскопки в Преславе, Плиске и других местах Болгарии. Музей обладает обширными собраниями древностей, начиная с палеолита и кончая поздним средневековьем. Большие археологические собрания, главным образом памятники античности, имеются в Варненском музее, созданном покойным К. Шкорпилом — известным соратником Ф. И. Успенского по археологическим исследованиям Плиски. Археологические раскопки в южной Болгарии ведет пловдивский музей, где сосредоточены богатые собрания первобытных и античных древностей. При наличии в стране значительного числа памятников старины, археологические исследования в Болгарии привели к ряду выдающихся открытий, по своему значению далеко выходящих за пределы западного Причерноморья и чрезвычайно важных для истории нашего Юга.

Из открытий последнего времени особого внимания заслуживают прежде всего неолитические памятники восточной Болгарии с богатой и яркой культурой. Керамика разнообразных форм с рельефным меандровым и спиральным орнаментом, женские статуэтки и фигурки животных, глиняные модели жилищ с двускатной крышей, многочисленные изделия из камня и кремня — все это представляет своеобразную параллель трипольской культуры Поднепровья.

Очень интересны для истории нашего Причерноморья скифские курганы долины р. Марицы, т. е. южной Болгарии. Эти памятники были известны здесь уже давно, но по составу находок их определяли обычно не как скифские, а как фракийско-скифские, или просто фракийские. Последние работы пловдивского музея в районе г. Пловдива были обнаружены курганы с характерным скифским инвентарем IV в. до н. э.

Совершенно исключительный интерес представляет античная гробница в Казанлыке IV в. до н. э., открытая недавно в центральной Болгарии. По характеру своих росписей и их прекрасной сохранности гробница Казанлык далеко превосходит все известные до сих пор аналогичные произведения античного искусства. Этот замечательный памятник еще не опубликован, над ним работает сотрудник Народного археологического музея Н. Миков, но весть о казанлыкской гробнице уже широко распространилась за пределами Болгарии.

В центре внимания болгарских археологов находятся, однако, не первобытные или античные древности, а памятники средневековья, среди которых первое место заслуженно занимают лежащие в развалинах болгарские столицы VII—X вв. — Плиска и Преслав. Археологические исследования в Плиске были начаты в 1899 г. Ф. И. Успенским и К. Шкорпилом и производились ими в течение ряда лет. За это время на территории внутреннего городища были открыты остатки дворца хана Омортага, востроенного в первой четверти IX в. на месте разрушенного более грандиозного дворца отца Омортага — хана Крума, а

также ряд других сооружений, входящих в состав дворцового комплекса, и окружающих его укреплений. В последние десятилетия, особенно перед войной, раскопки в Плиске успешно продолжались. На городище открыты новые дворцовые помещения и большая базилика; обследованы остатки ряда монументальных сооружений в пределах внешнего пояса укреплений, обнаружено место железнотопильного промысла и др. Исследования Плиски сейчас производит директор Народного археологического музея в Софии, известный специалист по ранне-средневековым древностям Н. П. Мавродинов.

Пожалуй, еще более интересные результаты дали в последние годы раскопки в Преславе, где работает целая группа археологов (В. Мавродинова, Ю. Господинов, Х. Миятев). После известной «Круглой» церкви, на стене которой была обнаружена глаголическая графитка, в Преславе открыты и частично раскопаны остатки еще нескольких церквей IX—X вв., поражающих роскошью своего убранства. Каменные полы, инкрустированные разнообразными по форме и окраске полированными керамическими плитками, в том числе позолоченными, образующими сложные геометрические узоры, такое же или покрытое резьбой оформление стен, дверей и оконных проемов, разнообразная скульптура, часто совершенно натуралистическая, — все это ставит монументальные памятники Преслава в ряд наиболее выдающихся произведений строительного искусства своего времени и при этом искусства весьма своеобразного.

Археологическую группу экспедиции интересовали, однако, не только монументальные сооружения Плиски и Преслава, но и тот массовый материал, который происходит из культурного слоя этих городищ и который получил до сих пор лишь очень слабое отражение в публикациях.

Этот материал, уже при первом знакомстве с ним, распадается на две синхроничные, но различные по происхождению группы вещей. Первую составляют вещи, характерные для славянской культуры рубежа I и II тыс. н. э. Это легкая и годчатая керамика и некоторые типы украшений. В состав второй группы входят культурные остатки, совершенно идентичные материалам из нижнеднепровских и днепровских городищ хазарского времени (салтовомаяцкая культура). Здесь можно видеть и керамику всех салтовомаяцких форм, большое число бус, украшения из бронзы; наконец, что особенно бросается в глаза, в Плиске, Преславе, Мадаре и других древнеболгарских поселениях в изобилии встречаются различные тамгообразные знаки и рисунки, точно такие же, как на городищах западной Хазарии. Все это позволит в дальнейшем более точно определить роль древнеболгарского (неславянского) элемента в сложении культуры и государственности Болгарии. Эти факты имеют большое значение и для понимания культуры западной Хазарии, этническая интерпретация которой

до сих пор является предметом научных споров в среде советских археологов.

Совершенно исключительное значение для решения всех этих вопросов имеет открытая в 1945 г. в Преславе каменная плита с надписью — уникальный памятник древнеболгарской письменности IX в. Оказавшаяся тюркской, надпись сделана греческим алфавитом; она содержит перечень различных видов вооружения с указанием количества каждого из них. Эта замечательная находка, еще не опубликованная, уже в значительной мере разрешает длительный спор об этнической принадлежности аспаруховских болгар.

Среди материалов X—XIII столетий, хранящихся в софийском, пловдивском, варненском и шуменском музеях, археологической группой экспедиции была выделена обширная серия вещей восточнославянского, причем не только южного, но и северного происхождения, указывающая на наличие в указанные столетия тесных экономических и культурных связей между Болгарией и Русью, а может быть, и на приток в Болгарию русского населения. Большинство этих вещей происходит из случайно раскрытых могил, но они найдены и в культурных наслоениях, а также в виде кладов. Среди них, кроме типичной керамики, особенно выделяются височные кольца киевского типа, затем большие проволочные височные кольца смоленских форм, витые браслеты с петлями на концах, разнообразные стеклянные браслеты и др.

Таким образом, археологическими исследованиями в Болгарии открыты ценнейшие исторические материалы. К сожалению, почти совершенно не освещенной археологическими данными остается эпоха VI—VII столетий, т. е. время вторжения славян за Дунай и поселения их на Балканском полуострове. В то же время известно, что такие памятники в Болгарии имеются в большом числе. Прежде всего это места византийских укреплений IV—VI столетий на правом берегу Дуная, где впоследствии поселились славяне.

Единственный, более или менее исследованный памятник этого типа — городище Садовец на Дунае дал ряд интересных находок; городище раскапывалось несколько лет тому назад немецкими археологами. Весь материал был увезен в Германию и сейчас неизвестно, где находится. Памятник такого же характера, т. е. византийское укрепление с более поздним славянским слоем, датируемым византийскими монетами VII—VIII столетий, исследуется в настоящее время за пределами Болгарии бухарестским археологом проф. Стефаном. Речь идет об известной по византийским свидетельствам крепости Диногетия, находящейся на правом берегу Дуная около г. Галаца.

Несколько иную оценку должны получить этнографические исследования в Болгарии. В этой стране, где крестьянское население сохраняет в своем быту так много далекой старины и национальных

черт, объем этнографических исследований сравнительно невелик. Собственно говоря, этнографическими исследованиями в Болгарии занимается лишь Народный этнографический музей в Софии и отчасти университет. Во главе музея стоит чрезвычайно энергичный собиратель этнографических материалов, автор ряда капитальных работ по этнографии Болгарии — Х. Вакарельский. В области фольклора и народной музыки плодотворно работает сотрудник музея Кацарова. В университете этнографическая работа является незначительным дополнением к обширным филологическим исследованиям, во главе которых стоит крупнейший в Болгарии специалист в области славянской филологии проф. С. М. Романский. Он же возглавляет славянскую филологию в Академии наук и искусств и руководит работами по составлению академического словаря болгарского языка. Что касается провинциальных музеев, то они имеют очень небольшие и случайные собрания этнографических материалов и почти никакой научно-исследовательской работы в этой области не ведут.

Положительной чертой является то, что вокруг Этнографического музея и университета группируется значительное число молодых начинающих этнографов, собирающих фольклор, произведения народного искусства и др. Ценно также, что в селах Болгарии имеется целый ряд корреспондентов Этнографического музея. С их помощью, в частности, в короткий срок удалось значительно восполнить коллекции музея, сильно пострадавшие от бомбардировок.

Из наиболее интересных работ в области этнографии Болгарии, выполненных в последнее время, следует отметить прекрасную карту распространения различных типов женской и мужской одежды, охватывающую территорию всей страны и несомненно отражающую чрезвычайно древнее племенное деление славянского населения Болгарии. Ведется такая же работа в отношении различных типов жилища. Но наибольшим вниманием болгарских этнографов пользуются многочисленные сохранившиеся в болгарской деревне народные обряды, действительно представляющие собой явление совершенно исключительного интереса. Многие из этих обрядов служат прекрасным материалом не только для изучения древней идеологии, но и для изучения старых семейных и общественных форм.

Среди обрядов, которые удалось наблюдать в Болгарии этнографической группой экспедиции, наиболее интересным является новогодний обряд «Сурвакаре», сохраняющийся в юго-западной части страны в районе с. Дивля, в 100 км на запад от Софии.

Новогодний («старый новый год»), по содержанию напоминающий украинские «сколядки», обряд «Сурвакаре», сохраняет многочисленные черты какого-то древнего праздника встречи солнца: кульминационным пунктом праздника, продолжающегося

всю ночь, является рассвет; костюмы участников («жукарей») украшены изображениями солнца и состоят из огромных масок и головных уборов, сделанных из шкурок различных птиц. Обряд «Сурвакаре» сохраняет явные черты родового праздника. Его участниками являются лишь мужчины. Центральными фигурами обряда, одетыми в упомянутые маски, являются «старые деды», полный костюм которых, снабженный многочисленными колокольцами и бубенчиками, обшитый мехом, перьями, бусами и т. д., совершенно не вяжется с нашими представлениями о славянстве, больше напоминая костюмы полинезийцев. О родовом характере обряда говорят, наконец, и те жесткие столкновения, которые происходили раньше между встретившимися друг с другом группами «жукарей» из различных местностей или селений.

Наряду с имеющимися в болгарской деревне элементами далекой старины, этнографическая группа экспедиции отметила многочисленные новые черты национальной культуры, являющиеся продуктом современного творчества. Они проявляются в области прикладного искусства (вышивка, резьба по дереву) и в особенности в области фольклора. Повсюду в Болгарии имеется богатый современный фольклор, в частности фольклор партизанский, собиранно которого, к сожалению, уделяется сравнительно мало внимания.

За время пребывания в Софии сотрудниками экспедиции было прочитано более 10 докладов, освещающих советскую археологическую и этнографическую науку. Состоялся целый ряд деловых встреч с научными работниками археологических и этнографических учреждений, на которых, в частности, обсуждался вопрос о формах наших будущих научных связей и совместной работе над проблемами археологии, этнографии и истории славянства. Одним из первоочередных мероприятий в этом направлении должна явиться посылка в Болгарию советской научной литературы, представленной там совершенно недостаточно.

3

Покинув Болгарию, Балканская экспедиция перенесла свою работу на территорию Югославии. Благодаря исключительному вниманию и постоянной помощи со стороны югославских правительственных и общественных организаций, сотрудникам экспедиции удалось в относительно короткий срок совершить большую поездку по стране, ознакомиться с деятельностью многочисленных музеев и научно-исследовательских учреждений, увидеть многие исторические и художественные памятники Югославии и, наконец, с целью этнографических наблюдений посетить несколько сельских местностей.

Из Белграда, где внимание экспедиции привлекли собрания Художественного (он же археологический) и Этнографического

музеев, а также древняя крепость, сотрудники экспедиции проехали в Загреб, где ознакомились с собраниями Этнографического музея, с Археологическим и Кустарным музеями, наконец с Крапинской коллекцией в Геологическом музее. Этнографический музей Загреба является одним из лучших в Югославии. Кроме богатейших собраний одежды, он владеет великолепной коллекцией разнообразных орудий труда и промыслов, керамикой и т. д. Следующим пунктом, лежащим на пути экспедиции, была Любляна, построенная на месте римского города Эмоны, древние стены которого-где сохранились. Любляна имеет большой и хорошо оборудованный музей, где сосредоточены археологические и этнографические собрания. Из Любляны через Сушак сотрудники экспедиции проехали в г. Сплит, посетив по дороге Задар с его музеем и старый далматинский город Шибеник.

Старейший далматинский археолог проф. М. Абрамич, в течение многих лет производивший раскопки в Солоне и других пунктах в окрестностях Сплита, утверждает, что последний раз археолог из России приезжал в Далмацию 54 года тому назад. Это был Я. Н. Смирнов. Все последующие годы никаких связей между далматинской и русской, а затем советской археологией не было. Далмация с ее первоклассными римскими памятниками: дворцом императора Диоклетиана и развалинами города Солон, с ее замечательными средневековыми городами, сохранившими архитектуру XV—XVI вв., представляет собой подлинный музей под открытым небом. Дворец Диоклетиана (рубеж III и IV столетий) — одно из наиболее выдающихся произведений позднеимперской архитектуры; он особенно интересен благодаря исключительной сохранности многих его частей (мавзоль, храм Юпитера, все четверо ворот, угловые башни и др.). На площади г. Солон, разрушенного в 615 г. аварами и славянами, в настоящее время раскопаны развалины театра и огромного амфитеатра I—II вв. н. э., базилики V—VI вв. и многие другие монументальные сооружения. Сплит чрезвычайно интересен и как средневековый город. Впрочем архитектура XV—XVI столетий лучше сохранилась в небольших городах далматинского побережья: Трогире, Хваре, и Карчуге, входивших в XV—XVI столетиях в пределы венецианских владений.

Большой интерес представляют собрания Этнографического музея Сплита. В нем представлены национальные костюмы Далмации, сочетающие в себе древние славянские черты с особенностями, принесенными из средневекового города; очень богата коллекция вышивок и др.

Другим замечательным городом далматинского побережья является Дубровник — некогда столица Рагузской республики, соперница Венеции. Несмотря на землетрясение, разрушившее в XVII в. многие здания, старый город Дубровник, окруженный

прекрасно сохранившимися стенами с многочисленными башнями, с дворцом ректора и другими древними постройками, с узкими переулками, выходящими на широкую центральную улицу,носящую звучное славянское имя — Страдун, вряд ли имеет себе равный, так же хорошо сохранившийся облик и колорит приадриатического средневекового города.

Музей Дубровника обладает солидными собраниями одежды, утвари и вооружения времен Рагузской республики. Совершенно исключительную научную ценность, в частности и для истории нашей страны, имеет богатейший архив Дубровника, где, наряду с перепиской с Турцией, Венецией и другими странами, хранятся письма Петра I, Екатерины II и ряд других документов, рисующих дипломатические связи России и Дубровника.

Последним крупным городом Югославии, который посетили сотрудники экспедиции, был Сараево; там находится самый большой в Югославии и хорошо оборудованный археологический и этнографический музей.

Археологические музеи всех перечисленных выше югославских городов обладают значительными собраниями первобытных и античных, главным образом римских, древностей, а музеи Хорватии, Словении и Далмации еще и церковно-католическими древностями. Наряду с этим в музеях почти совершенно отсутствуют памятники славянской культуры. Археологией славянства, его историей и историей культуры на территории Югославии до первой мировой войны, а также в версальской Югославии почти совершенно не занимались. Это явилось результатом длительного австрийского владычества и того антинационального политического курса, который господствовал в стране до второй мировой войны. Лишь в белградском музее имеется незначительная коллекция славянских древностей VIII—X столетий, происходящих из раскопок могильников, а главным образом из случайных находок. Таким образом, специальные интересы археологической группы экспедиции (славянская археология) в Югославии далеко не могли быть удовлетворены. Из археологических собраний, привлечших к себе особое внимание участников экспедиции, следует отметить: материалы из известных неолитических поселений Винча (Белград, автор раскопок патриарх сербской археологии М. Васиц является профессором университета) и Бутмир (Сараево), богатейшие коллекции из свайных построек эпохи бронзы и из гальштадтских могильников (Любляна), наконец, предметы из раскопок иллирийского (?) свайного поселения «Донья долина» и огромного числа соответствующих могильников (Сараево).

Что касается этнографических музеев Югославии, то многие из них, как уже не раз отмечалось выше, располагают богатейшими собраниями, рисующими национальную культуру страны во всем ее бес-

конечном многообразии. Как и в Болгарии, здесь очень много сделано по изучению национального костюма, который широко бытует в стране; в настоящее время ведутся работы по изучению материальной культуры, народного искусства, обычаев и особенно много внимания уделяется фольклору. Этнографическая группа экспедиции, кроме изучения музейных собраний, сделала несколько выездов в сельские местности, посетив хорватскую свадьбу около Загреба, село, где родился Копитар, около Любляны, с. Канавле около Дубровника, дер. Данац в районе Сараева, боснийскую свадьбу у Сараева и обряд «Крепа слава» около Белграда.

В настоящее время в новой Югославской республике наблюдается подъем исследовательской работы в области исторических дисциплин, в том числе в археологии и этнографии. Чрезвычайно возрос интерес к советской науке, причем, он проявляется как в среде научных работников, так и в самых широких кругах югославской общественности. В то же время югославская научная общественность очень плохо информирована о деятельности советских научно-исследовательских учреждений, в том числе археологических и этнографических, так как в Югославии совершенно отсутствует советская научная литература. Поэтому экспедиция широко развернула в Югославии лекционную и другую информационную деятельность. В Белграде, Загребе, Любляне, Сплите и Сараево был прочитан ряд лекций и проведены совещания с работниками музеев и научно-исследовательских учреждений. Выступления сотрудников экспедиции собирали огромную аудиторию и пользовались большим успехом.

На обратном пути из Белграда в Москву сотрудники экспедиции на несколько дней остановились в Бухаресте, где удалось ознакомиться с собраниями Музея древностей (археологический музей), с некоторой частью собраний ныне свернутого Этнографического музея, с архивом музыкального фольклора, выставкой «Румынская деревня», а также осмотреть привезенные в Бухарест рельефы Trophaeum Traiani.

4

Итоги работ Балканской археолого-этнографической экспедиции 1946 г. следующие:

Во-первых, экспедиция ознакомила со всеми основными археологическими и этнографическими собраниями и другими историческими памятниками Болгарии, Югославии и отчасти Румынии, подробно изучив материалы, относящиеся к древней и средневековой истории славянства. Это дает возможность уже на данном этапе включить балканские материалы в орбиту нашей научно-исследовательской работы. Во-вторых, экспедиция ознакомила с деятельностью археологических, этнографических, а также исторических научно-исследовательских учреждений названных стран, устано-

тив личный контакт с крупнейшими болгарскими, югославскими и отчасти румынскими исследователями — археологами и этнографами. Наконец, экспедиция широко осветила перед научными работниками и общественностью названных стран основные результаты работ советских археологов и этнографов в докладах и лекциях (прочитано около 40 докладов и лекций), в местной периодической печати, на совещаниях в музеях и научно-исследовательских институтах.

В то же время экспедиция расценивает свою деятельность лишь как начало работ

советских археологов и этнографов на Балканском полуострове и в дальнейшем предполагает аналогичные поездки советских специалистов на Балканы для организации совместных с учеными балканских стран полевых археологических и этнографических исследований.

Первоочередной задачей является посылка в Болгарию, Югославию и Румынию советской археологической, этнографической и исторической литературы, почти совершенно там отсутствующей. Это послужит прочным фундаментом наших связей с научной общественностью этих стран.

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Серия истории и философии № 3 (1946) (285—286) Série historique et philosophique

АВТОРЕФЕРАТЫ

П. П. ФРИДОЛИН

ВОССТАНИЕ ЧЬОМПИ

Среди других социальных движений в Западной Европе XIV в. «Восстание Чьомпи», несмотря на большое историческое значение его, остается наименее изученным. Оценить во всей широте это движение до сих пор не удавалось. Оставались весьма спорными как смысл всего движения в целом, так и объяснение причин его временного успеха и поражения. Да и вообще ни в буржуазной, ни в советской литературе полного, исчерпывающего специального труда о Чьомпи до сих пор не было. Реферируемая книга делает попытку восполнить этот пробел.

Введение дает обзор и характеристику трудов предшественников автора по данному вопросу. Вводные главы посвящены рассмотрению особенностей и своеобразия производственных отношений во Флоренции XIV в., характеристике флорентийской общественности и аппарата флорентийского республиканского управления, без чего нельзя понять смысла и значения «Восстания Чьомпи».

Полемизируя со своими предшественниками, буржуазными исследователями, автор, на основе марксистской методологии и тщательного анализа первоисточников, приходит к ряду новых выводов. Он доказывает, что правительство флорентийской республики XIV в. представляло собой правительство определенной социальной группы, что оно руководствовалось в своей политике «эбизими» классовыми интересами, — не интересами цехов, корпораций, к которым официально принадлежали его члены, а интересами общественных группировок, принадлежность к которым определялась местом, занимаемым в производственном процессе.

Эти общественные группировки, как вскрывает автор, возникали (вопреки всем старым, официально и юридически признанным группировкам) стихийно из новых условий производства, неудержимо толкавших флорентийское общество на новую расстановку сил в связи с появлением разлагающихся феодально-цеховой строй зачатков капиталистического производства. На основе интересных современных доку-

ментов¹ автор обрисовывает житейские постулаты в мировоззрении так называемого «жирного» («grasso») и «меньшого» («minuto») народа во Флоренции XIV в.

Автор утверждает и доказывает (вопреки появившимся в последнее время в зарубежной литературе попыткам смазать классовую борьбу во Флоренции XIV в.²), что классовая борьба продолжалась в острых формах в течение всего XIV в. Первоисточники позволяют нам констатировать до девяти случаев восстаний рабочих еще до 1378 г., до «Восстания Чьомпи», причем непосредственное участие в этих восстаниях принимали рабочие и ремесленники текстильных цехов, т. е. именно тех, где имелись зачатки капиталистического способа производства.

Автор констатирует три фазы в развитии того движения, которое привело Чьомпи к власти, прослеживая шаг за шагом роль подстрекателей движения (вроде Медичи и др.) и непосредственных участников его, его движущих сил; вскрывает нарастание и постепенное углубление этой своеобразной революции XIV в., вплоть до выступления в третьей (августовской) фазе так называемых «непримиримых», их поражения и падения Чьомпи.

Подчеркивая соглашательский, половинчатый, компромиссный характер правительства Микеле ди Ландо, этого чesальщика шерсти, вышедшего из рядов Чьомпи, выясняя его предательство по отношению к своим же братьям рабочим, выдвигавшим его, автор документально устанавливает, что программа восставших Чьомпи была начертана еще в июньских петициях, что как раз «непримиримые» пытались выпрямить линию поведения их избранников, которая была искажена предательской деятельностью Микеле ди Ландо.

Автор доказывает, что Чьомпи потерпели неудачу совсем не потому, что были, будто бы, какими-то «извергами», «погромщиками», которые едва, мол, не погубили «добрую старую» буржуазно-цеховую Флоренцию, а потому, что в последнюю минуту им изменили их союзники из рядов

¹ Paolo di Messer Pace da Certaldo. Il libro di buoni costumi.— Vergerio P.-P. De ingenuis moribus.— Bruni Leonardo. De studiis et litteris.

² См., напр., Ottokar Nicola. Il Comune di Firenze alla fine del dugento. Firenze, Vallecchi Editore, 1926.

мелкой цеховой буржуазии. Недостаточность развития классового сознания у флорентийских рабочих и ремесленников XIV в., отсутствие у них надлежащей сплоченности и руководства дали возможность разбить их ряды и привести к падению Чьомпи.

Оценивая «Восстание Чьомпи» в целом, автор утверждает, что это была не только борьба флорентийских рабочих и ремесленников за право ассоциаций или же за участие в политической жизни «цеховой» Флоренции, но, что «движение метило в

конечном итоге гораздо дальше узких цеховых интересов». Оно только одним концом было обращено к «цехам», в то же время оно было реакцией на возникавшие зачатки капиталистических отношений, т. е. было «обращено не в уходящее прошлое, а в грядущее будущее».

В конце книги имеется подробный экскурс, посвященный «описанию и характеристике источников и материалов», несколько приложений — справок, а также текст неизданной рукописи F. Palat. 518. Cartac. Sec. XV, обнаруженной автором во Флоренции.

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР BULLETIN DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Серия истории и философии № 3 (1946) (287—295) Série historique et philosophique

РЕЦЕНЗИИ

История дипломатии: Том второй. Дипломатия и новое время (1872—1919 гг.) Под редакцией академика В. П. Потёмкина. Составили: проф. Хвостов В. М. и проф. Минц И. И. Госполитиздат. Москва, 1945, 423 стр.

Никогда дипломатия и ее история не вызывали столь значительного интереса со стороны самых широких общественных кругов, как теперь, когда народы, разгромив блок фашистских агрессоров, отдают свои усилия тому, чтобы заложить прочные основы своего мирного развития. Реакционные элементы, все еще влияющие в ряде стран, пытаются использовать дипломатию в качестве инструмента подготовки новой войны. Ослепленные эгоистическими интересами, преследуя узкоограниченные цели, эти реакционные элементы стремятся возродить старые дипломатические методы и обветшалые концепции — «равновесия сил» и др. Однако времена Венского или Берлинского конгрессов, когда судьбы мира решались в тиши дипломатических кабинетов, остались далеко позади. Народы, вынесшие на своих плечах все испытания двух мировых войн, не могут быть устранены от участия в решении судеб мира. Суровые уроки, преподанные в ходе двух мировых войн и их дипломатической подготовки, не могут пройти даром. Эти уроки весьма назидательны. Вот почему выход в свет «Истории дипломатии» следует признать весьма своевременным, тем более, что эта работа дает систематическое изложение и научное обобщение самых актуальных моментов в развитии дипломатии в эпоху империализма.

Хронологические рамки второго тома «Истории дипломатии» широки — они заключают в себе события дипломатической истории от 1872 до 1918 г. Составители начинают изложение с характеристики обстановки, сложившейся в Европе в результате военного разгрома Франции в 1870—1871 гг. и образования на прусско-милитаристской основе Германской империи, и доводят его до того момента, когда первая мировая война закончилась разгромом этой агрессивной империи, а победившая Антанта начала интервенцию и завершила дипломатическую изоляцию советской России. Таким образом, второй том «Истории дипломатии» освещает большой и законченный период нового времени. Основными его проблемами являются дипломатическая подготовка первой мировой войны и деятельность дипломатии воюющих держав в годы этой войны, включая и ее усилия по организации антисоветской интервенции. Каждый, кто изучал дипломатическую исто-

рию нового времени, знает, что, пожалуй, нет ни одного другого периода, который мог бы сравниться с рассматриваемым по обилию опубликованных материалов и документов. Появившаяся на основе этих материалов буржуазная историческая литература, за самым малым исключением, не представляет, однако, подлинно-научной ценности, поскольку, как правило, она пронизана определенными политическими тенденциями апологетического свойства. Советская «История дипломатии» выделяется прежде всего своей подлинно-научной объективностью. Этим она обязана тому методу, который положен в ее основу. Считая, что дипломатия освещаемого ею периода приобрела новые черты, по сравнению с теми, которые были свойственны дипломатии, сложившейся на базе капиталистического общества, составители правильно устанавливают, что «в соответствии с ведущей ролью финансового капитала в международных отношениях XX века дипломатия этого периода отражает в своей деятельности влияние монополистических объединений, банков и бирж» (стр. 7). Было бы, конечно, очень важно и ценно детально проследить это влияние на конкретных фактах применительно к основным событиям истории дипломатии. Но это может быть сделано только на основе большой монографической литературы, в которой были бы разработаны отдельные крупные проблемы или этапы истории дипломатии. К сожалению, марксистско-ленинская монографическая литература по вопросам истории дипломатии не велика, и это напоминает нам о тех трудностях, которые стояли перед составителями второго тома «Истории дипломатии», когда они приступили к выполнению своей задачи. С другой стороны, как известно, буржуазная литература по этому вопросу просто необъятна, а ее влияние крайне опасно. Составители избежали этих опасностей и можно признать, вполне справились с указанными выше трудностями. Это объясняется тем, что путеводной нитью в изложении истории дипломатии нового времени являлось для них учение Ленина и Сталина об империализме. Речь идет не только об общей идее работы, но и об освещении отдельных исторических проблем и даже о группировке и оценке отдельных исторических фактов. Такова, например, оценка австро-

германского союза, сколоченного Бисмарком в 1879 г. и просуществовавшего до разгрома Германии и Австро-Венгрии в 1918 г. Как известно, Ленин считал заключение этого союза первым этапом («вехой») на путях к мировой войне, вспыхнувшей в 1914 г.¹ Товарищ Сталин отметил, что этот союз, оборонительный по форме, по существу стал «одной из основ будущей империалистической войны»². Составители «Истории дипломатии» дали подробный анализ дипломатической обстановки, в которой австро-германский союз зарождался и складывался. Они показали, какие цели преследовал и какие предусматривал методы для достижения этих целей. В этой связи в «Истории дипломатии» очень подробно освещена дипломатическая деятельность Бисмарка, начиная с того момента, когда он, разгромив Францию, навязал ей захватнический Франкфуртский мир, и кончая его отставкой в 1890 г. В течение многих десятилетий германская историография рисовала политический облик «железного канцлера» как европейского миротворца. Но еще в 1870 г. Маркс дал правильную оценку деятельности этого героя прусской буржуазно-юнкерской реакции в области внешней политики: Маркс предвидел, что один только захват Эльзаса и Лотарингии, вскоре осуществленный Бисмарком, неизбежно превратит войну в «европейскую институцию»³. «История дипломатии» прослеживает основные линии дипломатических интриг Бисмарка, который вместе с германским Большим штабом не раз собирался совершить новое нападение на Францию. Если это не осуществилось, то вовсе не потому, что это не соответствовало намерениям Бисмарка. Наоборот, он тщательно готовил эту войну, которая должна была бы утвердить германскую гегемонию в Европе, но каждый раз война предотвращалась вмешательством русской дипломатии, наиболее блестящим представителем которой в XIX в. был, несомненно, Горчаков. Бисмарк ненавидел Горчакова, ибо видел в нем своего наиболее крупного противника. Германский канцлер понимал, что русский канцлер, одновременно и точно умеет распознавать его наиболее хитрые дипломатические планы. Бисмарк, конечно, никогда не был другом России. Но он боялся ее. Более того, как правильно отмечает «История дипломатии», «Бисмарк всегда старался вредить России. Он стремился втянуть ее в конфликты с Англией, Турцией» (стр. 103). В то же время Англия в своей политике, направленной против России, не раз пыталась использовать Германию.

Эти попытки не только не прекрати-

лись, но, наоборот, стали еще более энергичными и частыми после того, как в противовес союзу Германии и Австро-Венгрии, к которому присоединилась и Италия, сложился союз России и Франции. С обоими этими державами Англия имела счеты — и притом все более нарастающие, по мере того, как расширялась колониальная экспансия великих держав. Положительной стороной «Истории дипломатии» является то, что взаимоотношения между всеми этими великими державами в Европе рассматриваются ею не изолированно, а в тесной связи с событиями, происходившими на колониальной периферии. Составители показывают, как происходило завершение борьбы за раздел мира и какие дипломатические последствия имели антагонизмы, возникавшие на этой основе. Они показывают, как в конце XIX и в самом начале XX в., наряду с обострением отношений между Англией и Россией, Англией и Францией, нарастал англо-германский антагонизм, который становился доминирующим и определяющим. Разумеется, этот антагонизм находил в области дипломатии весьма сложное и порою неожиданное выражение, но это объяснялось сложностью обстановки и теми сложными маневрами, которые империалистские соперники применяли в этой обстановке для достижения своих целей.

В особенности это относится к политике Англии в период заката ее «блестящей изоляции». Еще летом 1885 г. Рандольф Черчилль — отец нынешнего экс-премьера Англии — пытался завязать с Германией переговоры о союзе, направленном против России. Хотя Германия уже вступила к этому времени на путь колониальных захватов и первые проявления экономического и колониального соперничества с Англией были уже налицо, — не эти нарождающиеся антагонизмы привели тогда к провалу переговоров. Гораздо большее значение имело то обстоятельство, что Англия, по словам Бисмарка, искала «большого дурня» для войны против России, а Германия, страшась войны с Россией, не желала на себя брать эту роль, предназначенную ей английской дипломатией. Это не мешало Германии самой втягивать Англию в войну против России.

Через тринадцать лет попытки английской дипломатии повторились. К этому времени положение Англии в международных отношениях уже значительно изменилось. Британский империализм делал значительные усилия, чтобы при окончательном разделе мира захватить себе львиную долю. Но в связи с успехами русской политики на Дальнем Востоке, расширением французского влияния в Африке и, наконец, в связи с ростом японской и американской экспансии политические затруднения Англии серьезно возросли. Авантюристский набег Джемсона на Трансвааль — набег, организованный одним из наиболее типичных

представителей британского империализма того времени, Сесилем Родсом, — провокационная позиция, занятая Германией, уже со всей силой обнаружили экономическое и колониальное соперничество между Англией и Германией. В последующие годы это соперничество нарастало; при этом Германия немало раздражала англичан своей политической вымогательств. Правительство Солсбери попыталось достигнуть соглашения с Россией по делам Дальнего и Ближнего Востока, но неудачно. Тогда среди английских империалистов выкристаллизовалось течение в пользу сближения с Германией и даже союза с нею, направленного против России. В 1898 г. инициативу в этом вопросе взял на себя лидер крайних империалистов, министр колоний Джозеф Чемберлен. Переговоры, начатые с немцами, не дали результатов. Излагая их, «История дипломатии» приходит к следующему выводу: «Вдумчивый наблюдатель уже тогда, в 1898 г., мог бы убедиться, что англо-германский союз невозможен. Стороны говорили на разных языках. Немцы воспринимали предложение Чемберлена как попытку заставить Германию таскать для Англии каштаны из русского огня; англичане считали вымогательством колониальные притязания немцев. Но эти обоюдные впечатления составляли только субъективную сторону англо-германских отношений».

Объективно антагонизм был еще более глубоким, нежели сами его участники успели это осознать. Дело не исчерпывалось колониальными притязаниями Германии, торговой конкуренцией, ее стремлением к гегемонии. Важнее было то, что Германия приступила к сооружению сильного военно-морского флота...

Появление сильного военного флота делало Германию самым опасным из всех мыслимых врагов Англии» (стр. 132—133).

Впоследствии английская дипломатия еще дважды вела с Германией переговоры о союзе. Затем, оборвав эти переговоры, она заключила союз с Японией (в 1902 г.), через два года достигла соглашения с Францией (в 1904 г.), а после русско-японской войны — и с Россией (в 1907 г.). Так сложилась Антанта. После образования австро-германского и франко-русского союзов образование Антанты являлось третьим этапом, или, по выражению Ленина, «вехой», на путях к мировой войне. «История дипломатии» показывает, что Антанта не являлась сложным военно-политическим механизмом. Она показывает, что по ряду вопросов между участниками Антанты возникали разногласия. Однако Германия явно переоценивала эти разногласия. Еще 1 января 1907 г. один из влиятельных чиновников английского ведомства иностранных дел Эйр Кроу отмечал, что Германия стремится установить свое господство и в Европе, и на морях; что и в Азии, и в Африке, и в Южной Америке она стремится создать большие колониальные империи. «Правда, — писал

Кроу, — каждый из этих грандиозных планов кажется невыполнимым при современных международных условиях; однако похоже на то, что Германия носит ее всеми ими сразу, сама нагромождая, таким образом, на своем пути препятствия и развязывая силы сопротивления встревоженного мира». Характеризуя методы германской дипломатии, Кроу пришел к следующему выводу: «Поведение Германии лишь доказывает, как мало логики, последовательности и целеустремленности содержится в этой бурной деятельности, в тех ошеломляющих выходах и в том пренебрежительном отношении к чувствам других наций, которые столь типичны для последних актов германской политики» (стр. 182).

После образования Антанты провокационные выходы Германии еще более усилились. На протяжении 1908—1913 гг. они не раз приводили к серьезным кризисам в международных отношениях, чреватым всеобщим военным столкновением. Бросая вызов, германская дипломатия пыталась расшатать Антанта, политически ее взорвать или хотя бы ослабить. «История дипломатии» показывает, как протекала борьба Антанты и австро-германского блока и к каким результатам это приводило. Ни в период Балканского кризиса (1908—1909 гг.), ни в период Агадирской провокации (1911 г.) и итало-турецкой войны (1911 г.), ни в период балканских войн (1912—1913 гг.) германская дипломатия не достигла своих целей. Тем не менее, когда германский империализм летом 1914 г. решился начать войну, руководящие круги берлинской дипломатии всерьез рассчитывали, что Англия сохранит нейтралитет. Эти предположения основаны были на оценке дипломатических взаимоотношений с Англией в течение последних двух-трех лет. «История дипломатии» дает объяснение этому факту: «В напряженной международной борьбе главными противниками оставались Германия и Англия. Англо-германский антагонизм и был основным фактором в империалистской борьбе, приведшей к войне 1914 г. Однако в 1913 и в начале 1914 г. усилия британской дипломатии были направлены на то, чтобы замаскировать остроту англо-германского антагонизма. В эти годы Англия, во-первых, зангирывала с Тройственным союзом при определении границ Албании; во-вторых, она вела с Германией переговоры касательно возобновления известного договора 1898 г. о разделе португальских колоний. Наконец, английская дипломатия перестала чинить Германии препятствия по финансированию Багдадской дороги» (стр. 243). Далее «История дипломатии» показывает, что «в результате пацифистских жестов и маневров английской дипломатии в Берлине и в Вене укрепилась надежда на то, что Англия не собирается участвовать в войне против Германии. Подобные иллюзии не делали чести проницательности австрийских и германских политиков; тем не менее они

¹ См. Ленин. Тетради по империализму, 1939, стр. 619—620.

² Сталин. Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б).

³ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXVI, М., 1939, стр. 69.

остаются историческим фактом» (стр. 244). Эти иллюзии, внушенные немцам, английская дипломатия очень ловко использовала в начале первой мировой войны. В критические дни июля 1914 г. Эдуард Грей, руководитель английской дипломатии и ее типичный представитель, поощрял германскую агрессию. И только тогда, когда военная развязка между европейскими державами стала неминуемой, Грей, по выражению русского посла в Лондоне графа Бенкендорфа, «приподнял маску». Только 29 июля, после неоднократных данных немцам заверений в том, что Англия останется нейтральной и постарается «держаться в стороне сколь возможно дольше», Грей заявил германскому послу, что Англия готова остаться в стороне, если война возникнет между Австрией и Россией, но что «положение тотчас бы изменилось», если бы началась война между Германией и Францией. «В этом случае», — заявил Грей, — нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать». Впечатление, которое произвело в Берлине это заявление Грея, составители «Истории дипломатии» определяют как «потрясающее». Оно действительно было таким. Но германская дипломатия уже не могла повернуть события вспять. Она не могла отклониться и от своего собственного пути разжигания войны: в этом сказалось воздействие всемогущего в Германии генерального штаба.

В ряде глав «История дипломатии» показывает, что обе враждовавшие между собою группировки империалистских держав — и Тройственный союз и Антанта в течение многих лет вели подготовку войны, в которой все они преследовали захватнические цели. Вот почему виновниками этой войны следует считать империалистов всех стран. Вместе с тем «История дипломатии» устанавливает, что «непосредственно начала войну летом 1914 г. Германия. Она была самой агрессивной державой, вооружалась наиболее поспешно и успела лучше и быстрее всех подготовиться к войне» (стр. 245).

Вспыхнув на Балканах, война в течение нескольких дней охватила главные европейские державы, а со вступлением Англии война стала принимать мировые масштабы. С этого времени дипломатия воюющих держав, еще в большей степени, чем раньше, направлена была к тому, чтобы привлечь на свою сторону новых союзников или, в крайнем случае, не допустить перехода нейтральных государств на сторону враждебного лагеря. Некоторые государства сами спешили вступить в войну, преследуя этим особые цели. Так, Япония объявила войну Германии вовсе не потому, что собиралась сократить военную мощь последней, а потому, что стремилась использовать возникшую в Европе войну для укрепления своих империалистских позиций на Дальнем Востоке. Вступление в войну Турции на стороне германского империализма сопровождалось маневрами, редкими даже в истории турецкой диплома-

тии: заключив 2 августа 1914 г. союзный договор с Германией, младотурецкое правительство опубликовало декларацию о нейтралитете и вскоре вступило в переговоры с Россией, предлагая ей заключить союз против Германии. Это предложение было простым обманом с целью выиграть время и дожидаться прихода направленных немцами в Черное море военных кораблей. Когда корабли пришли, Энвер вместе с представителями германского командования не замедлил одним ударом втянуть Турцию в войну против России и против всей Антанты. «История дипломатии» излагает далее обстоятельства вовлечения в войну Болгарии — на стороне австро-германского блока, Италии, Румынии — на стороне Антанты. Особое значение имела позиция США как в период их нейтралитета, так и, в особенности, с момента их вступления в войну.

Как известно, многие зарубежные историки склонны считать, что именно участие США определило исход войны. Они забывают при этом роль России, которая в течение всех предшествующих лет несла на себе огромную тяжесть борьбы против мощной германской армии, а также против австро-венгерской и турецкой. «Основным фронтом», читаем мы в «Истории дипломатии», — Англия и Франция считали Западный фронт. Русской армии они отводили самую неблагоприятную роль. Она должна была оттягивать на себя силы противника в те моменты, когда этого требовали соображения англо-французского командования. Действительно, русское наступление на Восточную Пруссию спасло Париж и обеспечило успех французов на Марне. Зато России стоило величайших жертв». И в кампании 1915 г. Россия приняла на себя главный удар германских войск. «Россия обеспечила Англии и Франции время для развертывания их сил и ресурсов. Благодаря этому к 1916 г. немцы уже потеряли те преимущества, которыми они располагали, начиная войну» (стр. 277). Трудно переоценить значение этого факта. Составители «Истории дипломатии» отмечают еще одно немаловажное обстоятельство характерное для взаимоотношений держав Антанты: «...со своей стороны Англия и Франция почти что пальцем не пошевелили для того, чтобы облегчить летом 1915 г. положение русской армии. Западные союзники не нашли возможным предпринять крупное наступление на французском фронте. И когда с большим запозданием, наконец, началось французское наступление в Шампани, то оно оказалось мизерным по своим масштабам. Бесконечные проволочки в дипломатических переговорах между странами Антанты по вопросам координации фронтов способствовали затяжке войны» (стр. 277—278). Во время войны зависимость русского царизма от англо-французского капитала усилилась; это в значительной степени определяло взаимоотношения между Россией и ее западными союзниками. В конце концов над Россией нависла

опасность стать почти колониальной страной. Великая Октябрьская социалистическая революция устранила эту опасность. Россия стала на путь выхода из империалистской войны. Молодая советская дипломатия, воодушевленная новыми принципами, — принципами защиты интересов социалистического государства, уже с первых своих шагов стала играть выдающую роль в делах мировой политики.

Разделы, посвященные первым этапам деятельности советской дипломатии, читаются с особым интересом. Составители «Истории дипломатии» рассказывают, как образовался Наркоминдел, какую роль сыграло опубликование тайных договоров; как, опубликовав исторический декрет о мире, советское правительство упорно и неуклонно боролось за всеобщий мир. Международное положение Советского государства было крайне трудным: дипломатия Антанты применяла весь ассортимент имевшихся в ее распоряжении средств, чтобы добиться полной изоляции советской России и организовать против нее интервенцию. В то же время дипломатия и военщина германского блока в свою очередь начали наступление на советскую Россию. В этой сложнейшей обстановке на долю советской дипломатии выпала огромная ответственность. «История дипломатии» показывает роль Ленина и Сталина в дипломатических переговорах о мире, а также в их дипломатической борьбе против организаторов анти-советской интервенции. Страницы, посвященные выяснению этой роли, читаются с неослабевающим интересом. Но разумеется, эта тема еще требует специальной и большой работы.

В целом второй том «Истории дипломатии» представляет собою ценный вклад в советскую историческую науку. В нем систематизирован и обобщен большой фактический материал, опубликованный у нас и за рубежом за последний четверть века. Излагая события дипломатической истории, анализируя дипломатические комбинации, многие из которых столь же быстро рушились, сколь быстро возникали, составители рецензируемой работы в одинаковой степени избежали как схематизма, так и излишней запутанности и ненужных деталей в изложении вопроса. Правда, не все вопросы разработаны одинаково глубоко и подробно (так, например, дальневосточному вопросу в 1908—1914 гг. отведено всего лишь три страницы). Далее, с нашей точки зрения, не совсем пропорционально распределен материал: слишком много внимания уделено германской дипломатии, меньше — английской и еще меньше — французской и американской. Однако это ни в какой мере не меняет общей оценки работы: она достаточно четко и ясно показывает, как шла дипломатическая борьба между империалистскими державами в период с 1872 по 1918 г., какие цели каждая из этих держав преследовала и какие методы применяла для достижения этих целей. Несомненно, она представляет значительный интерес, научный и политический, не только для советского читателя, но и для зарубежного. Было бы поэтому целесообразно издать «Историю дипломатии» и на иностранных языках.

А. Ерусалимский

История дипломатии. Том третий. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939 гг.). Под редакцией академика В. П. Потёмкина. Составили: проф. Минц И. И., проф. Панкратова А. М.

акад. Потемкин В. П., акад. Тарле Е. В. и Колчановский Н. П., Госполитиздат, Москва — Ленинград, 1945, 883 стр.

Третий том «Истории дипломатии» охватывает период с конца первой мировой войны до начала второй мировой войны. «Основное содержание этого периода», — указывается во введении, — характеризуется двумя моментами: во-первых, сосуществованием, взаимодействием и борьбой двух противоположных систем — капитализма и социализма; во-вторых, чрезвычайным обострением всех капиталистических противоречий, которое и привело человечество ко второй мировой войне.

Первые восемь глав, охватывающие в основном первый этап развития послевоенных отношений, написаны проф. И. И. Минцем. Они характеризуют борьбу государств-победителей за «новый режим» отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на Дальнем Во-

стоке — договор десяти держав, а в Европе — версальский и целый ряд других договоров»¹.

Автор дает развернутую картину борьбы стран-победительниц за установление версальской системы, описывает борьбу между Англией и Францией за гегемонию в Европе и попытки изолировать Советский Союз. Особенно хорошо показана деятельность молодой советской дипломатии, которая, руководствуясь указаниями Ленина и Сталина, использовала противоречия в лагере империалистических стран и добилась первых своих успехов. Превосходство советской дипломатии перед дипломатией капиталистической выявилось с первых же дней существования социалистического госу-

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 568.

дарства и в борьбе во время брестских переговоров, и в дипломатической борьбе во время интервенции, и, в особенности, на Генуэзской конференции, где советским дипломатам удалось расколоть единый фронт империалистических держав и добиться заключения Рапальского договора. Советская дипломатия с первых же дней своего существования «ставит своей задачей обеспечить мир народам Советской страны и создать внешнеполитические условия, необходимые для их созидательной работы. Такая задача совпадает с интересами всего передового человечества» (стр. 764). Даже во время самой интервенции борьба за мир не прекращалась. Ленин особо подчеркивал значение этой работы нашей дипломатии: «Войну за мир мы выполняли с чрезвычайной энергией. Война эта дает великолепные результаты»². В результате этой умелой борьбы советскому правительству удалось в течение 1920—1921 гг. заключить мирные договоры с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей.

Автор также останавливается на противоречиях, которые развернулись в районе Тихого океана. Здесь сталкивались Англия, США и Япония. Правильно показав, что «соперничество между США и Англией стало одним из основных узлов империалистических противоречий» (стр. 124), автор в то же время разъясняет причины временного сближения Англии и Америки после войны 1914—1918 гг. для совместной борьбы на Дальнем Востоке против Японии, которая использовала войну для усиления своих позиций в Китае.

Главы X—XV, написанные членом-корр. Академии Наук СССР А. М. Панкратовой, посвящены второму этапу «Истории дипломатии» новейшего времени. Этап этот «означен был, во-первых, обострением внутренних противоречий версальско-вашигтонской системы; во-вторых, постепенным распаданием этой системы усилиями враждебных ей государств; в-третьих, вступлением капиталистических стран на путь дипломатического признания непрерывно крепнущей Страны Советов, которая мощью Красной Армии и искусными действиями своей дипломатии опрокинула все попытки империалистов подвергнуть ее военному разгрому или окружить кордоном политической изоляции» (стр. 1). Эти три основные и характерные черты второго этапа очень подробно и тщательно разъясняются в указанных главах. План Дауэса и Локэрно показаны как попытки закрепления послевоенного режима в Европе; вскрыто дальнейшее развитие противоречий между Англией и Францией, которые были использованы Германией для более быстрого восстановления своего хозяйства и своих вооруженных сил и т. д. К сожалению, необходимо отметить, что политика США и их противоречия с Англией здесь недостаточно показаны. Хотя

² Ленин. Соч., т. XXV, стр. 102.

Соединенные Штаты формально «ушли» из Европы, фактически, со времени плана Дауэса, они приложили не мало усилий для того, чтобы укрепить свои позиции и в Европе. Одновременно США вели непримиримую борьбу за консолидацию и укрепление своих позиций в Центральной и Южной Америке, где они встречали сопротивление со стороны Англии и частично Японии.

И в этих главах хорошо показана деятельность советской дипломатии. В то время, как империалистические страны и в первую очередь Англия пытались создать блок империалистических стран против СССР, Советский Союз проводил сталинскую политику мира.

Эта политика мира сорвала попытки империалистов договориться о совместных действиях против СССР. Хорошо показана борьба СССР за всеобщее и полное разоружение, которая являлась неотъемлемой частью политики Советского Союза, отношение СССР к пакту Бриана—Келлога и досрочное введение пакта в жизнь в результате умелой дипломатии СССР. «Советская политика мира» и дружественного сотрудничества со всеми странами, — пишет автор, — независимо от их политического строя, при одном лишь условии взаимности, давала свои плоды. 9 февраля 1929 г. в Москве был подписан протокол о немедленном введении в действие Парижского договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Московский протокол подписали СССР, Эстония, Латвия, Польша, Румыния. 1 апреля 1929 г. к нему присоединилась Турция и 5 апреля — Литва» (стр. 407).

Главы XVI—XXVI, также написанные А. М. Панкратовой, охватывают годы 1929—1939, т. е. третий этап в истории международных отношений новейшего времени. Они показывают влияние мирового экономического кризиса на международные отношения; обострение противоречий в лагере капиталистических стран, приведшее к крушению версальско-вашигтонской системы; попытки найти выход из кризиса за счет СССР; раскол капиталистического мира на лагерь демократических стран и лагерь фашистско-агрессивных стран; появление очагов второй мировой войны; подготовку гитлеровской Германии и ее союзниками (Японией и Италией) второй мировой войны; политику «умиротворения» агрессоров и т. д.

Много места уделено деятельности СССР как действительного фактора мира и той упорной борьбе, которую вела советская дипломатия за политику коллективной безопасности против агрессоров.

Прав автор, когда пишет, что «с уважением будет хранить человечество память о благородной исторической роли советской дипломатии. Верная принципам Ленина и Сталина, не отступая ни на шаг от ленинской концепции сосуществования двух миров — социалистического и капиталистического, — неуклонно прово-

дя политику мира и делового сотрудничества со всеми народами, независимо от различий их государственного строя, одушевленная стремлением избавить человечество от ужасов войны путем организации единого фронта «свободолюбивых народов против поджигателей новой мировой войны, советская дипломатия неизменно, твердо и смело за все время своего существования отстаивала свои принципиальные позиции в интересах всего передового человечества» (стр. 700).

Несмотря на то, что автор еще не имел в своем распоряжении документов Нюрнбергского процесса, изучение глав, характеризующих внешнюю политику гитлеровской Германии — захват Австрии, Мюнхенское соглашение и т. д., показывает, что использованный материал дал возможность автору прийти к правильным выводам, совпадающим с тем, что выявилось на процессе.

Богатый материал этого раздела дает возможность советскому читателю изучить предвоенную обстановку и понять причины, которые неизбежно должны были привести ко второй мировой войне.

Весьма ценным является раздел книги, посвященный приемам, методам, организационным формам и технике современной дипломатии. Глава акад. Е. В. Тарле «О приемах буржуазной дипломатии» богато иллюстрирована примерами, характеризующими методы буржуазных дипломатов. Не менее важна глава Н. П. Колчаковского, помогающая советскому читателю разобраться в организационных формах и технике современной дипломатии.

Том не лишен ряда пробелов, которые следовало бы устранить в дальнейших изданиях. Остановимся на важнейших из них. Первым следует считать совершенно недостаточное освещение экономических противоречий между капиталистическими странами; слабо показана роль крупных монополий, часто определяющих политику того или иного кабинета империалистического государства. Даже после самого тщательного изучения данного тома «Истории дипломатии», разоблачающего германскую дипломатию и подготовку гитлеровской Германией войны, а также показывающего политику «невмешательства», мы все же не получаем ясного ответа на вопрос о росте экономических противоречий в империалистических странах, приведших ко второй мировой войне. Неясно показано, что уже к 1937—1938 гг. Германия опередила в экономическом отношении Англию и Францию и успешно вытесняла их с европейских и других рынков. Еще в большей мере, чем до первой мировой войны, Германия становилась основным соперником Великобритании. Иначе говоря, англо-германские противоречия вновь стали основными в лагере капиталистических стран. В эти же годы Германия весьма успешно вытесняла Англию с рынков латиноамериканских стран. Если до этого времени в странах западного полушария основным

соперником США была Великобритания, то уже к 1938 г. ее место заняла Германия.

Говоря о политике «невмешательства», следовало бы показать не только политические причины, обусловившие ее проведение, но и экономические. Связи английских и американских монополий с германскими и японскими концернами приводили к тому, что реакционные круги Англии и США не были заинтересованы в политике обуздания агрессора. Возьмем хотя бы политику Англии и США в отношении Японии. В течение многих лет она определялась экономической заинтересованностью. Известно, что американские инвестиции в Японии в 1935 г. втрое превышали размеры американских капиталовложений в Китае. Английских инвестиций в Японии было еще больше американских. Крупнейший японский концерн Мицуби был связан с банкирским домом Моргана. Второй по величине и влиянию японский концерн Мицубиси находился в тесной связи со Стандартом Ойл.

Второй пробел работы в том, что очень мало места уделено дипломатии США. В связи с этим англо-американские противоречия, о которых говорится в начале книги, дальше не разъясняются, а часто даже совсем выпадают из поля зрения автора. Также не нашли должного места и американо-японские противоречия.

Слабый анализ противоречий между Японией, Америкой и Англией на Дальнем Востоке затрудняет понимание причин, приведших к войне на Тихом океане.

Дипломатия США проводила определенную линию в Европе, на Тихом океане и в странах западного полушария. Отношение США к европейским событиям (план Дауэса, Локэрно) и в особенности отношение Рузвельта к Германии, Чехословакии и Польше освещается гораздо больше, чем другие, не менее важные стороны американской дипломатической жизни. Ничего нет о панамериканской дипломатии США, о политике «доброго соседа» Рузвельта, о дипломатических попытках сплотить все западное полушарие вокруг США, о межамериканских конференциях в Буэнос-Айресе и Лиме и т. д. Выпала в книге также и Женевская конференция трех держав 1927 г., на которой происходила острая борьба между США и Японией по вопросу о морских вооружениях.

Третьим пробелом рецензируемой работы следует считать то, что проблемам колоний и зависимых стран не уделено достаточно внимания. Особенно это касается Китая и китайской революции. Так, например, в главе XIV описывается политика держав в Китае, но ничего нет о китайской революции 1925—1927 гг., событиях, оказавшем большое влияние и на дипломатические отношения. Формулировка, данная автором на стр. 369 («В июле 1925 г. в Кантоне создано национальное правительство. Оно возглавило движение против порядков, навязанных Китаю им-

перналистами), слишком «дипломатична» и не отражает тех огромных сдвигов в политической жизни Китая, которые начались в 1925 г. В связи с этим вопросом следует также указать на то, что на стр. 376—377 политика Англии по отношению к Китаю освещена, по нашему мнению, неправильно. У читателя может получиться впечатление, что Англия в то время проводила чуть ли не прогрессивную по отношению к Китаю политику.

Недостатком книги следует считать то, что авторы, увлекаясь хронологической последовательностью, часто в некоторых главах неудачно располагают материал и затрудняют понимание основного вопроса, трактуемого в той или иной главе. Примером может служить глава 21, в которой из 43 страниц основной проблеме уделяется 8—10. Гораздо целесообразнее было бы скомпоновать материал таким образом, чтобы в одной главе дать все материалы, касающиеся возникновения третьего очага войны (1935—1936 гг.), а в отдельной главе — остальные события, характеризующие одностороннее расторжение Германией мирных договоров.

Наконец, нельзя пройти мимо некоторых досадных небрежностей. Так, на стр. 366—367, где описываются условия, при которых был заключен договор между

СССР и Турцией, столько нагромождено, что вряд ли читатель неспециалист поймет основную мысль. Также неясно написан раздел «Борьба за Средиземное море» (стр. 392—393). На стр. 392 сказано, что Англия помогала Италии, блокируясь с ней против Франции, а уже на следующей странице автор пишет: «Укрепление итальянских позиций в бассейне Средиземного моря и на Ближнем Востоке вызвало противодействие со стороны британской дипломатии».

Указанные пробелы и шероховатости не умаляют огромных достоинств этого весьма полезного труда, в котором собран богатейший материал по истории дипломатии. Впервые широкие круги советских читателей и научная общественность нашей страны получили марксистско-ленинскую историю дипломатии новейшего времени, излагающую не только историю дипломатии капиталистического мира, но и историю советской дипломатии, и показывающую все возрастающую международную роль Советского Союза и его борьбу против агрессии, за подлинный мир и прогресс человечества. Выход в свет третьего тома «Истории дипломатии» является большим событием в советской исторической науке.

Л. Зубок

Меморандум правительства Федеративной народной республики Югославии об этническом составе Юлийской Краины (Memorandum du Gouvernement de la Republique Federative Populaire de Yougoslavie sur la structure ethnique de la Marche Julienne). К меморандуму приложена записка об австрийской национальной политике в Юлийской Краине и статистические данные об этническом составе Юлийской Краины (6+6+33 стр.).

В связи с предстоящим заключением многого договора с Италией правительство Федеративной Народной Республики Югославии представило в декабре 1945 г. Конференции министров иностранных дел великих держав в Лондоне документы, касающиеся этнического состава Юлийской Краины. Эти документы являются обоснованием территориальных требований Югославии в отношении Италии.

В своем меморандуме югославское правительство указывает, что Юлийская Краина заселена в основном славянским населением, теснейшим образом связанным исторически и культурно с остальным населением Югославии. На территории Юлийской Краины проживает не менее 25% словенцев (остальные 75% живут в Югославии) и свыше 6% хорватов, в то время как в этой области проживает едва 0,7% итальянского народа. Было бы большой исторической несправедливостью изолировать такую большую часть словенцев и хорватов от остального словенского и хорватского народа, живущего в Югославии. Югославское правительство настаивает на присоединении Юлийской Краины к Югославии, указывая, что установление западной политической границы в соответствии с этническим признаком (с коррективами,

вызываемыми экономическими интересами области) не нарушит ничьих национальных интересов, так как в пределы области войдет несомненное меньшинство (менее 25%) других, неславянских, национальностей. В доказательство этого югославское правительство приводит статистические данные, взятые из переписей народонаселения: австрийской 1910 г., итальянской — 1921 г. и югославской (Адриатического Института) 1945 г. Югославская перепись охватила не всю территорию, поэтому приходится пользоваться итальянской переписью 1921 г. и для сравнения — австрийской переписью 1910 г., хотя обе эти переписи искажают действительное положение вещей. Итальянская перепись 1921 г. проходила в условиях роста итальянского шовинизма, с его человеконенавистнической идеологией и ненавистью к славянам. Методы проведения переписи указывали на ее цель — показать преуменьшенную численность славянского населения. Это обеспечивалось, с одной стороны, организационными мероприятиями, с другой стороны — открытым террором фашистов. В основу переписи 1921 г. был положен лингвистический принцип — национальность определялась по языку, но не «материнскому» языку, а языку «обиходному». В инструкции для

переписчиков было сказано, что установление «обиходного» языка возлагается всецело на самого переписчика, который должен установить, какой язык употребляется в быту. Так как в Юлийской Краине значительная часть славянского населения (в особенности городского) умеет говорить по-итальянски, то переписчики всех славян, владевших итальянским языком, причисляли к итальянцам. Были даже случаи, когда к числу итальянцев относились лица, не знавшие ни слова по-итальянски.

Австрийская перепись 1910 г. в некоторых случаях может корректировать данные итальянской переписи (в случаях резкого расхождения переписных данных югославское правительство ссылается на данные 1910 г.). Но и эта перепись также тенденциозна. Во-первых, она преувеличивает численность немецкого населения, а во-вторых, преуменьшает численность славян не только в интересах немцев, но и в интересах итальянцев. Объясняется это общим направлением австрийской национальной политики. В специальной записке об этой политике (приложение к меморандуму) югославское правительство указывает, что угнетение славянского населения было ее основной целью. В тех областях, где немецкое население было ничтожно или вовсе отсутствовало, австрийцы использовали в качестве проводников своей политики эксплуататорские классы неславянских национальностей. В Юлийской Краине эту роль выполняли итальянские помещики, торговцы и промышленники, в руках которых находилась вся местная администрация. Австрийская перепись 1910 г. определяла национальность населения (так же, как и итальянская перепись 1921 г.) по признаку «обиходного» языка — поэтому переписчики причисляли к немцам всех, кто умел говорить по-немецки. Если опрашиваемый не знал немецкого языка, его спрашивали, не умеет ли он говорить по-итальянски; в случае утвердительного ответа он превращался в «итальянца». И лишь при полном незнании немецкого или итальянского языка славянин мог быть зарегистрирован как славянин. Во введении к «Статистическим данным об этнической структуре Юлийской Краины» (стр. V) югославское правительство приводит несколько примеров фальсификации переписных данных в 1910 г. В общине Валле (округ Кормело) переписчики обнаружили 296 итальянцев и 6 хорватов, между тем как в предыдущей переписи (1900 г.) в этой же общине было 257 хорватов и 3 итальянца. В местности

Нова Вас (Вилла Нова) возле Пореча (Паренцо) было зарегистрировано переписчиками 902 итальянца и 24 хорвата, но только в одной из хорватских школ обучалось 180 детей хорватов. В деревне Маттерада, где было обнаружено переписчиками лишь 119 хорватов, в начальной школе обучались исключительно хорватские дети, а в деревне Нерезине (на острове Луссини), где было показано итальянское большинство, нельзя было открыть итальянскую школу из-за отсутствия детей, знающих итальянский язык. Несмотря на указанные вопиющие дефекты переписей (как 1921 г., так и 1910 г.), приходится пользоваться данными австрийской и итальянской статистики, так как других данных нет. В 1945 г. Адриатический Институт сумел провести перепись населения на территории, освобожденной от фашистов. Опрос происходил в условиях совершенно свободных, при отсутствии какого-либо административного или морального давления на население; этот опрос выявил, что основная масса населения освобожденных территорий принадлежит к славянам.

Итальянское население, как это видно из переписных данных, живет в городах. Оно составляет немного более 25% населения области.

Всего на территории Юлийской Краины живет 970 000 жителей, из которых 650 000 принадлежит к славянам (словенцы, резьяне и хорваты). На севере области проживало некоторое количество немцев. В 1940—1942 гг. между Гитлером и Муссолини было заключено соглашение о переселении южнотирольских немцев, проживающих в Италии, в Германию. Часть этих немцев населяла северные районы словенского приморья (к югу от австрийской границы). Сведений о фактическом переселении немцев пока нет, но если они оттуда выселены, то неславянское население Юлийской Краины составляет менее 300 000 человек. Триест и Риеке (Фiume) поглощают большую часть этого населения. Экономически и культурно города Юлийской Краины связаны с окружающей их славянской областью, и даже Триест, в котором итальянцы составляют большинство, тяготеет не к Италии, а к Югославии.

Приводимые в меморандуме югославского правительства данные доказывают бесспорные права Югославии на Юлийскую Краину, население которой — как славянское, так и итальянское — активно боролось с фашистскими оккупантами.

П. Кушнер

ХРОНИКА

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

75-ЛЕТИЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

18 марта 1946 г. состоялось заседание Отделения истории и философии АН СССР в связи с исполнившейся в этот день годовщиной Парижской Коммуны. Отделение заслушало доклад проф. С. Б. Кана на тему «Проблемы истории Парижской Коммуны в новейшей литературе» (доклад публикуется в этом номере нашего журнала) и доклад проф. А. И. Молока на тему «Европа и Парижская Коммуна 1871 г.», в котором он осветил отношение к Коммуне правительств и правящих кругов стран Европы; различных политических партий; показал симпатии прогрессивных слоев к Коммуне и восторженные чувства передовых рабочих всего мира к первому в истории опыту диктатуры пролетариата.

ЗАСЕДАНИЕ В ЧЕСТЬ
АКАДЕМИКА Ф. А. РОТШТЕЙНА

В связи с исполнившимся 75-летием со дня рождения академика Ф. А. Ротштейна и 50-летием его общественно-политической деятельности Отделение истории и философии и Отделение экономики и права Академии Наук СССР организовали 27 марта 1946 г. совместное заседание, на котором были заслушаны два доклада. Проф. В. М. Лавровский обрисовал научные заслуги акад. Ф. А. Ротштейна как историка Англии. Проф. И. С. Звевич дал анализ трудов Ф. А. Ротштейна как историка международных отношений и широко осветил деятельность юбиляра в качестве организатора научной работы, инициатора ряда исследований, публикаций, как долголетнего руководителя Отдела всеобщей истории «Большой советской энциклопедии» и т. д.

Находившийся по состоянию здоровья вне Москвы Ф. А. Ротштейн не смог присутствовать на заседании. Собрание постановило обратиться к нему с приветствием.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР акад. Ф. А. Ротштейн в связи с 75-летием со дня его рождения награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР

На сессии Отделения истории и философии 25—26 апреля 1946 г. были обсуждены вопросы происхождения поволжских татар.

Открывая заседание, академик-секретарь Отделения акад. Б. Д. Греков отметил, что этот вопрос возник не случайно. Ученые Татарской АССР пишут труд по истории своего народа. Вопрос о происхождении каждого народа очень темный и очень трудный. Представители Татарской АССР обратились к институтам Академии Наук СССР, прежде всего к Институту истории и к Институту истории материальной культуры, чтобы совместными усилиями разрешить ряд трудных вопросов. Естественно, что Отделение охотно пошло им навстречу. Акад. Б. Д. Греков указал, что в процессе этой работы будет практиковаться совместное разрешение крупнейших проблем.

На заседании был подвергнут обсуждению основной вопрос о том, с чего следует начинать историю поволжских татар. Поэтому сюда привлечены не только историки, но и историки языка, историки материальной культуры, этнографы.

Проф. А. П. Смирнов сделал доклад на тему «К вопросу о происхождении татар Поволжья»; ст. научный сотрудник Института этнографии Т. А. Трофимова осветила вопрос об этногенезе татар Поволжья, опираясь на данные антропологии; происхождение казанских татар по этнографическим материалам охарактеризовал профессор Н. И. Воробьев; ту же тему, исходя из лингвистического материала, осветил доцент Казанского университета Л. З. Залялетдинов; проф. Н. Ф. Калинин построил свой доклад на освещении материалов истории, археологии, этнографии и лингвистики.

Доклады вызвали оживленные и весьма содержательные прения. Выступили член-корр. АН СССР С. Е. Малов, проф. М. Н. Тихомиров, член-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский, проф. С. П. Толстов, проф. В. В. Богданов, С. С. Дмитриев, Х. Г. Гимади, А. А. Булатов, Р. М. Раимов, Т. И. Типеев.

Доклады и выступления на сессии будут опубликованы в ближайшем номере журнала «Советская этнография».

Цена 9 руб.

Фрунзе 369.7
Кир. фонд 150-151/31
Акад. наук
Биб. кн
П. 1.12 ИА ИСТОРИ

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Название журнала	Число номеров в год	Подписная цена на год
Вестник древней истории	4	120
Советская этнография	4	90
Автоматика и телемеханика	6	45

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Конторой «АКАДЕМКНИГА», Москва,
Пушкинская, ул., 23
Книжным магазином «АКАДЕМКНИГА», Москва,
ул. Горького, 6

Отделениями конторы:

Ленинград, Литейный пр., 53а; Свердловск,
ул. Малышева, 58; Ташкент, ул. К. Маркса, 29
и Отделениями «Союзпечати»